

Е.В.ЧИСТЯКОВА

ГОРОДСКИЕ
ВОССТАНИЯ В РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ
XVII ВЕКА



С1010024

Е. В. ЧИСТЯКОВА

ГОРОДСКИЕ
ВОССТАНИЯ
В РОССИИ
В ПЕРВОЙ
ПОЛОВИНЕ
XVII ВЕКА

(30—40-е годы)

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ВОРОНЕЖСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
ВОРОНЕЖ 1975

Чистякова Е. В. **Городские восстания в России в первой половине XVII века** (30—40-е годы). Изд-во ВГУ, Воронеж, 1975, 248 с.

В монографии освещается история народных движений в различных районах России: в Москве и Подмосковье, в городах-крепостях юга страны — Воронеже, Курске, Ельце и др., в Поморье и Сибири. Работа основана на архивных и печатных источниках. В ней отражены достижения русской и советской историографии по проблемам истории классовой борьбы в России в середине XVII века. Показаны социально-экономические предпосылки городских восстаний, их ход и результаты, а также место в общем ходе классовых битв в период между двумя крестьянскими войнами под предводительством И. И. Болотникова и С. Т. Разина.

Книга рассчитана на научных работников, преподавателей и студентов высших учебных заведений, учителей, краеведов, а также на широкий круг читателей.

Печатается по решению Ученого совета историко-филологического факультета Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы от 20 февраля 1973 года.

Научный редактор — доктор исторических наук, профессор **М. Т. Белявский**.

Рецензенты:

заведующий кафедрой истории СССР Университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы, доктор исторических наук, профессор **В. Ф. Антонов**,

старший научный сотрудник Института этнографии АН СССР, доктор исторических наук **В. А. Александров**.

с. 1/166631

ВВЕДЕНИЕ

В средневековой феодальной России существовали разные типы городов. Как правило, это были укрепленные поселения, жители которых занимались преимущественно торгово-ремесленной деятельностью. В экономическом, административном, а часто и в военном отношении город был центром определенной округи¹. Поскольку население города в той или иной степени было связано с развитием товарно-денежных операций, по уровню развития города можно судить о степени общественного разделения труда. Город — органическая часть феодальной формации, но потенциально он вынашивал элементы ее будущей смены, и в этом заключалась кажущаяся противоречивость его положения.

По меткому выражению Ф. Энгельса, феодальное общество представляло собой «пестрое переплетение сословий и классов»². В. И. Ленин указывал, что «сословия предполагают деление общества на классы, будучи одной из форм классовых различий»³. Полемизируя с С. Н. Южаковым, В. И. Ленин в работе «Перлы народнического прожектерства» писал, что автор книги «Вопросы просвещения» (СПб., 1897) «не понимает различия между сословиями и классами и поэтому безбожно смешивает эти совершенно различные понятия, между тем «сословия — принадлежность крепостного, а классы — капиталистического общества»⁴. В другой работе Ленин отмечал, что различие классов-сословий феодального общества «сопро-

¹ См. Тихомиров М. Н. Древнерусские города. М., 1956.

² Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 359.

³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 476.

⁴ Там же, с. 475—476.

вождалось установлением особого *юридического* места в государстве для каждого класса. Поэтому классы рабского и феодального (а также и крепостного) общества были также и особыми сословиями... Деление общества на классы обще и рабскому, и феодальному, и буржуазному обществам, но в первых двух существовали классы-сословия, а в последнем классы бессословные»⁵.

Замкнутость сословий, передача сословной принадлежности по наследству, закрепление за сословиями определенных прав и обязанностей, привилегии высших и неполноправность низших — все это начинает разрушаться с формированием нового, буржуазного строя. Классовые интересы и общие выступления средневекового сословия горожан были возможны при их достаточной консолидации в условиях феодального строя. В феодальном городе восстания происходили до тех пор, пока горожан объединяла борьба за общие сословные интересы, пока существовавшая при феодализме дифференциация не переросла в социальное разложение прежних феодальных сословий на классовые группы нового капиталистического общества, пока не наступило уничтожение частной собственности, покоящейся на собственном труде, и не произошла «экспроприация у широких народных масс»⁶ средств производства.

Городские восстания происходили в России в период феодализма. Но наибольший размах они получили в первой половине XVII в. Их начальной хронологической гранью является окончание первой крестьянской войны в России и движение в период Смоленской войны (так называемая «балашовщина»), конечной — принятие Уложения в 1649 г. Восстания после 1649 г. относятся уже к другому этапу классовой борьбы⁷.

Изучая городские восстания 30—40 гг. XVII в., мы руководствовались марксистским положением о том, что «борющиеся друг с другом общественные классы являются в каждый данный момент продуктом отношений производства и обмена, словом — *экономических* отношений своей эпохи...»⁸.

Со времени образования централизованного государства в России его основой было крепостническое землевладение, на

⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 6, с. 311 (примечание).

⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 770—771.

⁷ См. Тихомиров М. Н. Псковское восстание 1650 г. М., 1935;

Тихомиров М. Н. и Елифанов П. П. Соборное Уложение 1649 г. М., 1961, с. 5—26.

⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 26.

этой же базе создавалась и система феодального государства. Его политической формой была монархия, которая через бюрократию, армию, двор осуществляла диктатуру дворянства. Носители государственной власти обладали, по словам В. И. Ленина, «громадной самостоятельностью и независимостью»⁹ — фактор, который необходимо учитывать.

Спор о природе феодального государства разгорелся еще на IV (Объединительном) съезде РСДРП. Г. В. Плеханов утверждал, что «национализация земли была экономической основой московской Руси допетровской эпохи»¹⁰, а земля вместе с землевладельцами была закреплена государством.

В. И. Ленин считал эти воззрения меньшевиков утрировкой либерально-народнического взгляда на московскую Русь. Ссылаясь на работы В. О. Ключевского, А. Я. Ефименко и других, он утверждал, что «говорить о национализации земли в допетровской России серьезно не доводится», в этом случае в московской Руси был бы «азиатский способ производства»¹¹. Определяющим В. И. Ленин считал наличие крепостнического землевладения, которое и оказывает «самое губительное влияние на весь социальный строй, на все общественное развитие, на все состояние земледелия и на весь уровень жизни крестьянских масс...»¹².

В феодализме главным Ленин считал «землевладение и привилегии крепостников-помещиков»¹³. Таким образом, не государство насаждало сословия и устанавливало отношения между ними, а оно само выросло и развивалось на почве крепостнического землевладения в систему административного, финансового, полицейского угнетения как формально незакрепощенной части населения, так и всего тяглого, черного, низшего сословия в России.

В советской историографии эта проблема была поставлена в монографии Н. М. Дружинина, который показал систему феодального государства и методы эксплуатации значительной части крестьянства страны¹⁴.

Без дальнейшего исследования форм и методов действия системы феодального государства на разных этапах его су-

⁹ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 58.

¹⁰ Там же, т. 13, с. 13. Эту мысль Плеханов повторил позже в «Истории русской общественной мысли», т. I. М., 1919, с. 66—88.

¹¹ Там же, т. 13, с. 14.

¹² Там же, т. 16, с. 227.

¹³ Там же, т. 22, с. 155.

¹⁴ См. Дружинин Н. М. Государственные крестьяне и реформа. Г. Д. Киселева, т. I. М., 1946; т. 2. М., 1958.

ществования нельзя до конца выяснить причины городских восстаний, стрелецких выступлений, волнений ясашных людей и всех других категорий населения города и деревни, центра и окрестностей царской России.

В России XVII в. отдельные районы страны заметно отличались не только в географическом, но и в социально-экономическом отношении. Поэтому городские восстания целесообразно рассматривать по отдельным регионам, а внутри этого деления соблюдать хронологический принцип изложения.

В восстаниях 30—40 гг. XVII в. принимали участие не только посадские люди, но и крестьяне, холопы, различные категории служилых людей. Исходя из этого, правильнее было бы назвать их народными, но поскольку центрами восстаний были города и наибольшее участие в них принимали жители городов, мы сочли возможным назвать их городскими.

Историография проблемы

В зависимости от исторических условий и классовых позиций историки дореволюционного периода уделяли рассматриваемой теме больше или меньше внимания, по-разному оценивали причины и поводы восстаний, вносили свою лепту в публикацию документов, а порой намеренно проходили мимо бурных событий 30—40 гг. XVII в. Как отмечал В. И. Ленин, «прежние теории не охватывали как раз действий *масс* населения...»¹⁵.

Долгое время народные движения, возникавшие в России после Смоленской войны и продолжавшиеся до принятия Уложения в 1649 г., рассматривались разрозненно. Сложное переплетение сословных и классовых противоречий мешало историкам выявить коренные причины восстаний, определить расстановку классовых сил, показать место этих выступлений в цепи общероссийских и общеевропейских событий.

Изучение народных движений в России 30—40 годов XVII в. началось в том же веке и продолжается по сей день¹⁶. Интерес к этой теме особенно возрастал в переломные периоды в историческом развитии страны — в период революционных ситуаций, во время русских революций — когда очевидной становилась роль народных масс в истории, а проблемы современности тесно переплетались с прошлым.

¹⁵ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 26, с. 57.

¹⁶ Подробнее см. Чистякова Е. В. Народные движения в России середины XVII в. (1635—1649 гг.) в отечественной историографии. — «Труды МГИАИ», т. 22. М., 1965 (далее — Народные движения в России...).

Представители дворянской и буржуазной историографии исходили из предвзятой идеи о невозможности установить общие закономерности исторического развития. В целом они мало изучали положение трудящихся масс и враждебно относились к народным движениям. Предпосылки восстаний, обычно локализуемых и во времени и территориально, рассматривали как частные отклонения от существовавших общественных отношений. Борьба придворных группировок за власть, перестановки в государственных учреждениях занимали их значительно больше, чем выяснение социально-экономического положения жителей города и деревни.

Наиболее полно, с привлечением новых источников (актовых и литературно-исторических), восстания конца 40-х годов были освещены в дореформенный период в трудах С. М. Соловьева и А. П. Зернина. Буржуазные историки, особенно в пореформенное время, внесли большой вклад в расширение документальной базы исследования (публикации К. Н. Бестужева-Рюмина, А. Н. Зерцалова, Н. Н. Оглоблина, С. Ф. Платонова и др.).

В борьбе с буржуазно-дворянскими концепциями русского исторического процесса развивалось революционно-демократическое, а позже марксистское направление в историографии. Революционеры-демократы обратили главное внимание на тяжелое положение народа, на разделение общества на «крайне бедных» и «крайне богатых», провели решительное размежевание интересов дворян и трудящейся части общества.

Большое методологическое значение для изучения темы имеют труды К. Маркса, Ф. Энгельса и В. И. Ленина. Рассматривая проблемы эпохи Великой крестьянской войны в Германии и ранних буржуазных революций, классики марксизма-ленинизма установили закономерности влияния экономических условий на ход классовой борьбы, выявили основное антагонистическое противоречие феодальной эпохи, поставили вопрос об экспроприрующей роли налоговой системы со стороны «государственного феодализма», определили принципиально разные цели и методы борьбы дворянско-бюргерской оппозиции и плебейско-крестьянского блока.

Интерес к теме усилился в период первой русской революции. Существенное значение имели труды М. Н. Покровского, который хотя и не уделял достаточного внимания движениям XVII в., но пришел к верному выводу о том, что наиболее опасной для феодального государства была крестьянская революция, а не посадская и дворянская оппозиции («фронда»).

Значительный вклад в изучение темы сделали П. П. Смирнов и С. В. Бахрушин, взгляды которых на движущие силы московского восстания претерпели некоторую эволюцию. П. П. Смирнов придавал решающее значение позиции «средних классов», которыми он, вслед за М. Н. Покровским, считал поместную армию и горожан; С. В. Бахрушин больший акцент делал на участие в восстаниях черных посадских людей.

С конца 20-х годов появляется целая серия исследований по истории восстаний в Устюге Великом, Курске, Томске и других городах, основанных на разработке новых архивных документов—следственных дел, материалов Разрядного, Посольского, Сибирского приказов и других фондов. Большой вклад в изучение темы внес М. Н. Тихомиров. Он обратил внимание на связь городских восстаний с движением крестьян, более глубоко раскрыл роль восстаний в принятии Уложения, указал на международное значение народных восстаний в России. Общая характеристика городских восстаний 1648—1650 гг. дана в трудах послевоенного времени А. А. Новосельским и др.

В зарубежной литературе рассматриваемая нами тема в целом не нашла подробного освещения. Предметом специального исследования польского историка Дануты Черской явилось московское восстание 1648 г. и Уложение 1649 г.¹⁷ Городским восстаниям уделено некоторое внимание в курсе лекций Виктора Тапье (Франция). Имеются две интересные публикации¹⁸.

На XIII Международном конгрессе исторических наук и на V Международном конгрессе экономической истории проблемы, важные для изучения истории феодального города XVII в., нашли отражение в общих докладах о генезисе капитализма, об истории Европы в XVII в. И в дискуссиях 1950—1960 гг., и на упомянутых конгрессах была доказана несостоятельность концепции о глобальном «кризисе» в XVII в. Эта искусственная теория вырывает XVII в. из периода позднего феодализма,

¹⁷ Danuta Czerna. Powstanie Moskiewskie 1648 roku.— «Zeszyty naukowe uniwersytetu Jagiellońskiego». Prace historyczne. z. 17, CXL, 1966; e e же. Sobroje Ulozenije 1649 roku.— «Zogodnia społeczno-ustrojowe». Wrocław — Warszawa — Kraków, 1970.

¹⁸ Шахматов М. В. Челобитная «мира» московскому царю Алексею Михайловичу 10 июня 1648 г.— «Věstník královské české společnosti nauk, třída filozoficko-historická», ročník 1933, Praha, 1934, p. 4; Loewenson L. The Moscow rising of 1648.— «The Slavonic and East European Review», v. XXVII, № 68/XII, 1948, p. 146—156.

когда в той или иной степени в ряде ведущих европейских стран определился процесс разложения феодализма и начался генезис капитализма. Она привела некоторых докладчиков к неверной оценке роли народных масс в этот период. Так, Н. Стенсгорд (Дания) определил все народные движения в XVII в. как реакционные. Такая постановка вопроса вызвала резкую критику со стороны историков-марксистов¹⁹. Далее на материалах России мы покажем несостоятельность подобных утверждений.

До сих пор исследовались в основном движения конца 40-х годов. Нам представляется необходимым расширить хронологические границы изучения темы и рассмотреть весь комплекс народных движений в 30—40-х годах XVII в. Кроме того, требуется связать причины восстаний со своеобразием эпохи, когда распространение феодального гнета на новые слои населения сочеталось с началом формирования всероссийского рынка. В связи с этим необходимо рассмотреть проявления как классовой борьбы, так и внутриклассовой, сословной, проследить их ход и результаты.

В ряде работ недостаточно четко был поставлен вопрос о движущих силах восстаний, преувеличивалась роль оппозиционных выступлений отдельных групп городского дворянства, не прослеживалось изменение тактики представителей верхов посада и дворян на разных этапах движения. Учитывая социальную пестроту участников движений в 1649 г., необходимо более детально изучить движущие силы каждого выступления, проследить действия и тактику основных оппозиционных групп, в особенности антифеодальную борьбу крестьянства и горожан. Это позволит преодолеть имевшее место в дореволюционной историографии смещение главного узла противоречий в среду господствующего класса. Наконец, в ряде работ акцент сделан на рассмотрении «уступок» правительства восставшим. В связи с этим следует более глубоко изучить материалы о карательной политике правительства того времени.

Только изучив общие закономерности и особенности каждого восстания, можно установить значение народных движений 30—40-х гг. как определенного этапа классовой борьбы,

¹⁹ См. Чистозвонов А. Н. Проблемы генезиса капитализма. (По материалам V Международного конгресса экономической истории и XIII Международного конгресса исторических наук). — «Новая и новейшая история», 1971, № 4, с. 50; Барг М. А. Об одной несостоятельной концепции западной историографии. — «Новая и новейшая история», 1973, № 5.

происходившей в период между двумя крестьянскими войнами (под руководством Ц. Болотникова и С. Разина).

Источники

Наиболее важные архивные материалы о народных движениях в России в 30—40-х годах находятся в Центральном государственном архиве древних актов в Москве — в фондах Приказных дел старых лет (о восстаниях в Поморье), Разрядного приказа, особенно в столбцах Белгородского стола (о движениях служилых людей в крепостях юга), в делах Оружейной палаты и в столбцах Сибирского приказа (о восстаниях в Москве и в сибирских городах). В архиве содержатся донесения воевод и приказных людей, следственные дела, грамоты из Москвы, жалобы пострадавших лиц и многие другие документы.

В ленинградских хранилищах — в архиве Ленинградского отделения Института истории СССР АН СССР и в Отделе рукописей Государственной публичной библиотеки им. М. Е. Салтыкова-Щедрина — мы обнаружили отдельные грамоты (в фонде Собрания грамот ГПБ) и документы местных приказных учреждений (в фондах Поуездной коллекции, Якутских актов и т. д.), в которых имеется материал о положении крестьян и служилых людей в Сибири. В иностранном отделе ГПБ хранятся зарубежные публикации середины XVII в. о московском восстании на французском, немецком, голландском языках²⁰.

Наибольшее значение для изучения данной темы имеют следственные дела, которые частично изданы в публикациях А. Н. Зерцалова, В. Н. Латкина, а также в сборнике документов, составленном К. В. Базилевичем²¹. Документы эпохи, так называемые приговорные («воровские», «заводные») записи²²,

²⁰ За указание этих материалов благодарю сотрудника ГПБ Гольдберга А. Л.

²¹ См. Зерцалов А. Н. К истории мятежа 1648 г. в Москве и других городах. — «Чтения ОИДР». 1896, кн. 1 (далее — К истории мятежа...); Латкин В. Земские соборы древней Руси, их история и организация. СПб., 1885, прилож. VI; Городские восстания в Московском государстве XVII века. Под ред. К. В. Базилевича. М. — Л., 1936 (далее — Городские восстания...). Подробнее см.: Чистякова Е. В. Состав следственных дел о городских восстаниях на юге России в середине XVII века. — «Археологический ежегодник за 1958 год». М., 1960 (далее — Состав следственных дел...).

²² См. Чистякова Е. В. Приговорные записи XVII в. — «Вопросы истории», 1956, № 3.

донесли до нас имена наиболее активных участников восстания. К сожалению, сохранились лишь немногие экземпляры.

Некоторый свет на следствие по московскому восстанию 1648 г. проливают росписи (списки) ссыльных людей, обнаруженные нами в фонде Сибирского приказа, в столбцах которого указывается социальный состав высылаемых, их поступки во время восстания и т. д.²³ Эти документы до сих пор не использовались исследователями. Особый интерес представляет подлинник челобитной от июня 1648 г., хранящийся в Государственном архиве Эстонской ССР (г. Тарту).

Изучение всех этих материалов позволило выяснить конкретный повод восстания, проследить его ход. Эти материалы дают возможность раскрыть характер выступлений, идеологию повстанцев, установить связь отдельных выступлений с московским восстанием в июне 1648 г., проанализировать систему ведения сыска и политику царского правительства по отношению к восставшим.

Существенно дополняют следственные дела литературно-исторические источники: записи в летописях, хронографах, а также записки иностранцев — свидетелей восстания в столице. Наиболее часто в летописях встречаются записи о восстаниях 1648 г. в Москве (краткие упоминания, а иногда и более подробный рассказ)²⁴. Несмотря на всю свою лаконичность, летописные записи красноречиво говорят об истинных участниках восстания в столице. Обстановку вне Москвы до некоторой степени освещает современник событий 1648 г. Симон Азарьин в «Книге о чудесах преп. Сергия». Тревожная обстановка в Подмоскovie подтверждается и другими источниками — челобитными дворян в связи с грабежами, пожарами и повсеместным бегством крестьян²⁵.

В «Тобольском летописце» кратко упоминается о восстаниях в Томске и Кузнецке²⁶. В нем не разбираются причины волнений, главная роль в которых безосновательно отведена

²³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 268, лл. 225—292.

²⁴ Подробнее см. Чистякова Е. В. Летописные записи о народных движениях середины XVII в. — В кн.: Проблемы общественно-политической истории России и славянских стран. Сб. ст. к 70-летию академика М. Н. Тихомирова. М., 1963.

²⁵ См. Азарьин С. Книга о чудесах преп. Сергия. — «Памятники древней письменности», т. LXX. СПб., 1888, с. 123—125; ЦГАДА, Разряд. Приказной ст., стб. 261 (1644—1648 гг.), лл. 332—511.

²⁶ См. Тыжнов И. Заметки о городских летописях Сибири, ч. 1. СПб., 1898, с. 118.

Г. О. Плещееву-Подрезу. Автор летописи подробно описал карательные меры, применявшиеся против восставших²⁷.

Летописцы, историки второй половины XVII в. не замалчивали народные движения середины XVII столетия, а наоборот, упоминали о них наряду с крупнейшими событиями современности, хотя и ограничивались только городскими восстаниями. При всей лаконичности их записи дают ценные сведения о движущих силах, главным образом московского, а также устюжского и некоторых сибирских восстаний. Они раскрывают отношение разных групп населения к этим событиям. Объясняя их наказанием за «великие согрешения», авторы некоторых записей в то же время делают попытки выявить конкретные поводы восстаний или найти им объяснение в действиях Б. Морозова, Н. Чистого, Г. Плещеева-Подреза и др. Это свидетельствует о том, что отдельные летописцы второй половины XVII столетия от провиденциализма своих предшественников переходят к прагматическому объяснению фактов.

Некоторый материал о событиях отражен в официальной дипломатической переписке — в донесениях своим правительствам иностранных резидентов, проживавших в Москве: шведского резидента Поммеренинга²⁸, голландца Конрада Бурга²⁹.

Большое значение для исследователей имеют описания московского восстания, появившиеся в зарубежной прессе. Так или иначе освещающие народные движения, происходившие в России в конце 40-х годов, они имеют различный характер и неравноценны по качеству. До сих пор исследователи не придают значения этому интереснейшему виду источников. А между тем в газетах Данцига, Гамбурга, Рима, Стокгольма, Венеции, Константинополя имелось много материалов о событиях в России XVII в. Особенно подробно бурные события в Москве освещала французская газета «La Gazette». Ее основателем был врач, публицист и историограф Теофраст Ренодо (1584—1653 гг.)³⁰. В дополнительном выпуске газеты 8 октября 1648 г. (1648, № 154) была опубликована «Речь

²⁷ ДРВ, ч. III, изд. 2. М., 1788, с. 176.

²⁸ См. Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897, с. 407—474.

²⁹ ЛОИИ СССР. Донесения голландских резидентов, колл. 40. д. № 99. Отчеты Бурга, лл. 258—258 об.

³⁰ См. Гольдберг А. Л. Известия о России в газете Теофраста Ренодо. — «Труды ГПБ», т. XI (14). Л., 1963, с. 139—151 (далее — Известия о России...).

московского монаха по поводу волнений, происходящих ныне в этом государстве и почти повсюду на свете»³¹, в которой сообщалось о событиях в России, совпавших с сильными волнениями во Франции³².

Несмотря на тенденциозность, неточность цифровых и хронологических данных, зарубежные сообщения в какой-то степени отражают реакцию европейских правящих кругов на события в России. Они свидетельствуют о большой осведомленности зарубежной прессы о внутренних делах России и подтверждают факт тесного контакта Москвы с европейским обществом того времени.

Историко-повествовательные материалы (летописи, хронографы, записки современников, пресса) в основном освещают события в столице и меньше касаются восстаний на периферии. В приводимых ими хронологических и цифровых данных наблюдается большой разноряд. Не подлежит сомнению, что данные, почерпнутые из этих источников, требуют самой тщательной проверки.

³¹ На русском языке опубликована в журнале «Сын Отечества и Северный Архив» (1838, т. II, разд. III. СПб., с. 29—34) под названием Любопытная статья из «Gazette de France», 1648».

³² См. Поршнев Б. Ф. Франция, Английская революция и европейская политика в середине XVII в. М., 1970, с. 237—261 (далее — Франция, Английская революция...).

ПОЛОЖЕНИЕ КЛАССОВ-СОСЛОВИЙ В РОССИИ. ПРИЧИНЫ ГОРОДСКИХ ВОССТАНИЙ

Экономическая и политическая системы русского централизованного государства характеризовались как освоением больших районов, отличающихся друг от друга уровнем экономического развития, характером политического строя и культуры, так и формированием классов-сословий единого государства с новым порядком феодальной иерархии, иным положением горожан и усиленным процессом закрепощения крестьян¹. Формирование крепостнической системы в общероссийских масштабах сопровождалось усилением гнета трудящихся города и деревни. Это проявилось в массовых раздачах земель с крестьянами феодалам, в упорядочении государственной налоговой системы и управления, в распространении централизованной феодальной ренты на новые слои населения. Все это и явилось причиной первой крестьянской войны и городских движений в начале XVII в., события которых так трагично и причудливо переплелись с борьбой против польско-шведской интервенции.

По мере увеличения территории Российского государства и освоения новых земель феодальный способ производства получал более широкую базу. В свою позднюю фазу он вступал в расцвете сил, распространяясь по всей обширной русской земле и жадно поглощая новые категории людей и вновь обретенные земли.

Ведущим социально-экономическим процессом первой половины XVII в. было укрепление феодальной собственности на землю. Как установил Ю. В. Готье в своем монументальном труде «Замосковский край в XVII в.», все свободные зем-

¹ См. Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии. М., 1962.

ли центра были розданы феодалам. Раздаче подверглись и черные крестьянские земли северных и восточных районов — Белозерского, Вологодского, Пошехонского, Галицкого, Владимирского и других уездов. Затем наступила очередь южных уездов: от Оки и Угры в Рязано-Тамбовских и Северских районах. В 40-е годы волна земельных дач достигла Поволжья и дикого поля.

Структуру сословия служилых людей определил в своей «Истории сословий»² В. О. Ключевский. Отсюда она перешла в различные исторические труды. Феодалными землевладельцами считались лица, имеющие право владеть населенными имениями. Но фактическое положение отдельных групп феодалов было настолько различным, что высший слой вотчинников по обеспеченности землей и крестьянами не мог идти в сравнение с жильцами и детьми боярскими городо-выми.

Часть крупных светских и церковных феодалов стремилась повысить свои доходы не только за счет барщинного труда и вотчинных промыслов, но и за счет эксплуатации занимавшегося торгом и промыслами зависимого населения как сельского, так и жившего в принадлежавших им городских слободах. Беломестцы пользовались старинными феодалными привилегиями; подвластное им население не платило государственных повинностей — тягла. Правительство, нуждаясь в землях и податях, уже с XVI в. стремилось ограничить рост земельных богатств церкви и податных привилегий беломестцев. Примерно с 1619 г. с духовных вотчин взимались прямые налоги, их население обязано было участвовать в государственных повинностях. По законам 1627—1628 гг. монастырю можно было отказывать (т. е. завещать, дарить) не вотчины, а их стоимость, земля же отходила родным завещателя или казне. С 1642 г. стали ущемляться иммунитетные привилегии монастырей³.

Если в XVI в. духовенство владело одной третью всех ос-

² См. Ключевский В. О. Соч., т. 6. М., 1959, с. 157—172, 384—411; Очерки истории СССР, XVII в. Под ред. Новосельского А. А., Устюгова Н. В. М., 1955, с. 140; История СССР, ч. 1. М., 1956, с. 325.

³ По сведениям переписных книг 1646 г., в вотчинах патриарха было 6432, а у всех монастырей 87907 дворов. К концу XVII в. патриаршая вотчина имела в 22 уездах России земли с 7825 дворами. См. Смирнов П. П. Посадские люди и их классовая борьба до середины XVII века. Т. II. М.—Л., 1948, с. 599—601 (далее — Посадские люди.); Устюгов Н. В., Чаев Н. С. Русская церковь в XVII в. — Сб. «Русское государство в XVII в.». М., 1961, с. 300.

военных земель, то в 20—40-х годах XVII в. в южных районах соотношение было 1:7⁴. В городах монастыри имели 4566 дворов, с которых, как правило, тягло государством не взималось. Это шло вразрез с нуждами и интересами казны, которая остро нуждалась в земле и крестьянах для раздачи их служилым людям и с уходом людей на земли духовенства теряла тяглецов-налогоплательщиков.

Правительство Б. И. Морозова, сформировавшееся после смерти царя Михаила Федоровича (1645 г.), ставило вопрос об отписании белых сболод к городам. Беломестцы составляли небольшую процент среди светских феодалов, но их владения в городах были значительны. Родственников царя — Романовы имели 7012 дворов зависимых людей; кроме того, владели тремя городками: Романово Городище (543 дв.), Скопин (296 дв.) и Измайлово (176 дв.). В 29 городах им принадлежало 1707 дворов, включая слободу Бутырки в Москве⁵. Такими же крупными беломестцами были бояре Черкасские, Стрешневы, Мосальские, Салтыковы, Лыковы и др.

В ожесточенной борьбе за перераспределение феодальной ренты эта группа феодалов была враждебна той группировке, которая не имела владений в городах или имела их мало (Морозов, Одоевский, Львов, Голицын). Эта группа стремилась сохранить платежеспособность своих крестьян, обеспечить приток средств в казну припиской беломестных слобод к городам и усиленным сбором налогов с посадов. До какой степени дошла эта борьба, свидетельствует вставка в текст расширенной редакции «Лейденской брошюры», опубликованной в Амстердаме в 1650 г. В ней говорится, что оппозиция Морозову имела своим лидером дядю царя Н. И. Романова, который якобы был обижен тем, «что его величество все те должности и почести, которые приходились ему, Н. И. Романову, по праву, отдал Морозову»⁶. Итак, внутри крупного боярства в 40-х годах шел спор за долю в феодальной ренте, за рабочую силу и политическое влияние при дворе.

Однако противоречия внутри класса феодалов не ограни-

⁴ См. Томсинский С. Г. Очерки истории феодально-крепостной России. Часть I. Крестьянские войны в эпоху образования империи. М.—Л., 1934, с. 62.

⁵ См. Смирнов П. П. Города Московского государства в первой половине XVII в., т. 1, вып. 2. Киев, 1919, с. 316—320 (далее — Города Московского государства...).

⁶ L. v. d. Bos. Het Treurtoonneel der doorlichtge Mannen onser eeuwe. Amsterdam, 1650.

чивались соперничеством двух групп высшего боярства. В XVII в. в связи с активизацией внешней политики царизма численно вырос слой мелких городских дворян и детей боярских (в 1632 г. дворян и детей боярских было 26 185, а в 1651 г. — 39 408) ⁷.

В настоящее время чрезвычайно трудно проследить динамику раздачи земель. Важно отметить, что рост числа землевладельцев-дворян был значительно быстрее, чем рост крестьянской колонизации, поэтому размеры и населенность их имений, особенно на окраинах, были невелики. Например, в Елецком уезде помещиков было вдвое больше, чем записанных за ними крестьян (за 415 помещиками числилось 190 крестьян) ⁸. Многие дети боярские и жильцы, особенно в районе дикого поля и Сибири, вообще не имели крестьян и обрабатывали земли силами своей семьи.

Определенная группа служилых людей по отечеству не владела даже землей, т. е. была беспоместной. Часть детей боярских попадала в состояние зависимых людей — в холопы, причем это были не единичные случаи. В приговоре по дворянской челобитной 1641 г. говорится, что некоторые дети боярские «били челом во двory к бояром и всяких чинов людем, и кабалы служилые на себя дали, и во дворех поженились на крепосных жонках и на девках» ⁹.

Пестрота экономического положения служилых людей по отечеству отражала крайнюю неоднородность состава этого сословия. Так, в Москве по сметному списку 1630—1631 гг. числилось 2642 чел. служилых по отечеству, в том числе было 14 бояр, 275 стольников, 455 патриарших стольников, 105 стряпчих и 880 московских дворян ¹⁰.

Однако земельный оклад (т. е. поместье) почти никогда не был реализован. Как установил в своем исследовании А. В. Чернов, фактически дворяне владели от 5 до 40% оклада ¹¹. Дети боярские городовые зачастую имели лишь «право» владеть землей и крестьянами, но фактически не имели ни того,

7 Подробнее см. Чернов А. В. Строительство вооруженных сил Русского государства в XVII в. Докт. дисс., т. I. М., 1949, с. 594.

⁸ ЦГАДА, Разрядные вязки, д. 9523, лл. 1—34.

⁹ Смирнов П. П. Челобитные дворян и детей боярских всех городов в первой половине XVII в. — «Чтения ОИДР», кн. III. М., 1915, с. 46 (далее — Челобитные дворян...).

¹⁰ «Памятники русского права», т. 5, 1959, с. 486.

¹¹ См. Чернов А. В. Указ. соч., с. 555.

ни другого и сильно отставали от так называемых выборных и столичных дворян.

В результате ряда экономических и политических причин в это время шла трансформация, перестройка сословия служилых людей.

1. Колонизация окраин, присоединение обширных земельных владений способствовали, с одной стороны, расширению базы феодального землевладения, увеличению числа помещичьих хозяйств, а с другой — затрудняли решение вопроса о рабочей силе, так как создавалась возможность для ухода крестьян в новые районы.

2. Начальный этап формирования всероссийского рынка и одновременно контакты России с другими странами на общеевропейском и восточном рынках стимулировали усиленное производство сельскохозяйственных продуктов для их сбыта через Псков, Архангельск, Астрахань и другие пункты. Это вело к тому, что феодалы стремились увеличить барскую запашку и перевести крестьян на барщину. Там, где земли не были обжиты и крестьян было мало (в Сибири, на юге страны), служилые люди дорожили денежной частью жалованья и одновременно усиленно занимались промыслом (пушным, лесным и пр.).

3. Формирование полков нового строя и подготовка к Смоленской войне показали преимущество новых частей перед поместной конницей. Но их содержание требовало больших денежных средств, поэтому правительство усиливало нажим на тяглые слои населения. В результате крестьяне разбегались и дворянская часть совокупной феодальной ренты (с крестьян) катастрофически уменьшалась.

Необеспеченность дворян населенной землей приводила к обострению их борьбы за владение ею, за увеличение дач, превращение поместий в наследственные вотчины и за бессрочное прикрепление крестьян («безлетно»). Все это уже само по себе противоречило положению поместья как временного пожалования за службу. Юридическая природа служилого поместья изменялась в направлении к наследственной вотчине. Процесс преобразования поместной системы наметился в ходе первой крестьянской войны. Указом 1611 г. поместье передавалось по наследству родственникам. В 1634 г. оно было названо «родовым владением». В 1642 г. правительство узаконило права вдов: сын, родившийся после смерти отца, имел право на его поместье; дети, вернувшиеся в течение

10 лет из плена, также получали отцовские имения, даже если они уже находились в чужих руках, и т. д.¹².

Постепенно шел процесс сближения поместья и вотчины: указ 1618 г. закреплял поместье дворянина, погибшего на войне, за его семьей, родственниками или земляками. То же было подтверждено указом о «выморочном поместье» в период Смоленской войны 1633—1634 гг.¹³. В ряде случаев поместья жаловались в вотчины как награда. Такой «выслуженной вотчиной» дворянин мог распоряжаться как родовой (продать, заложить, отдать и т. д.). В 1636 г. было издано специальное Уложение о вотчинах и поместьях¹⁴. Однако наряду с процессом «обояривания» поместий шел процесс перехода их из рук в руки, что еще более усугубляло кризис поместной системы¹⁵.

Пытаясь предотвратить ее распад, правительство предпринимает ряд мер для регулирования размещения отдельных групп дворянства. Так, указами 1633, 1637, 1639, 1641 и 1648 гг. ограничивается захват земель чинами московского списка, закрепляются земли за дворянами определенных уездов и т. д. Но эта охранительная политика не выдержала натиска снизу и сверху. Правительство вынуждено было уступить и смириться с перетасовкой, перераспределением земельной собственности между феодалами¹⁶.

Сила и мощь дворянства зависели не столько от размеров имеющейся земли, сколько от количества обрабатывавших ее зависимых крестьян. Одна часть мелких дворян, хозяйства которых не были обеспечены рабочими руками, занималась торговлей, винокурением, рыболовством (в Сибири, районах дикого поля). Другая часть обрабатывала землю силами своей семьи; дела, связанные со службой, мешали ведению тако-

¹² Историко-юридические материалы, издаваемые Московским архивом Министерства юстиции, вып. 1. Указная книга Поместного Приказа. М., 1889, с. 41—44, 105—127 и др.; Павлов-Сильванский Н. П. Государевы служилые люди. СПб., 1909, с. 176—177; Очерки истории СССР, XVII в., с. 145—147.

¹³ Описание документов и бумаг Московского архива Министерства юстиции, кн. 6, с. 105—106.

¹⁴ «Памятники русского права», вып. 5, с. 470—477.

¹⁵ См. Новосельский А. А. Феодалное землевладение. Боярство, дворянство, церковь. — «Очерки истории СССР, XVII в.», М., 1955, с. 147; Томсинский С. Г. Очерки по истории феодализма в России. М., 1933, табл. 3 и 4.

¹⁶ См. Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения в южных уездах Московского государства в XVII в. — «Исторические записки», 1938, № 4, с. 21—40 (далее — Распространение крепостнического землевладения...).

го, по сути дела, крестьянского хозяйства, и служилые люди часто разорялись, оказывались в среде тягловцев.

Трансформация поместной системы и превращение поместья в вотчину предполагали безудержную барщинную эксплуатацию полностью зависимых крестьян. К. Маркс отмечал: «Могущество феодальных господ, как и всяких вообще суверенов, определялось не размерами их ренты, а числом их подданных, а это последнее зависит от числа крестьян, ведущих самостоятельное хозяйство»¹⁷. Поэтому неудивительно, что стержнем всех дворянских челобитий был крестьянский вопрос.

Требования и идеологию различных групп служилых людей по отечеству можно проследить по их челобитным, литературным произведениям, а также по их отношению к народным движениям конца 40-х годов. В челобитных дворяне выражали желание увеличить свою долю феодальной ренты¹⁸.

Как уже указывалось, через все челобитные XVII в. красной нитью проходил крестьянский вопрос. Но если в первой половине века дворяне требовали ограничить бегство крестьян и отменить урочные годы, то во второй — организовать сыск беглых¹⁹.

Челобитная 1637 г. была направлена против экономически более сильной, перетягивавшей к себе крестьян, верхушки феодалов. Дворяне ставили вопрос об отмене пятилетнего срока сыска беглых крестьян, о реорганизации исков о крестьянах, особенно во владениях беломестцев. В связи с этим предлагалось перенести суд из Москвы в выборные дворянские корпорации.

Челобитная 1641 г. отразила соперничество за рабочие руки дворян с беломестцами. Дворяне выдвигали требование ограничить похолопление детей боярских и закладничество. Дворян раздражало то, что беломестцы путем закладничества легко получали рабочую силу. В этой же челобитной был поставлен вопрос об отмежевании служилых по отечеству от тяглых людей²⁰. В связи с этим царский указ 1641 г. предпи-

¹⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 729.

¹⁸ См. Маньков А. Г. Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в. М.—Л., 1962; Преображенский А. А. О некоторых спорных вопросах начального этапа генезиса абсолютизма в России. — «История СССР», 1971, № 2, с. 110—111.

¹⁹ См. Маньков А. Г. Указ. соч., с. 36—38.

²⁰ См. Смирнов П. П. Челобитные дворян., с. 43, 46; Чернов А. В. Указ. соч., с. 546.

сывал вернуть похолопленных детей боярских на службу и впредь запрещал принимать их и давать на них кабальные записи²¹.

Таким образом, вопрос о закладничестве был поставлен дворянами задолго до восстания 1648 г. совершенно самостоятельно от торговых людей и объяснялся борьбой против беломестцев за крестьянский платеж²². В челобитных дворяне требовали скорее решить вопрос о составлении переписных книг, отменить сроки сыска беглых крестьян, устранить конкуренцию во владении крестьянами со стороны феодалов-беломестцев (особенно церкви) через реформу суда (о крестьянах!) и отменить закладничество как источник пополнения зависимых людей.

Некоторые слои мелкого служилого дворянства на окраинах (особенно в Сибири и диком поле), раздраженные самоуправством воевод, выдвигали требования о самоуправлении в дворянских корпорациях. По аналогии напомним, что Энгельс писал о характере, требованиях немецкого дворянства XVI в.: «Дело шло не более и не менее, как об устранении всех князей, секуляризации всех духовных княжеств и имуществ, установлении *дворянской демократии* с монархом во главе...» И далее: «Покоящаяся на крепостничестве дворянская демократия... является одной из самых примитивных общественных форм и совершенно естественно перерастает далее в развитую феодальную иерархию, которая представляет собой уже значительно более высокую ступень»²³.

Городовые дворяне и дети боярские не ограничивались подачей челобитных. Свое недовольство они выражали неясками на службу. Так называемое «нетство», судя по исследованию А. В. Чернова, приобрело с 30-х годов XVII в. прямо-таки катастрофический характер. Их оппозиция проявлялась и в составлении заводных записей, и в ссорах с воеводами, и в неповиновении им и другим представителям столичных чинов.

Мелкие городовые дворяне устраивали и открытые выступления. Некоторые из них в момент городских восстаний играли в возбужденной толпе роль подстрекателей («заводчиков»), а иногда и захватывали руководство движением.

Таким образом, в положении служилых по отечеству наблюдалась двойственность. С одной стороны, дворянство (как

²¹ См. Смирнов П. П. Челобитные дворян..., с. 42.

²² См. Соловьев С. М. История России с древнейших времен, кн. V, т. 9. М., 1961, с. 213—222.

²³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 7, с. 393—394.

и другие категории феодалов) являлось опорой самодержавия, а с другой — малообеспеченные его слои (городовые дети боярские, жильцы) выступали за вхождение в класс феодалов путем получения по наследству земли с крестьянами, за отмежевание от тяглых элементов, за распространение сословных привилегий на весь класс феодалов в целом. В этих узкокорпоративных требованиях не было ничего антагонистического по отношению к правительству.

В XVII в. сложным было положение служилых людей по прибору, т. е. по набору (стрельцов, казаков, пушкарей и др.). По далеко не полным данным, в 1632 г. в 120 городах было около 36 тыс. служилых по прибору, а в 1650 г. в 150 городах их насчитывалось более 60 тыс.²⁴ Как правило, в разряд служилых по прибору (казаки, стрельцы, затинщики, пушкари, воротники и т. д.) попадали пашенные крестьяне (в значительной части беглые), боярские холопы, мелкие посадские люди или их родственники²⁵. Положение служилых людей по прибору значительно и принципиально отличалось от положения служилых по отечеству. Служилые по прибору приближались скорее к крестьянам и мелким посадским людям, только были вооружены и обязаны были нести военную службу. За службу они получали землю и деньги, но порядок наделения их жалованьем был совершенно особый.

А. А. Новосельский, исследуя этот вопрос, писал: «В отличие от поместья служилого человека «по отечеству» приборные служилые люди получали землю не индивидуально, а целыми группами или товариществами в общей меже»²⁶. Помимо того что служилые люди были превращены в своего рода военных поселенцев и несли сторожевую и станичную службу, они обязаны были еще пахать «на государя» десятинную пашню. Это была своего рода барщинная повинность в пользу государства²⁷. Жалованье приборные люди получали нерегулярно, а зачастую оно и совсем не выплачивалось. Часть приборных людей получала небольшие участки земли на всю слободу. Важно отметить, что этот участок земли, обрабаты-

²⁴ См. Смирнов П. П. Города Московского государства., с. 180.

²⁵ См. Черелнин Л. В. Классовая борьба в 1682 г. на юге Московского государства. — «Исторические записки», 1938, № 4, с. 42; Долгие дела, кн. II. СПб., 1906, стб. 765.

²⁶ Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения., с. 21.

²⁷ См. Проторчина В. М. Заселение степной окраины Московского государства в конце XVI — первой пол. XVII в. Канд. дисс. Л., 1943, с. 119.

ваемый членами их семей, во второй половине XVII в. облагался натуральным оброком в виде четверикового хлеба, сдаваемого в государевы житницы²⁸.

Таким образом, правительство осуществляло феодальную эксплуатацию мелкого приборного люда путем взимания натуральных сборов (четвериковый хлеб) и барщинной работы на десятинной пашне, т. е. в виде феодальной ренты.

До 30-х годов служилые люди, жившие в городе, могли торговать беспошлинно и не несли тягла. Но с 40-х годов эти права всячески ущемляются. В 1643 г. был издан специальный указ, по которому лица, владевшие лавками, после 1624 г. должны были передать их тяглым людям²⁹. Следовательно, даже мелочная торговля служилых людей постепенно ограничивалась.

Среди служилых по прибору в XVII в. выделялась своего рода «аристократия» — стрелецкие и казачьи головы, сотники, пятидесятники, получавшие большие оклады. Введение нового строя привело к перестройке полков старых служб, в частности стрельцов. Как и со служилыми по отечеству, правительство стремилось расплачиваться с ними землей. Но стрельцы не желали лишаться денежной части жалованья. Посаженные на землю, они теряли свою боеспособность, переставали нести полковую службу и все чаще использовались как полицейская сила, а не войско³⁰. А так как они были близки к посадским и крестьянам, то карательные функции выполняли плохо; служебные же различия создавали двойственность их позиции в период антифеодальных движений. Командная верхушка была опорой правительства, а рядовые стрельцы, страдавшие от эксплуатации со стороны правительства, произвола феодальной администрации и командиров, часто присоединялись к восставшим.

Как показал А. В. Чернов, глубокая перестройка коснулась и положения городских казаков: постепенно ликвидировалась их особая организация и самоуправление. Они слива-

²⁸ См. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, т. 1. Под редакцией Вейнберг Л. и Полторацкой А. Воронеж, 1887, с. 90, 96, 97; Александров В. А. К вопросу о происхождении сословия государственных крестьян. — «Вопросы истории», 1950, № 10, с. 93 (далее — К вопросу о происхождении...).

²⁹ См. Лаппо-Данилевский А. С. Организация прямого обложения в Московском государстве со времен смуты до эпохи преобразований. СПб., 1890, с. 71—72.

³⁰ См. Чернов А. В. Указ. соч., с. 649.

лись с ратными людьми городской службы. Поместные казаки служили наряду с дворянами и детьми боярскими, но были казаки, не имевшие сельских угодий и служившие за жалованье. Казаков заставляли нести городскую службу вместо полковой, жалованье им сокращали (вполовину, если они не служили в полку), подвергали их поборам и повинностям. Все это толкало их, как и стрельцов, на открытые выступления.

Отмечая общее для стран Восточной Европы явление — наличие промежуточной прослойки между феодалами и крепостными крестьянами, — К. Маркс писал в письме Ф. Энгельсу: «...парцеллирование создает своего рода *крестьянско-среднее сословие, сословие всадников*, подняться до которого крестьянин может лишь пока продолжаются завоевательная война и колонизация, но эти же оба условия ускоряют его упадок»³¹.

Нерегулярно выплачиваемое небольшое жалованье, а часто замена его малым участком земли, постепенное стеснение в торгах, приравнивание к тяглицам сближало интересы служилых по прибору с мелким посадским людом и тяглым крестьянством. А усиленное насаждение правительством полков нового строя питало их оппозиционные настроения и часто делало союзниками восставших горожан³².

Поскольку крестьяне отбывали не только вотчинные повинности, но одновременно были и тяглицами, их положение приходится рассматривать в двух планах — в отношении к феодалу и к феодальному государству. В результате раздачи земли в правление Михаила Романова огромные массы черносошных крестьян центра становятся частновладельческими, та же участь постигла и многих дворцовых крестьян.

За какие-нибудь 10—15 лет после воцарения Михаила Романова в крепостную зависимость попали целые уезды ранее свободных людей. Черные (иногда пустовавшие, но чаще населенные) земли стремительно поглощались государством. Одни шли в задачу помещикам и служилым людям, другие осваивались самим правительством. Такая почти одновременная потеря свободы десятками тысяч крестьян в первой половине XVII в. была чревата глубокими последствиями. Землевладельцы всех рангов стремились удержать за собой доставшуюся им рабочую силу.

³¹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 29, с. 63.

³² См. Тихомиров М. Н. и Епифанов П. П. Указ. соч., с. 3.

В. И. Ленин отмечал: «Возьмем за исходный пункт дореформенное крепостническое хозяйство.

Основное содержание производственных отношений при этом было таково: помещик давал крестьянину землю, лес для постройки, вообще средства производства (иногда и прямо жизненные средства) для каждого отдельного двора, и, предоставляя крестьянину самому добывать себе пропитание, заставлял *все прибавочное время* работать на себя, на барщине. Подчеркиваю: «все прибавочное время», чтобы отметить, что о «самостоятельности» крестьянина при этой системе не может быть и речи. «Надел», которым «обеспечивал» крестьянина помещик, служил не более как *натуральной заработной платой*, служил всецело и исключительно для эксплуатации крестьянина помещиком, для «обеспечения» помещику рабочих рук, никогда для действительного обеспечения самого крестьянина»³³.

Ю. В. Готье установил, что оброчное хозяйство преобладало к северо-востоку от столицы, на юге выгоднее было вести барщинное. Чаще всего оброк исчислялся с выти (18—24 десятины в трех полях) и колебался от 3 руб. (в дворцовых селах) до 24 руб. (в частновладельческих). Помимо оброка каждый помещик собирал два раза в год (к рождеству и Петрову дню) «столовый запас». Б. И. Морозов, например, получал с каждой выти в нижегородских вотчинах 2 пуда свинины, 1 гуся, 1 поросенка, 30 арш. холста и т. д.³⁴

Для внутренней жизни вотчины в XVII в. характерно расширение барской запашки и уменьшение крестьянского надела.

Увеличение барщины отрицательно сказывалось на крестьянском хозяйстве, консервировало его застойность. И. Д. Ковальченко отмечал, что «товарность этого хозяйства была обратно пропорциональна товарности помещичьего хозяйства. При этой системе возможность социального расслоения барщинных крестьян в крепостной России была крайне ограничена»³⁵.

К увеличивающимся вотчинным повинностям следует прибавить и усилившийся финансовый гнет со стороны государства. Прямые налоги с крестьянского населения страны

³³ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 516.

³⁴ См. Готье Ю. В. Крестьяне в XVII столетии. — В кн.: Великая реформа, т. 1. М., 1911, с. 34.

³⁵ Ковальченко И. Д. Некоторые вопросы генезиса капитализма в крестьянском хозяйстве России. — «История СССР», 1962, № 6, с. 84.

(а оно составляло 9/10) были основным доходом казны. Все разверстки, падавшие на частные земли, выполнялись в конечном счете крестьянами. Основной прямой налог, введенный в 1615 г., — стрелецкий хлеб или стрелецкие деньги — рос по мере увеличения государственных потребностей в связи с участием России в 30-летней войне, подготовкой к Смоленской войне, перестройкой армии, нуждами государственного аппарата и т. д. За полвека его величина с сохи (единица обложения) возросла более чем в 2,5 раза³⁶. В 30-е годы размер такого налога, как стрелецкий хлеб, вырос с 76 до 240 руб. с сохи. Росли и другие налоги: полоняничные, данные, оброчные. Налог ратным людям на жалованье взимался в 40-х годах по 2 гривны с двора³⁷.

На сельское население падали и экстренные сборы. Натуральные сборы и повинности правительство по мере надобности заменяло денежными, но от этого они легче не становились. Так, в 40-е годы иногда вместо прямого налога — стрелецкого хлеба — взимали (по желанию) деньгами: 1 четверть ржи и 1 четверть овса соответствовали 11 ал. 4 д. (но эта цифра не стабильная)³⁸. Повысился и сбор ямских денег: если в 1639 г. с частновладельческих крестьян собирали 100 д., то в 1640 г. стали собирать 133 д., а с монастырских владений — 173 д.³⁹.

Наиболее тяжелой барщинной повинностью в пользу государства была обработка казенной «десятинной пашни», сбор с которой поступал в государевы житницы. Обременительной была и подводная повинность. У крестьян отрывали время (иногда страдное), отбирали скот, телеги для бесконечных казенных надобностей (для постройки новых крепостей, мельниц, встреч послов, передвижения армии и т. д.). В Воронеже, например, собирали до 100 подвод одновременно⁴⁰.

Крестьяне несли и городовую повинность: заготавливали и перевозили лес, строили остроги, копали рвы и т. д. Не менее сложным было «струговое дело» — массовая постройка стругов для отправки донских отпусков (посылок), посольств,

³⁶ Об изменениях живущей четверти по областям см. «Описание МАМЮ», кн. 6, с. 100—105.

³⁷ См. Готье Ю. В. Указ. соч., с. 28.

³⁸ См. Веселовский С. Б. Сошное письмо, т. 1. М., 1915, с. 162—190.

³⁹ См. там же, с. 156—162.

⁴⁰ См. Чистякова Е. В. Ремесло и торговля на Воронежском посаде в первой половине XVII в. — «Труды ВГУ», т. XXV. Л., 1954 (далее — Ремесло и торговля...).

войск и т. д.⁴¹. Тяжелы были бесконечные постои служилых людей и сбор продуктов питания для них.

Из крестьян набирали так называемых даточных людей: 10—20 дворов поставляли одного воина. Если они бежали, за них взымали деньгами⁴². В 1639 г. этот налог собирался в денежной форме: по 1 руб. с двора. Кроме того, крестьяне платили банные деньги, мельничные и всевозможные другие⁴³.

Десятинную пашню обрабатывали в основном крестьяне и служилые люди. За служилых по отечеству эту разверстку выполняли крестьяне. Они пахали, сеяли, жали, молотили, заготавливали крупы и толокно, иногда пекли хлеба и сушили сухари, а затем везли в житницы. Охранявшие хлеб мельничные целовальники, как правило, также были крестьянами.

Обработку десятинной пашни постепенно стали заменять натуральным, а затем и денежным сбором. Это гарантировало сборы от случайностей. Например, воронежцы с 1620 г. вносили так называемый посопный хлеб по 10 четей ржи и 10 четей овса в год (всего собирали по 1000 четей ржи и 1000 четей овса)⁴⁴. Долги по сбору посопного хлеба скапливались иногда за многие годы. От этих сборов не избавляли никакие бедствия. Даже выморочное тягло разверстывалось на остальных.

Таким образом, в XVII в. феодальный гнет крестьян был очень тяжелым. Государство взымало с них централизованную феодальную ренту, являвшуюся составной частью совокупной феодальной ренты, которая сплошь и рядом «захватывала и необходимый крестьянский продукт, вела к полному разорению части крестьянских хозяйств»⁴⁵.

Как по юридическому положению, так и по фактическому состоянию класс-сословие крестьян в это время был не-

⁴¹ См. Загоровский В. П. Воронежские струги и дощеники XVII в. — «Сборник научных работ аспирантов Воронежского университета». Воронеж, 1962; Важинский В. М. Развитие рыночных связей в южных русских уездах во второй половине XVII в. Канд. дисс. М., 1963, с. 66—67.

⁴² См. Вайнберг Е. И. Классовая борьба крестьян против крепостничества на южной окраине Русского государства в первой половине XVII в. Канд. дисс. М., 1955, с. 84 (далее — Классовая борьба...).

⁴³ См. Лаппо-Данилевский А. Указ соч., с. 76—112; Очерки истории СССР, XVII в. М., 1956, с. 164—198.

⁴⁴ См. Важинский В. М. Указ. соч., с. 152 и след.

⁴⁵ Поршнев Б. Ф. Очерк политической экономии феодализма. М., 1956, с. 58 (далее — Очерк...).

однородным: с одной стороны, пашенные и бобыли; частновладельческие, черносошные и дворцовые; старинные и новопоярдачки, наемные, задворные, половники, захребетники, с другой — сильные, «семьянистые», прожиточные люди. Можно спорить о природе расслоения крестьян в первой половине XVII в., но не подлежит сомнению сам факт экономического различия их хозяйств. При этом необходимо учитывать указание В. И. Ленина о том, что «самое понятие «дифференциации», «разнородности» и т. п. получает совершенно различное значение, смотря по тому, к какой именно социальной обстановке применить его»⁴⁶.

Как правило, рост состоятельности крестьянской семьи шел не за счет землепользования, а за счет неземледельческих промыслов или торговых оборотов. В этом отношении очень показательна судьба монастырских крестьян Калмыковых, которые превратились в крупных купцов-предпринимателей⁴⁷. В таких торгово-промышленных селах, как, например, Мурашкино, это было особенно заметно: из 11 мельниц 8 находилось во владении крестьян, на 400 дворов имелось 57 лавок, 38 полулавок, 36 полок, 15 кузниц, 5 харчевен, владельцами которых были крестьяне. Мельник бросал пашню, а оброк платил в 292 раза больше владельца средней лавки⁴⁸. Крестьяне владели перевозами на Оке, Волге, торговали рожью, пшеницей, коноплей, ячменем, гречихой, горохом, медом. Крестьяне Морозова имели суда, торговали по Волге солью. Среди крестьян было много винных откупщиков. Торгово-промышленная деятельность крестьян развивалась в монастырских владениях, освобожденных от государева тягла, и в черносошных волостях⁴⁹.

Имущественное расслоение в среде черносошных крестьян привело уже в первой половине XVII в. к тому, что среди них появились способные «половина погоста откупить»⁵⁰. С дру-

⁴⁶ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 431.

⁴⁷ См. Бакланова Н. А. Торгово-промышленная деятельность Калмыковых. М., 1959.

⁴⁸ См. Томсинский С. Г. Указ. соч., с. 72.

⁴⁹ Интересный материал об откупщиках содержится в фонде Преображенского приказа (ф. 371, ЦГАДА) среди материалов Печатного приказа.

⁵⁰ Мюллер Р. Б. Борьба крестьян Шунгского погоста с Тихвинским монастырем. — «Исторические записки», 1953, № 43, с. 238; Устюгов Н. В. К вопросу о социальном расслоении русской черносошной деревни XVII в. — «История СССР», 1961, № 6, с. 61 (далее — К вопросу о социальном расслоении...).

гой стороны, например в южных уездах России, в XVII в. повсеместно встречались «вольные и переходные люди». В 30—40-х годах из этого контингента формировались гарнизоны крепостей Белгородской черты. Они бродили и в одиночку, и семьями не только среди служилых людей, но и жили у их крестьян, пытаясь «кормиться своею работою», «жить гуляючи», «в соседях переходя», в бобылях. Некоторые из них владели ремеслами, «кормились торгом» и т. д. Как установил А. А. Новосельский, это были люди, «потерявшие хозяйственную самостоятельность... и существовавшие работой у других людей»⁵¹. Характерно, что такое временное состояние «вольности» гулящего человека прекращалось с переходом его в низшие разряды служилых людей⁵². Таким путем из сферы частновладельческой эксплуатации эти люди попадали под гнет феодального государства, и неудивительно, что они активно выступали во время волнений конца 40-х годов.

Таким образом, в этот период на хозяйство крестьян оказывало влияние два фактора: с одной стороны, масштабы совокупной феодальной ренты (и в пользу феодала, и в пользу государства), с другой — развивающееся простое товарное хозяйство.

И. Д. Ковальченко отмечал применительно к началу XIX в., что «сословная неполноправность, внеэкономическое принуждение и, особенно, личная зависимость крестьян не только ограничивали свободу и инициативу хозяйственной деятельности крестьян, лишали ее правовой устойчивости, но и ставили ее в зависимость от своекорыстных устремлений и произвола помещиков и бюрократического чиновничьего аппарата»⁵³.

Восстанавливая после крестьянской войны власть всех категорий феодалов над личностью крестьянина, правительство Романовых фактически не придерживалось пятилетнего срока сыска. И только в связи с новыми вспышками крестьянской войны (в Вологодском крае и других местах) в 1615 г.

⁵¹ Новосельский А. А. Вольные и переходные люди в южных уездах русского государства в XVII в. — Материалы по истории сельского хозяйства и крестьянства СССР. М., 1962, с. 74.

⁵² В связи с этим не только военным, но и владельческим интересом следует объяснять отступления от основной линии в крепостнической политике правительства на юге. Это было создание некоторого резерва незакрепощенных людей, находившихся в распоряжении правительства, которые вскоре оказывались в сфере феодальной эксплуатации.

⁵³ Ковальченко И. Д. Указ. соч., с. 85.

было восстановлено право сыска крестьян по урочным годам⁵⁴.

С 1619 г. снова начал действовать пятилетний срок сыска беглых помещичьих крестьян. В 1638 г. был установлен десятилетний срок сыска помещичьих и монастырских крестьян, а в 1640—1641 гг. принят общий десятилетний срок сыска беглых и пятнадцатилетний — вывезенных крестьян⁵⁵. В наказе 1646 г. говорилось, что «как крестьян и бобылей и дворы их переписут, и по тем переписным книгам крестьяне и бобыли, и их дети, и братья, и племянники будут крепки и без урочных лет»⁵⁶. В 1647 г. фактически крестьян возвращали в 15-летний срок. Колебания в крепостнической политике объяснялись не столько нерешительностью правительства, сколько ожесточенной борьбой крестьян против закрепощения, которым было куда «брести розно». Сразу же после первой крестьянской войны начинаются систематические сыски беглых крестьян, хотя они не были столь широко организованы, как после принятия Уложения в 1649 г. Сыски вели не только сами помещики, но и назначенные правительством сыщики.

Усиленные сыски, «разволока» и «растаскивание во крестьянство» обостряли классовую борьбу и порождали новую волну сопротивления закрепощению. Закрепощению и распространению феодального гнета на новые территории и новые слои населения крестьяне противились самыми различными способами. Действенной формой сопротивления был переход крестьян в другие сословия. Частыми были случаи перехода крестьян на посады. Стремясь избежать повторного закрепощения, беглые крестьяне проникали в состав служилых людей. В связи с этим соотношение между крестьянами и помещиками в некоторых уездах юга составляло 1:2, что чрезвычайно обостряло борьбу за рабочие руки и создавало оппозиционные настроения у служилых по отчеству по отношению к правительству и крупным феодалам.

Крепостные и кабальные люди в целях «раскрепощения» широко использовали наборы «вольных и охочих людей» для отправки на Дон. Довольно сильным было движение в «воль-

⁵⁴ См. Фигаровский В. А. Крестьянское восстание 1614 — 1615 гг. — «Исторические записки», 1963, № 73, с. 195—218.

⁵⁵ См. Корецкий В. И. К истории формирования крепостного права в России. — «Вопросы истории», 1964, № 6, с. 94.

⁵⁶ Дьяконов М. А. Очерки из истории сельского населения в Московском государстве (XVI—XVII вв.). СПб., 1898, с. 51 (далее — Очерки из истории...).

ные» в 1646 г. в связи с формированием войска Жданом Кондыревым⁵⁷.

В Сибири крестьянские семьи стремились освободить потомков из тяглого состояния путем устройства браков своих детей со служилыми людьми и перехода их в другое сословие. Такие случаи наблюдались, например, в 40-е годы в Томске и вызвали ответные запретительные меры со стороны воеводы О. И. Щербатого.

Часто, особенно на водных магистралях (на Волге, Сухоно-Двинской, на Дону), крестьяне становились ярыжными, бурлаками и порой на долгие годы порывали связи с родной деревней.

Бегство было наиболее доступной и распространенной формой классовой борьбы крестьян. Ни погоня, ни телесные наказания с возвращением назад, ни ссылка в Сибирь, ни казнь не могли удержать крестьян. Холопов, унесших хозяйское имущество, по грамоте 1655 г., посланной в Воронеж, предписывалось вешать⁵⁸. Как справедливо отметил Б. Д. Греков, «что касается бегства, то никакими законами его прекратить было невозможно...»⁵⁹ Поток беглых никогда не прекращался, он только усиливался или уменьшался. Подчас это объясняли какими-то внешними факторами, но в действительности в основе его лежали глубокие социально-экономические причины. Менялись лишь густота потоков беглых и направление побегов.

Усиление бегства отмечалось в начале Смоленской войны, когда стали увеличиваться шалоги, участились татарские набеги. С середины 30-х годов появилась полуофициальная возможность такого устройства беглых, как принятие «вольных и охочих людей» в гарнизоны южных крепостей и в «донские посылки».

Большая волна бегства наблюдалась после 1646 г., когда усилилось податное бремя и на места был разослан указ о готовящемся составлении переписных книг. Бегство приняло такие размеры, что в западных районах государства крестьяне бежали даже за рубеж. Интересные сведения по этому пово-

⁵⁷ См. Донские дела, т. II, 1906; т. III, 1909; Чистякова Е. В. Воронеж в середине XVII в. и восстание 1648 г. Воронеж, 1953 (далее — Воронеж в середине XVII в...).

⁵⁸ См. «Воронежские акты», кн. 3. Древние грамоты и другие письменные памятники, касающиеся Воронежской губернии и частично Азова. Изд. Н. Второвым и К. Александровым-Дольником (далее — «Воронежские акты»). Воронеж, 1835, с. 21.

⁵⁹ Греков Б. Д. Крестьяне на Русн. М.—Л., 1946, с. 932.

ду сообщил в своей последней работе А. Н. Мальцев. Он писал, что летом 1648 г. торопецкие, холмские, зубцовские, ржевские дворяне и дети боярские жаловались, что их крестьяне «бегают за рубеж без престани», а земли их пустуют⁶⁰. Бегство крестьян за рубеж было далеко не безобидным: они забирали свой скарб, жгли помещичьи дворы, разоряли своих хозяев, «вязали» и избивали их. Более того, нередко они возвращались обратно и вместе с «литовскими порубежными людьми» подговаривали к бегству других крестьян. Автор приходит к важному выводу, что в этих условиях западные уезды «непрерывно пребывали в состоянии малой крестьянской войны»⁶¹.

Чтобы прекратить бегство крестьян за рубеж, правительство в октябре 1647 г. издало указ, согласно которому крестьяне, прожившие за рубежом 5 лет, подлежали возвращению помещику, а прожившие там сверх этого срока, — освобождались от крепостного состояния. Расчет был верным: из Литвы и Польши крестьяне целыми семьями потянулись в Россию. Тогда-то и потребовали помещики западных уездов отменить пятилетний срок сыска, так как «и опоследние люди и крестьяне идут за рубеж для указных лет, также заворовав, животы наши пограбив, что хотят тем своим воровством, изменою от нас, холопей твоих, свободны быть»⁶².

Таким образом, как установили советские историки, бегство было далеко не безобидной формой классового протеста крестьян. Не удивительно, что в связи с наступлением помещиков и государства на крестьян бегство их усиливается, при этом бегут не только обедневшие, но и состоятельные семьи.

Следует отметить, что наличие больших земельных пространств давало крестьянам возможность вновь оседать на земле. Это объективно ослабляло борьбу за более прогрессивный буржуазный путь развития, лишало города притока безземельных работников и в целом задерживало кризис и крушение феодальных порядков, развитие элементов новой капиталистической формации⁶³.

⁶⁰ Мальцев А. Н. Россия и Белоруссия в сс.едине XVII века. М., 1974, с. 199.

⁶¹ Там же, с. 200.

⁶² Там же, с. 201.

⁶³ См. Панкратова А. М. О роли товарного производства при переходе от феодализма к капитализму. — «Вопросы истории», 1953, № 9, с. 71.

Бегство не избавляло крестьян от крепостной зависимости. На окраинах они попадали в сферу феодальной эксплуатации со стороны государства, а с течением времени сюда проникали и помещики.

В стране шла длительная и упорная борьба беглых людей с помещиками. В течение первой половины XVII в. помещики всеми силами пытались увеличить зависимость крестьян, усилить судебную-административную, полицейскую, личную власть над ними. Старожилы, жившие за помещиком в «заневидные лета», по «писцовой старине» (в XVII в. говорили: «Которая крепость старее, та и правее») были фактически уже закрепощены⁶⁴. Были случаи продажи крестьян без земли. Передача их по наследству осуществлялась сплошь и рядом. В борьбе с крестьянами помещики применяли полицейские средства: домашние тюрьмы с кандалами, колодками, приспособлениями для пыток. Хотмышский помещик Тимофей Желябужский устроил крест, на котором пытал своих крестьян распятыми.

Неудивительно поэтому, что крестьяне противостояли феодалам всех рангов и в разных формах вели каждодневную антикрепостническую борьбу против усиливавшегося феодального гнета. Перед угрозой потери свободы и окончательного закрепощения крестьяне, в том числе и зажиточные люди из среды выборных лиц, выступали единым фронтом. Крестьяне «повсюду вели ожесточенную борьбу со своими духовными и светскими феодалами, и притом борьбу за самое существование»⁶⁵.

Поскольку крестьяне не имели ясной политической цели борьбы, различные оппозиционные группы пытались использовать ее в своих интересах как средство давления на правительство. Наиболее успешно борьба велась крестьянами в союзе с демократическими слоями города, к анализу социально-экономического положения которого мы и переходим.

Мы рассмотрели рост феодального землевладения и закрепощения крестьян в России. Но сложность эпохи заключалась в том, что наряду с этим все явственнее проступали черты складывания простого товарного хозяйства. Несмотря на большие разрушения, которым подверглись города в период интервенции, росло количество населения, занятого ремесленным трудом и порой оторванного от сельского хозяйст-

⁶⁴ Боголюбов В. Крестьяне в Московском государстве XVII в. — «Книга для чтения по истории нового времени», т. 1. М., 1910, с. 554.

⁶⁵ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 22, с. 307.

за⁶⁶. Наблюдалось начало территориальной специализации промышленного производства, усиливалась связь ремесла с рынком, появлялись новые формы производства (расширенные мастерские) с применением кабального и отчасти наемного труда, создавались металлургические, оборонные, текстильные, солеваренные, химические отрасли производства. Несмотря на большое количество домашних промыслов в деревнях, ремесло и торговля все более сосредоточивались в городах и крупных селах, которые иногда имели большее торгово-промышленное значение, чем некоторые города.

В первой половине XVII в. территориальная специализация производства только намечалась, но все же контуры ее обозначались, что и позволяет говорить о начальном этапе формирования внутреннего рынка в России.

К. Маркс и Ф. Энгельс отмечали, что благодаря торговле «города вступают в связь друг с другом, из одного города в другой привозятся новые орудия труда, и разделение между производством и торговлей вскоре вызывает новое разделение производства между отдельными городами, в каждом из которых преобладает своя особая отрасль промышленности. Мало-помалу начинает исчезать первоначальная местная ограниченность»⁶⁷.

В трудах Е. И. Заозерской, Н. В. Устюгова, К. Н. Сербинной и других исследователей приведен ценный материал о развитии русской промышленности. К середине XVII в. в России имелось свыше 30 крупных предприятий. Появление мануфактур — очень важное явление «нового периода русской истории». Но переоценивать его не следует. К. Маркс писал: «Вместе с тем мануфактура не была в состоянии ни схватить общественное производство во всем его объеме, ни преобразовать его до самого корня. Она выделялась как архитектурное украшение на экономическом здании, широким основанием которого было городское ремесло и сельские побочные промыслы»⁶⁸.

Господствующими формами промышленного производства в XVII в. были домашняя промышленность крестьян и городское ремесло. Эти мелкие формы промышленности господствовали на протяжении всего периода феодализма, но они изменялись качественно и количественно.

⁶⁶ См. Струмилин С. Г. Очерки по экономической истории России, вып. II, М., 1966, с. 23.

⁶⁷ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 3, с. 53.

⁶⁸ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 23, с. 381.

Как показано в работах А. Н. Сперанского о записных каменщиках, А. Л. Якобсона — о дворцовых хамовниках, В. И. Троицкого — о ювелирах, общей тенденцией развития ремесла в XVII в. было преобладание городского, тяглого и постепенное свертывание дворцового, казенного и записного. Вторым признаком изменения в ремесле была его специализация по профессиям.

В. И. Ленин подчеркивал, что основной чертой хозяйственного развития Русского государства в новый период истории был процесс складывания всероссийского рынка⁶⁹. Наметившиеся еще в XVI в. областные рынки в первой половине XVII в. постепенно приобретали устойчивые связи, крепче и надежнее связывались между собой в единую сеть всероссийского рынка. Радиусом действия местных рынков была округа в 300—400 верст. Как правило, каждый центр такого областного рынка, независимо от расстояния, был связан с Москвой (примерно 157 пунктов)⁷⁰.

Характерно, что даже в пунктах, основанных первоначально как города-крепости (на юге, по Белгородской черте), под влиянием нужд производства и обмена возникали посады; города все более становились центрами ремесла и торговли⁷¹.

Борьба посадов с беломестцами велась не только и даже не столько за пригородные земли (хотя некоторые города и задыхались в окружении вотчинных владений), сколько за налогоплательщиков, которых поглощали беломестные слободы, превращая в закладчиков. Исходя из этого необходимо посмотреть, что же представляло собой собственно городское население, в каком направлении развивалась его борьба.

До сих пор точно не установлено количество русских городов (включая Сибирь и казачьи городки) в XVII в. В обнаруженной нами «Росписи государства Московского градом» перечислено примерно 368 городов и 23 укрепленных монастыря (до р. Оби, без казачьих городков)⁷².

⁶⁹ См. Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 1, с. 153—154.

⁷⁰ См. Тверская Д. И. Москва второй половины XVII в. — центр складывающегося всероссийского рынка. М., 1959; Сперанский А. Н. Торговля Устюжны Железопольской в первой половине XVII в. — «Русское государство в XVII в.», с. 157—158.

⁷¹ См. Очерки истории Воронежского, края, т. 1. Воронеж, 1961; Чистякова Е. В. Ремесло и торговля..., с. 62.

⁷² ГБЛ., ф. МДА, № 173, фонд. 201, лл. 79—89. «Роспись», по-видимому, является одним из списков «Книги большому чертежу» (М.—Л., 1950, с. 31—34). См. Водарский Я. Е., Чистякова Е. В. Списки

П. П. Смирнов приводит следующие цифры о составе населения 226 городов России в первой половине XVII в.: из 107 413 дворов 60,1% принадлежали служилым людям, 3,2% — вотчинникам и лишь 31,7% — тяглецам. Из этого количества дворы собственнo поса́дских черных людей имелись в 73 городах и составляли лишь 29% от общей суммы городских дворов. Эти подсчеты убеждают нас в том, что город не был социально однороден. Численный вес поса́дских людей не был велик, а черное население городов было окружено в городе множеством служилых слобод и дворов вотчинников. Однако малочисленность поса́дских людей позволяет сделать еще один вывод: ремесло и торговля не были их монополией. Ими широко занимались как крестьяне (преимущественно закладчики), так и служилые люди (по прибору). Этот факт подтверждается результатами исследования Тихвина и Воронежа ⁷³.

На базе развития внутренней и внешней торговли уже в XVII в. росли капиталы у крупного купечества. Накануне «смуты» в привилегированной гостинной сотне состояли 350 чел., в суконной — 250, т. е. привилегиями пользовались всего 600 чел. После «смуты» в гостинную сотню было зачислено 328 чел., в суконную — 170. Среди членов гостинной и суконной сотен оказались не только крупные купцы, но и разорившиеся, «худые», «которые служб не служат и в тягле не положены». В 1649 г. вместе с ними гостей было 13 чел., гостинной сотни — 158, суконной — 116 чел. ⁷⁴ В то время торговые операции были подвергнуты многим случайностям, люди быстро богатели, но и быстро разорялись. С другой стороны, если среди членов гостинной и суконной сотен были люди обедневшие и разорившиеся, то в таких московских слободах, как Кадаши и Садовники, насчитывалось до 600 и более крупных купцов, державших винные откупа, таможи. Это были «полные» люди, деятельность которых простиралась от Пскова и Новгорода до Соли Камской и от Ярослав

городов, поса́дов и укрепленных монастырей в России во второй половине XVII в. «Археологический ежегодник» за 1972 г. М., 1974, с. 304—309.

⁷³ См. Сербина К. Н. Очерки из социально-экономической истории русского города. М.—Л., 1951; Чистякова Е. В. Ремесло и торговля..., с. 62.

⁷⁴ ДАИ, т. III, № 47.

ля до понизовых городов⁷⁵. Из 158 человек гостиной сотни семеро владели четвертью всех капиталов.

Эти люди фактически выключались из посадской общины своих городов. Самодержавие призывало их к себе на службу, давая взамен налоговые и прочие привилегии. Этот городской патрициат стремился срастись с феодальной знатью путем приобретения земель, особенно в Поморье. Энгельс писал: «...когда же возникли города, а вместе с ними обособленная ремесленная промышленность и торговый оборот, сначала внутри страны, а затем и международный, тогда развилась городская буржуазия, которая еще в средние века завоевала себе в борьбе с дворянством место в феодальной системе в качестве также привилегированного сословия»⁷⁶.

Развитие товарно-денежных отношений и растущая связь производства с рынком еще не вступили в противоречие с феодальным хозяйством. Наблюдалось слабое разделение труда, применялся в основном ручной труд, ремесленник владел мастерской по праву феодальной собственности. Господствовало сословное (трехступенчатое: ученик — подмастерье — мастер) деление. Однако крупные купцы в России никогда не составляли большую часть городского населения. Ниже их стояла масса скупщиков, которые занимались более мелкими операциями и принадлежали к числу «лутчих» людей. Часто они были сборщиками податей, головами и целовальниками. Судя по оброчным книгам, «средние» и «молодые» люди составляли большинство в посадских городских поселениях.

Сравнительно слабая дифференцированность горожан обуславливала наличие общих интересов посадских людей и делала возможными их общие выступления как против отдельных беломестцев за возвращение закладчиков в посадское тягло, так и против тяжелых налогов и служб, против феодальных форм управления, за монополию в торговле, против привилегий другим группам купечества (зарубежным, например) и т. д.

Борьбу посадов с беломестцами за возвращение тяглецов на посады исследователи объясняют увеличением налогового гнета. Феодал полностью присваивал себе налоги или, по мере формирования централизованного государства, должен был мириться с тем, что часть феодальной ренты шла в поль-

⁷⁵ См. Бахрушин С. В. Научные труды, т. II. М., 1954, с. 134 и след.

⁷⁶ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 19, с. 111.

зу государства. Она-то и составляла «централизованную» часть феодальной ренты. Неудивительно, что «народные восстания в средние века нередко были направлены в первую очередь против непосильных феодальных налогов, а в истории антифеодальных революций XVI—XVIII веков требования и лозунги, направленные против налогового гнета, неизменно занимали самое видное место»⁷⁷.

Характерно, что косвенные таможенные сборы, а также всевозможные строительные повинности были по существу также феодальной рентой. По замечанию Б. Ф. Поршнева, «многие поборы продуктами или деньгами мотивировались военно-оборонительными нуждами и, тем самым, выступали как непосредственные государственные службы населения, как налоги в широком смысле». Даже судебные доходы, хотя они были нерегулярны, составляли «постоянную и существенную часть совокупной феодальной ренты»⁷⁸.

20—40-е годы XVII в. составляют важный этап в развитии налоговой системы Русского государства. Основной прямой налог — стрелецкий хлеб — взимался натурой, а многие повинности выливались в простую отработку (та же барщина, только в пользу государства). Оторванные от сельского хозяйства горожане отбывали десятинную пашню, эту барщинную повинность, «нерадением и оплошкою»⁷⁹. Персональную ответственность за отработку нес воевода, ему помогали «замолотчики», а у житниц — житейный голова и целовальники.

С 1622 г. со всех земель (а в городах — со дворов) взимался налог, получивший название «стрелецкие хлебные запасы». Он взимался как хлебом (по 100 четв. с сохи; 1 четв. — 6 пудов ржи), так и деньгами (в Поморье — по 100—200 р. с сохи). В связи с ростом государственных расходов на армию и бюрократический аппарат в начале 40-х годов оклад был значительно повышен и доходил до 672 р. на соху. В государственные повинности входили «данные и оброчные или четвертные доходы», оставшиеся от прежних («досмутных») времен⁸⁰. Натуральные сборы (хлебом, крупой, сухарями)

77 Поршнев Б. Ф. Очерк., с. 58—59.

78 Там же, с. 59.

79 Тхоржевский С. Государственное земледелие на южной окраине Московского государства в 17 в. — «Архив истории труда в России», кн. 8, Пг., 1923, с. 74.

80 Веселовский С. Б. Сошное письмо, т. 1, с. 179—185.

особенно тяготили горожан, так как они были «люди торговые, а не пашенные». Для взносов хлеба в государевы житницы горожане закупали его в складчину на рынке, посылая закупщика на ярмарку ⁸¹.

Общий рост государственных налогов проявлялся в увеличении каждого из них. Так, повысился новый ямской (большой) оклад «московских и других городов охотником на жалованье» (малый оклад XVI в. оставался) ⁸². Тяжелы были и чрезвычайные налоги, так называемые пятинны (они составляли 1/5 движимого имущества и взимались со всевозможных доходов — торгов, промыслов и пр.). Со временем из чрезвычайного этот сбор превратился в регулярный (по 120—150 руб. с сохи) ⁸³.

Но мало констатировать рост налогов. Следует остановиться на изменении самого принципа обложения, которое произошло именно во второй четверти XVII в.

Чисто поземельная система оклада после «смуты» существовала недолго. Уже в начале 30-х годов к сошному письму была введена существенная поправка в виде «живущей четверти» (1/4 пашни), по которой исчисление шло в зависимости от количества населенных дворов (1/800 ч. сохи на светских землях: по 8—12 крестьянских дворов и 4—8 бобыльских; 1/600 ч. сохи на церковных: по 6—9 крестьянских дворов и 3—6 бобыльских). Как правило, при определении налогооблагаемости один крестьянский двор приравнивался к двум бобыльским. При этой системе все преимущества получал феодал. Черносошный крестьянин платил государевы подати в 7—10 раз больше, чем частновладельческий, на котором, кроме того, лежало бремя повинностей и платежей своему феодалу.

Хотя введение «живущей четверти» нельзя считать переходом к подворному обложению, но все же оно подготовило для этого почву, открыло путь подворному обложению, вытеснившему старое сошное письмо. Как правило, с этого времени все новые срочные сборы собирались подворно ⁸⁴. «Дворовая перепись привлекала к обложению новые разряды

⁸¹ ЦГАДА, Разряд, Новгородский ст., стб. 188, л. 157.

⁸² Милюков П. Н. Спорные вопросы финансовой истории Московского государства. СПб., 1892, с. 91—95; Веселовский С. Б. Указ. соч., с. 156—162.

⁸³ См. Очерки истории СССР, XVII в., с. 413. Веселовский С. Б. Семь сборов запросных и пятинных денег в первые годы царствования Михаила Федоровича. М., 1909 (далее — Семь сборов...).

⁸⁴ См. Милюков П. Н. Указ. соч., с. 90.

плательщиков», которые раньше этого «избывали». Она была следствием усиления централизации государственной власти во всех сферах, так как подворная подать была «более доступна непосредственному контролю администрации и могла быть изъята из ведения автономной областной раскладочной организации»⁸⁵.

О том, что широко вводилось подворное обложение в денежной форме, свидетельствует указ от 16 мая 1639 г. В 1638—1639 гг. был проведен «подымный сбор», с дворовладельцев взимались и пятинные деньги. В 1649 г., уже после принятия Уложения, на подворное обложение было переведено взимание полоняничных денег. Таким образом, задолго до реформы 1679—1681 гг. подворный принцип обложения стал проникать в налоговую систему. Это отягощало и без того напряженное финансовое положение посадских людей, вызывало острое недовольство горожан и усиливало их борьбу.

Во взимании прямых налогов с городов правительство придерживалось двух систем — посошной и оброчной. Посошная была тяжелее оброчной потому, что доля каждой «сохи» изменялась в соответствии с нуждами государства; оброчные сборы были постоянными.

Целый ряд городов не имел среди населения посадских людей и поэтому не был включен в сошное письмо, а оставался оброчным. Таких в Новгородской чети было 4 города (из 22), во Владимирской — 7 (из 17), в Галицкой — 5 (из 22) и т. д.⁸⁶

В сошное письмо клали «по людям, и по прожиткам, и по торгам, и по промыслам». Тех, кто не подходил под эту рубрику, т. е. обедневших, облагали оброком. Поэтому по сошному письму можно судить о платежеспособности горожан. Так, в 1623 г. в «соху» клали «30—40 лучших дворов, 50—60 средних, 70—80 молодых и 100—120 худых»⁸⁷.

В связи с участием России в Тридцатилетней и Смоленской войнах усилилось взимание налогов с горожан. Помимо введения «живущей четверти», целый ряд оброчных посадков был положен в сошное письмо, население платило тяжелые чрезвычайные военные налоги⁸⁸.

⁸⁵ Там же, с. 124.

⁸⁶ См. Веселовский С. Б. Посадская соха в первой половине XVII в. — ЖМНП, ч. XXVII (май). СПб., 1910, с. 3.

⁸⁷ Там же, с. 27, 38.

⁸⁸ См. там же, с. 15, 29.

Большую, хотя и вспомогательную роль в бюджете играли косвенные сборы (таможенные, кабацкие и др.). Часто косвенные сборы отдавались на откуп богатым жителям, а с них за это собирали так называемую «печатную пошлину» в специально организованный Печатный приказ.

Особенно тяжело на положении горожан сказывались непрерывные чрезвычайные сборы в виде «пятой, десятой деньги» с торгов и промыслов. Только упорное противодействие горожан помешало правительству превратить эти сборы в постоянные налоги.

Поскольку разверсткой податей ведали «лутчие» люди, часть которых к тому же выбывала из общины на государственные службы или в привилегированные сотни, а доля сборов с них разверстывалась на оставшихся, вся тяжесть налогов и повинностей падала на массу тягловцев-крестьян и на «средних» и «молодых» посадских людей.

Во время Смоленской войны был введен ряд добавочных сборов. Особенно тяжелыми оказались «немецкие (или солдатские) кормы», для взимания которых был создан «приказ сбора немецких кормов». С близлежащих к Москве городов и уездов (в радиусе 500 верст) «кормы» собирали натурой, что очень тяготило население, особенно городское⁸⁹.

Не менее обременительным был во время войны сбор людей (4 чел. с сохи), а также лошадей и подвод с посадов и черных волостей. Только с Москвы предстояло собрать сразу 1000, а с остальных мест — 987 подвод. Как правило, даточные посошные люди, т. е. выделяемые для военной службы, нанимались посадскими и волостными людьми, начиная с 1631 г., ежегодно. В Поморье цена такого найма колебалась от 2 до 8 р. (чаще 3—5 р.) в месяц. Кроме того, в 1632 г. был объявлен сбор запросных подвод («сколько кому возможно»). Из добровольного этот сбор в ходе войны превратился в обязательный⁹⁰.

Непосредственно перед Смоленской войной чрезвычайно возросли городовые и ямские повинности. Как правило, они целиком ложились на плечи населения. По замечанию Е. Сташевского, «обложение было доведено до предела тяглотпособности, и дальнейшее повышение налогов могло снова вы-

⁸⁹ См. Сташевский Е. Смоленская война 1632—1634 гг. Организация и состояние московской армии. Киев, 1919, с. 202—203 (далее — Смоленская война...).

⁹⁰ Там же, с. 218. 231—232.

звать ряд экономических потрясений в народном и государственном организме»⁹¹.

Таким образом, сформировавшаяся после «смуты» система централизованных государственных налогов всей тяжестью обрушилась на платежеспособные слои населения города и уезда.

Другой сферой борьбы с государственным феодализмом было местное управление. При изучении такого большого и важного вопроса, как местное управление в России, необходимо учитывать специфические особенности исторического развития отдельных областей государства. В XVII в. эти особенности были несколько сглажены, но все еще давали себя чувствовать. Как известно, к началу XVII в. относится постепенное распространение на местах воеводского управления⁹². Воеводы, посылаемые из центра в качестве представителей центральной власти, получали индивидуальные указы с учетом специфики города или области. Они ведали административными и военными делами, в их функции входили также полицейские дела и судебные. В их ведомстве находились все сословия и категории населения. Характер воеводской власти, вызванной к жизни ростом централизации государства, носил все же многие признаки наместническо-кормленческого управления. Воеводы назначались в города по их собственной просьбе для отдыха от ратных и других служб; в своем округе они были хозяевами.

Если на Западе в частновладельческих городах такая практика была способом эксплуатации горожан со стороны сеньера, то в России, в условиях централизованной монархии, место сеньера занимал воевода. В первом случае это считалось нормальным, во втором квалифицировалось как злоупотребление, хотя в действительности такова была система. В непрерывной борьбе горожан против воевод мы склонны видеть проявление незатухающей классовой борьбы на местах, а не «1001-е выступление» против плохого администратора, как считал Н. Н. Оглоблин и другие дореволюционные исследователи.

⁹¹ Его же. Очерки по истории царствования Михаила Федоровича. Киев, 1913, с. 387.

⁹² См. Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений дореволюционной России. М., 1960; Абсолютизм в России (XVII—XVIII вв.). Сборник статей к семидесятилетию со дня рождения и сорокалетию научной и педагогической деятельности Б. Б. Кафенгауза. М., 1964 (далее — Абсолютизм в России...).

Заставляя горожан (и приборных людей) работать в своем хозяйстве, собирая с них деньги и продукты, воевода выступал постоянным вотчинником. Вот здесь-то и процветали взятки, произвол и вымогательство. Воевода, олицетворяя приказные порядки, как в фокусе, сосредоточивал в своих руках все нити феодального управления, опутывавшие малоимущие слои посадского и мелкого служилого люда города⁹³.

Как правило, воеводы не хотели считаться с представителями местного управления. Значение такого рода конфликтов не следует преувеличивать, но все же подобные случаи бывали часто. Неудивительно, что жители «всем городом» подавали челобитные на воевод. В ответ приходили строгие выговоры от царя о том, что быть воеводе «в опале и большом наказаньи», но это мало действовало, и с приходом нового лица картина повторялась с незначительными изменениями. Недаром к воеводству стремились некоторые представители феодального класса, чтобы поправить свои пошатнувшиеся материальные дела⁹⁴.

Феодальный характер власти воевод во второй половине XVII в. был не только разорительным для посадских, но и превратился в серьезный тормоз экономического и политического развития города. Система воеводского управления толкала народные массы к открытому протесту. В борьбе с воеводской властью объединялись интересы всех слоев посадских людей, крестьян и провинциальных служилых людей. Иногда этой борьбой пытались воспользоваться товарищ воеводы, подьячий, но делалось это с единственной целью — занять место прежнего воеводы и творить то же самое.

Третьим фактором, объединявшим горожан, было их стремление к монополии рынка. Важным показателем формирования русского купечества и своеобразной его реакцией на попытки втянуть Россию в общеевропейский рынок была подача, начиная с конца 20-х годов, общих челобитных московских торговых людей об ограничении торговли иноземцев. Изученные П. П. Смирновым и К. В. Базилевичем коллективные челобитные (1627, 1635, 1637, 1639, 1646 и 1649 гг.) русских торговцев дают представление об их требованиях по ограничению иноземного торгова⁹⁵.

⁹³ См. «Чтения ОИДР», 1870, кн. 1, отд. 1, с. 37; «Сборник архива Министерства юстиции», т. VI, № 18.

⁹⁴ См. Бахрушин С. В. Научные труды, т. IV, М., 1959, с. 14.

⁹⁵ См. Смирнов П. П. Новое челобитие московских торговых лю-

В челобитной 1627 г. русские купцы требовали оттеснения иноземцев из внутренних городов в пограничные пункты, запрещения иметь свои средства передвижения, вести переработку сырья на местах покупки и нанимать русских приказчиков. На это челобитье боярский приговор гласил: «Быти попрежнему», что свидетельствовало о крайнем равнодушии правительства к нуждам русского купечества. Примерно тот же мотив звучал и в ответе на челобитье 1642 г. Челобитные 1635 и 1637 гг. близки по содержанию документу 1646 г., в котором купцы просили не допускать иноземцев во внутренние города, отобрать у них откупа, следить за точным соблюдением жалованных грамот. В нем уже выдвигались вопросы протекционистского характера: указывалось на то, что иноземные купцы находятся в привилегированном положении — не платят чрезвычайных налогов и не несут служб, которыми задавлены русские торговцы⁹⁶. Царским указом 1646 г. были отменены все льготы иноземным купцам на уплату пошлин. Если товары шли «в отвоз» (к Москве или за море), пошлина взималась в половинном размере. За утаенные товары с иноземцев взимали пеню. Все ефимки (валюту) велено было брать в царскую казну. Царская монополия устанавливалась и на рыбий зуб (клыки). Запрещалось иноземцам привозить деньги не чистого чекана, а также платить им старыми московскими деньгами.

Таким образом, под давлением русского купечества, начавшего осознавать свои национальные интересы, правительство вынуждено было перейти к политике регулирования отношений с иностранными торговцами в общероссийском масштабе. Такой же политики придерживались и страны Запада в соответствующий период.

Русское купечество в конце 20-х — середине 30-х годов стало осознавать свои общесословные интересы и выступать с требованиями по целому ряду животрепещущих вопросов по отношению к феодальному правительству. Однако эти выступления осложнялись имущественным неравенством горожан, а следовательно, сопровождались внутрисословной

дей о высылке иноземцев. — «Чтения в Обществе Нестора-летописца», 1912—1913, кн. 23, ч. II (далее — Новое челобитье...); Базилевич К. В. Коллективные челобитные торговых людей и борьба за русский рынок в первой половине XVII в. — «Известия АН СССР», VII серия, вып. II, 1932 (далее — Коллективные челобитные...).

⁹⁶ СГГД, ч. III, № 113 (приговоры о взятии Азова), с. 395: ААЭ, т. IV, № 13; ДАН, т. III, № 55.

борьбой. Это была как бы вторая линия борьбы посадских людей, которая часто переплеталась с первой, основной. Чаще всего столкновения внутри посадов возникали на почве разверстки налогов и посадских служб.

Как хозяйственные, так и судебные должности принадлежали в городе представителям служилой аристократии или «лутчим прожиточным посадским людям». Об этом говорит специальная инструкция: губного старосту следовало избирать «из дворян и из детей боярских з больших статей и своих же горожан, ково б с такое великое дело стало и грамоте б умел»⁹⁷. Губные старосты, как правило, вели дела в согласии с воеводой, правление свое использовали в корыстных целях, поэтому неудивительно, что они оказывались в лагере, враждебном восставшим.

Из среды служилых людей помимо губного старосты обычно избирался и осадный голова. По-видимому, его полномочия использовались в полицейских целях.

Основная масса горожан, стремясь к единству действий в борьбе с феодальной администрацией, не могла примириться с попытками выборных лиц из среды торговой или служилой верхушки противопоставить себя общине. Такие действия они считали изменой, предательством, составляли по этому поводу «мирские заручные приговоры», записи и т. д.

Итак, в «новый период русской истории» роль города как центра ремесла и торговли упрочивалась, формировалось сословие посадских людей. Развитие производственной деятельности горожан тормозилось феодальными порядками. Непрерывный налоговый нажим на тяглые слои населения, разнузданная «московская волокита» в сочетании с феодальной системой управления — все это привело к взрыву недовольства, который начал проявляться уже в ходе Смоленской войны.

Как установил в своих работах по истории «балашовщины» Б. Ф. Поршнев, Россия в период Смоленской войны оказалась перед лицом новой волны крестьянских восстаний в районе театра военных действий по западной границе⁹⁸.

⁹⁷ «Воронежские акты», кн. I, с. 112.

⁹⁸ См. Сташевский Е. Смоленская война.; Поршнев Б. Ф. Социально-политическая обстановка в России во время Смоленской войны. — «История СССР», 1957, № 5, с. 112—140 (далее — Социально-политическая обстановка в России...); его же. Развитие «балашовского» движения в феврале — марте 1934 г. — «Проблемы общественно-поли-

Смоленская война с ее наборами «охочих людей», новыми налогами, обременительной военной службой всколыхнула крестьян, жителей посада, мелких (беспоместных) служилых людей. Даже у дворян она не была популярной, и они ответили на нее мощным дезертирством из армии (бежало свыше 4 тыс. человек)⁹⁹.

Проникновение подворного принципа обложения в сошное письмо — появление в 1629—1631 гг. так называемой живой чети, непрерывные чрезвычайные сборы, распространение феодального землевладения и воеводского управления на новые территории — все это обостряло противоречия феодального строя. Начало «нового периода» в социально-экономическом развитии России ознаменовалось заревом пожаров, бегством крестьян, закладничеством посадских людей и оппозиционными настроениями мелких феодалов.

Этот краткий экскурс в социально-экономические отношения России во второй четверти XVII в. показывает, что главные противоречия эпохи заключались в положении основного производящего класса — класса крестьян, который боролся против усилившегося внеэкономического принуждения со стороны феодалов и налогового натиска со стороны государства.

Естественным союзником крестьян были горожане, которые выступали против растущей феодальной эксплуатации, против представителей феодальной власти как в центре, так и на местах. В 30-е годы выдвигались и другие требования посадских людей — монополия в торговле, ликвидация закладничества, борьба с воеводами и их агентами.

Характеризуя ограниченность требований «третьего сословия», В. И. Ленин писал: «Узостью отличаются вопросы, поднимаемые купцами, ибо они касаются *только* купцов. До *общеполитических* вопросов капиталисты *не* поднимаются... Они берут сложившиеся по чужой указке учреждения и в них кланчат местечка. Они становятся рабски на государственную почву, не их классом созданную, и на этой почве «ходатайствуют об интересах *своего* сословия, *своей* группы, *своего* слоя,

тической истории России и славянских стран» (сб. ст. к 70-летию академика М. Н. Тихомирова). М., 1963, с. 225—235 (далее — Развитие «балашовского» движения...); его же. На путях к Поляновскому миру 1634 г. — «Международные отношения. Политика. Дипломатия» (сб. ст. к 80-летию академика И. М. Майского). М., 1964.

⁹⁹ Оглоблин Н. Правда о боярине М. Б. Шеине. — «Исторический вестник», июнь 1898 г. 888

не поднимаясь даже и тут до широкого понимания интересов всего *класса*¹⁰⁰. Следует учитывать, что в условиях развития простого товарного производства в 40-х годах стала резко проявляться борьба внутрисословная, в среде посадских людей против «сильных», «лутчих людей», которые, проникая в органы местного управления, угодили перед представителями власти на местах, предавали интересы «мира», перекладывали тяжесть налогов и служб на менее обеспеченные слои населения. Но внутрисословная борьба не вела в тех условиях к образованию новых классов.

Второстепенными и социально неглубокими были претензии мелкого городского дворянства (детей боярских): они добивались фактического вхождения в класс феодалов, лучшего материального обеспечения землей с крестьянами, устранения соперничества со столичным дворянством, своего дворянского самоуправления.

Промежуточное положение приборных людей, бывших на положении посада и крестьян, но осуществлявших полицейскую службу в государстве, заставляло их примыкать то к феодальному, то к посадско-крестьянскому лагерю.

Остроту обстановки в стране отразил уже собор 1642 г.¹⁰¹, во время подготовки к которому летом 1641 г. особенно активизировались городовые дворяне, а по Москве поползла «мирская молва» о том, что «бояром от земли быть побитым»¹⁰².

В накаленной атмосфере всеобщего недовольства и брожения совершилось воцарение 16-летнего Алексея Михайловича. Об этом и о злоупотреблениях группы влиятельного дядьки царя боярина Б. И. Морозова много раз говорилось в исследованиях. Мы далеки от стремления идеализировать личность Б. И. Морозова, но было бы упрощенчеством не отдать должное незаурядному уму, воле и культуре этого «русского Мазарини». Мы не будем останавливаться на перипетиях придворной борьбы и должностных перестановках в приказах¹⁰³. Напомним лишь основные вехи политики, получившей меткое название «морозовщины» или «плетшеевщины».

¹⁰⁰ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 21, с. 294—295.

¹⁰¹ Акты, относящиеся к истории земских соборов. М., 1909, с. 37—40; Черепнин Л. В. Земские соборы и утверждение абсолютизма в России. — Абсолютизм в России..., с. 123—125.

¹⁰² Смирнов П. П. Посадские люди..., т. 1, с. 476.

¹⁰³ См. Бахрушин С. В. Московское восстание..., с. 46—100; Смирнов П. П. Посадские люди..., т. II, гл. 1, с. 16—28.

Видя нарастание недовольства среди основной массы мелких городских служилых людей по отечеству, требующих своей доли в совокупной феодальной ренте, раздраженных неопределенностью рабочими руками, правительство Б. И. Морозова решило переложить часть финансовых тягот на другие категории населения, в частности на городские гарнизоны, которые в значительной мере были связаны с сельским хозяйством и занимались торгами и промыслом. С некоторыми разрядами служилых людей вместо жалованья расплачивались землями; другим, наоборот, оставляли хлебную норму, но не давали денежную часть; третьим убавляли ее.

По городам Новгородской четверти конкретно это выглядело следующим образом: головам, сотникам стрелецким, городовому приказчику жалованье отменялось; у пятидесятников и десятников стрелецких жалованье было убавлено (по 50 коп.); функции приставов исполняли пушкари; казенным плотникам и кузнецам жалованье и денежное и хлебное отменялось, они переводились на поденный корм в период служб; сторожам и воротникам съезжей избы оставляли только денежное жалованье¹⁰⁴. Казаки обеспечивались почти вдвое большими окладами, чем стрельцы. Если пригородных земель не хватало, то предписывалось рассылать людей в другие города. Таким путем заполнялись пустующие места на черных, монастырских и дворцовых землях.

Вместо того чтобы переводить гарнизоны на денежное обеспечение, правительство расплачивалось за их службы землей. Стрельцов и казаков сажали на земли и превращали, по сути дела, в милитаризованных крестьян. В связи с этим обострилась нужда правительства в пригородных владениях. Борьба с беломестцами была продиктована необходимостью дать земли гарнизонам вблизи городов.

Но экономия на жалованье служилым людям была незначительной. Нужны были новые источники дохода. Не только в России, но и в других странах (например, во Франции) взоры правительственных финансистов привлекал такой предмет массового потребления, как соль. Продажа ее регулировалась верховной властью уже в XIV—XVI вв. В первой половине XVII в. внимание к ней усилилось. Так, уже в 20—30-х годах для продажи соли была установлена специальная (орленая) мера — кадь размером в 20—30 пудов¹⁰⁵.

¹⁰⁴ ДАИ, т. III, № 36.

¹⁰⁵ См. Коломинский С. Торговля солью на Руси в 16—17 вв.

А указами 1624 и 1631 гг. запрещалось вывозить соль за рубеж. Торговля солью, как и сибирскими соболями, приносила русским торговым людям основные доходы. Поэтому правительство Морозова ввело новую государственную цену на соль, мотивируя это желанием взимать налог со всех равно: по 2 гривны с 1 пуда, с непроданной купцами прежней (оставшейся) соли — по 5 алтын. Как установил А. С. Лаппо-Данилевский, новая цена превосходила среднюю рыночную цену соли в полтора раза и «равносильна была строжайшей запретительной пошлине на главнейший предмет потребления»¹⁰⁶.

Естественно, при существовавшем натуральном хозяйстве, когда необходимо было солить впрок рыбу, овощи, грибы, в каждом хозяйстве требовалось большое количество соли. И если повышение цены в 1,5 раза могли спокойно перенести феодалы и «лутчие» торговые люди, то для крестьян и посадских людей это было равносильно запрету или ограничению потребления необходимых продуктов питания. Соляная реформа взвинтила цены на соль в три раза и более. Население бойкотировало покупку соли. Терпело убытки и правительство, поскольку на время действия соляного налога отменялось взимание прямых налогов (ямских и стрелецких денег). Все вместе взятое привело к отмене соляного налога 10 декабря 1647 г.

Стало ясно, что соляная реформа потерпела крах. В наказах, посланных из Москвы воеводам в январе-феврале 1648 г., говорилось, что «велено соляная новая пошлина отставить, а собирать с соли пошлина по-прежнему в таможенные таможенному голове, как сбирывали наперед сего в прошлых годах до 154 году» (1646 г.). Интересна мотивировка этого указа: «...чтоб в том всяких чинов людем утеснения и напрасных убытков не было»¹⁰⁷.

Поэтому нет никаких оснований называть июньское восстание 1648 г. в Москве, происшедшее через полгода после отмены соляной пошлины, «соляным бунтом». Дело заключалось в другом: одновременно с отменой соляной пошлины было приказано взыскать прямые налоги и недоимки по ним за три года, т. е. в тройном размере. Это-то и явилось тяже-

и общее состояние соляных промыслов в указанный период времени. — «Университетские известия». Киев, 1912, № 12, с. 18—21.

¹⁰⁶ Лаппо-Данилевский А. С. Указ соч., с. 25.

¹⁰⁷ Максимович Л. Указатель Российских законов, временных учреждений, суда и расправы. Ч. 1. М., 1803, с. 144—145.

лым следствием соляной реформы Морозова и послужило поводом к восстанию в Москве.

Многие историки, особенно дореволюционные и зарубежные, большое значение в разворачивании событий в столице придавали указу о запрете табака. Указ о запрещении русским людям и иностранцам держать, употреблять и торговать табаком был издан еще в 1634 г. Он предписывал купцов и продавцов этого товара наказывать смертью, конфисковывать дворы и все имущество в пользу казны¹⁰⁸. Но вскоре казна взяла табачную монополию в свои руки. В связи с этим в 1646 г. в Сибирь были посланы гостинной сотней Иван Еремеев и ярославец посадский человек Иван Третьяков с заданием продавать табак. Доходы от монополии казны на табак поступали в приказ Большой казны к боярину Б. И. Морозову и дьяку Аникею Чистому, сменившему на этом посту своего брата Назария¹⁰⁹.

Употребление табака запрещалось церковью. Это был товар, привезенный извне, и едва ли введение монополии на торговлю им могло вызвать столь бурную реакцию горожан. Поэтому ставить его в один ряд с соляным сбором и тем самым считать эту меру поводом к восстаниям конца 40-х годов по меньшей мере необоснованно.

Значительно большую роль в подъеме новой волны восстаний играло усиливающееся крепостничество, выразившееся в середине 40-х годов XVII в. в указе о составлении переписных книг. В отличие от писцовых описаний, в которых обращалось большое внимание на земельные промысловые владения тягльца, в переписных книгах давалась сравнительно полная демографическая картина и они служили, таким образом, основанием для последующего закрепощения крестьян, а учет населенности двора тягльца позволял использовать описание в целях подворной разверстки некоторых сборов. Перепись 1646 г. расширила число тягльцев, так как в ее сферу попали те, кто при отсутствии земли имел дворы (половники, ремесленники, детеныши, отходники и сезонные работники). По нашему мнению, это было также важным толчком к событиям, развернувшимся в середине 40-х годов в России.

¹⁰⁸ ДАИ, т. III, № 10.

¹⁰⁹ ДАИ, т. III, № 38.

МОСКОВСКИЕ ВОССТАНИЯ 1636 И 1648 гг.

§ 1. Москва накануне восстаний

Большинство исследований о составе населения и занятиях жителей Москвы основано на материалах второй половины XVII в. Очевидно, это объясняется тем, что огромное количество документов погибло в годы борьбы с интервентами и сгорело во время пожара правительственных учреждений в 1626 г. Сколько-нибудь полных статистических сведений о населении Москвы не сохранилось и за более поздние годы. Списки по сбору пятинны 1634 г. касаются лишь четверти территории Москвы, а Росписной список 1638 г., в котором отсутствует 41 лист, не охватывает Кремля, Замоскворечья, района Крымского брода, служилых слобод и т. д.

Известно, что территория Москвы в XVII в. состояла из Кремля, Китая, Белого и Земляного города, окаймлявшего ее по линии современного Садового кольца. От центра лучами расходились дороги в разные концы страны, вдоль которых тянулись московские слободы. В XVII в. в Москве насчитывалось 11 сотен, 3 полусотни, 2 четвертьсотни и 30 слобод¹. Если принять во внимание подсчеты С. К. Богоявленского, согласно которым каждый двор населяло до 6 человек обою пола, а количество дворов достигало 27 тысяч, то получается огромная цифра — около 200 тыс. человек. По подсчетам П. П. Смирнова, это составляло 1/3 городского населения всей России. По средневековым масштабам это был громадный город, уступавший лишь Парижу и Константинополю². Неполные статистические данные говорят о том, что

¹ Материалы для истории московского купечества, т. 1. М., 1883, с. 1.

² См. Богоявленский С. К. Московская немецкая слобода. — «Известия» АН СССР», серия «История и философия», 1947, т. IV, № 3, с. 222; Гольдберг А. Л. Известия о России..., с. 145.

население состояло из следующих групп: посадские люди (49% без Замоскворечья), гости и привилегированные сотни (1,5%), светские феодалы (20%), духовенство (10%), приказная бюрократия (8%), казенные ремесленники и иноземцы (8%), крестьяне и жители беломестных слобод (3%)³.

Дворцовые и казенные слободы были заселены ремесленниками, обслуживавшими царский двор и дворец с его многочисленными службами. В первой половине XVII в. в 24 дворцовых слободах жил 1551 человек, во второй половине века это число почти удвоилось за счет ликвидации белых слобод.

С образованием централизованного государства Москва стала не только политическим, но и экономическим центром страны. Производство сосредоточивалось в руках как тяглых, так и дворцовых, записных и частновладельческих ремесленников. По подсчетам А. М. Карпачева, 58% людей, плативших пятину (с торгов и промыслов), составляли ремесленники. Таким образом, промышленное население преобладало в столице⁴. Исследователь московского ремесла М. В. Довнар-Запольский насчитал в Москве 250 ремесленных профессий⁵, Д. И. Тверская уточнила эту цифру — 259. Много ремесленников было среди приборных людей⁶.

Насколько разнообразными ремеслами занимались жители слобод, можно проследить на примере Кадашевской и Тверской Константиновской слобод, в которых на 100 человек помимо основной профессии приходилось 50 специальностей (металлообработка, деревообработка, обработка животного и растительного сырья, производство продуктов питания и т. д.). Таким образом, свой производственный признак слободы со временем постепенно утрачивали.

В XVII в. наблюдалось дробление специальностей. Например, среди занимающихся металлообработкой были кузнецы, скобники, серебряники, сабельники, крестники, замочники, золотари и пр. Даже среди кузнецов (в 1638 г. было

³ Подсчитано по материалам «Росписного списка» за 1638 г. — «История Москвы», т. 1, с. 450, 457.

⁴ См. Карпачев А. М. Пятина 1634 (142) года как источник для изучения социально-экономической истории Московского государства. — «Исторические записки», 1950, № 33, с. 252—253.

⁵ См. Довнар-Запольский М. В. Торговля и промышленность Москвы в XVI—XVII вв. — «Москва в ее прошлом и настоящем», вып. 6. М., 1910. с. 55.

⁶ См. Тверская Д. И. Указ. соч., с. 21.

98 кузниц, а в 1641 г. — уже 112) намечалась специализация (медники, ножовники, котельщики, рудометы и пр.), хотя она не всегда была устойчивой⁷.

Росписи китайгородских рядов (после пожара 1626 г.) свидетельствуют о том, что многие ремесленники торговали в каменных и деревянных лавках, на перекрестках, с рук, с лотков, скамей, даже в проемах ворот⁸. Судя по пятинному сбору 1634 г., около половины чернослободцев (44,7%) владели имуществом стоимостью до 5 руб., т. е. были бедными, «меньшими» или «молодшими» людьми; 46,7% населения, владевшего имуществом стоимостью до 50 руб., были средними людьми, и только 1,9% были «лучшими» — они владели имуществом стоимостью свыше 250 руб. Таким образом, большинство населения московского посада составляли «молодые» и средние люди.

Экономическая роль Москвы была особенно велика, так как она являлась центром формирующегося всероссийского рынка. В 150 московских рядах шла бойкая торговля самыми разнообразными товарами. Огромный московский рынок (4 тыс. лавок) поражал приезжих разнообразным ассортиментом товаров, которые реализовывались иногда далеко за его пределами. На столичных рынках широко действовали скупщики⁹.

Поскольку основными налогоплательщиками были мелкие и средние люди, слободы и сотни дорожили каждым тяглом. Поступление в тягло лишало человека свободы передвижения, он как бы прикреплялся к тяглу; поэтому в случае ухода тяглеца его доля ложилась на оставшихся и тяжесть тягла увеличивалась. Об этом свидетельствуют сохранившиеся от первой половины XVII в. поручные записи¹⁰.

Прикрепление к тяглу стесняло торгово-ремесленную деятельность населения столицы и свидетельствовало о тяжелых феодальных оковах, лежавших на посадских людях. В связи с разверсткой тягла становится понятным обострение вопроса о беломестных слободах и о приписке его населе-

⁷ См. Забелин И. Е. Материалы для истории, археологии и статистики г. Москвы. М., 1891, с. 1101; Тверская Д. И. Указ. соч., с. 27.

⁸ См. Устюгов Н. В. Ремесло и мелкое товарное производство в Русском государстве XVII в. — «Исторические записки», 1950, № 34; Описание коммерции, т. 1, с. 258; Максимович Л. Указ. соч., с. 135, 136.

⁹ См. Тверская Д. И. Указ. соч., с. 41.

¹⁰ См. Смирнов П. П. Посадские люди., т. 1, с. 367 и след.

ния к посадам. Как установил П. П. Смирнов, на посаде было много частновладельческих, так называемых белых слобод, население которых занималось ремеслом и торговлей. Москва была опоясана сторожевыми монастырями, вокруг которых располагались беломестные слободки (один лишь Кремлевский Чудов монастырь имел 3 слободы на посаде). В семи патриарших слободах было около 900 плательщиков пятинных денег (с 874 чел. взималось 3198 руб. 5 коп.). 4 слободки принадлежали митрополиту Крутицкому, 1 — ростовскому митрополиту. Наиболее крупными светскими владениями были Бутырская слобода боярина И. Н. Романова (с 3 дворов в 1620 г. она увеличилась до 79 дворов в 1646 г. и 12 дворов пашенных крестьян), Останкино и Марьино Роща князя Я. К. Черкасского (112 дворов крестьян и 36 непашенных). Имелись также слободы, принадлежавшие князю Д. М. Черкасскому, С. Л. Стрешневу и др.

Судя по материалам сыска закладчиков, проведенного в 1638—1642 гг., правительство охотно возвращало тягловц-налогоплательщиков на посад, даже если это ущемляло интересы отдельных лиц или корпораций. В этом вопросе выгоды посада в целом и финансовые интересы казны совпадали¹¹.

Мы согласны с мнением П. П. Смирнова, что ликвидация беломестных слобод была общим требованием посада, но не склонны считать это основной причиной восстания в Москве. Как упоминалось выше, правительство проводило мероприятия в этом направлении еще в 30-х годах и было со своей стороны заинтересовано в ущемлении беломестцев. Уничтожение белых слобод было одним из общих требований посада, но далеко не главным.

Помимо закладчиков в столице были и другие разряды феодално-зависимого населения — многочисленная дворня феодалов. Установить примерную численность холопов в Москве косвенно помогает подсчет погибших в результате чумы в 1654 г. Так, у Н. И. Романова было 486 холопов (352 умерли, осталось 134), у Я. К. Черкасского — 533 холопа (423 умерли, осталось 110), у Б. И. Морозова — 362 (343 умерли, осталось 19), у Я. Н. Одоевского — 310 (295 — умерли, оста-

¹¹ Как показано в исследовании П. П. Смирнова, в результате строения посада, развернувшегося после принятия Уложения 1649 г., количество дворов, отобранных у беломестцев Москвы, было значительным; так, у духовенства отобрали на посад 1237 дворов, у светских феодалов — 173 двора. См. Смирнов П. П. Посадские люди., т. I, ч. III, гл. VI, § 3; т. II, ч. II, гл. IV.

лось 15), у А. Н. Трубецкого из 278 холопов осталось 8 и т. д.¹²

В Москве содержалось большое войско. 7 тыс. человек насчитывал «государев полк», состав которого «переменялся» поквартально; в Замоскворечье и в других местах располагалось 20 стрелецких слобод-приказов, называвшихся по имени командиров¹³. Всего в Москве размещалось свыше 20 тыс. стрельцов¹⁴. Рядовые получали по 7 четвертей ржи и овса и 10 руб. денег, а также сукно определенного цвета (по полкам: красное, лазоревое, вишневое или зеленое), вооружены были бердыщами. Особое место занимали выборные полки, набираемые из зажиточных семей родовых романовских вотчин¹⁵.

Привилегированное положение занимал стрелецкий стрелянный полк. Стрелецкие командиры были близки ко двору и некоторые из них (например, А. С. Матвеев) становились приближенными царя. Однако стрельцы далеко не всегда были надежными слугами правительства. Как указывалось в I главе, положение их было двойственным. Прожить на одно нерегулярно выдаваемое жалованье было невозможно, поэтому служилые по прибору занимались ремеслом, торговлей. В скобяном ряду, например, из 21 лавки 9 принадлежало стрельцам, в мыльном — 5 лавок. В силу своей близости к посадским людям низшие разряды служилых по прибору принимали активное участие в столичных восстаниях середины XVII в.

Велика была в Москве прослойка приказной бюрократии. По Росписному списку, в 1638 г. в Москве было 60 приказов с 80 дьяками и 476 подьячими. Таким образом, на каждые 16—20 дворов приходился 1 двор дьяка или подьячего¹⁶. Они селились в районе Остоженки (ныне — Метростроевская), Арбата и Никитской. Многие из них становились влиятельными людьми, имели своих холопов, беззастенчиво обогащались взятками. Этим прославился вызывавший негодование посадских людей управлявший Земским приказом и ведавший чер-

¹² См. Брикнер А. Г. Чума в Москве в 1654 г. — «Исторический вестник», т. IV, 1884.

¹³ См. Труды Московского отдела русского военно-исторического общества, т. I. М., 1911, с. XVIII.

¹⁴ См. История Москвы, т. I. М., 1952, с. 480.

¹⁵ См. Заозерский А. И. Царская вотчина XVII в. М., 1937, с. 299.

¹⁶ См. Устюгов Н. В. Эволюция приказного строя русского государства в XVII в. — Абсолютизм в России., с. 134—168.

ными посадскими людьми Леонтий Плещеев. Его бюрократическая, изматывающая горожан система управления Москвой получила нарицательное название «плещеевщины».

В Москве было почти 400 церквей, около которых постоянно толпились нищие, юродивые, калеки и пр. Они кормились близ церквей и монастырей, бродили по дворам.

Население Москвы пополнялось обедневшими жителями из окрестных районов, приходившими в столицу в поисках заработка. О том, как складывалась их судьба, свидетельствует «Дело о бежавших из разных городов посадских людей», относящееся к 1634 г.¹⁷ Столица притягивала людей, но не всем удавалось устроиться: часто они попадали в закладчики, становились наймитами, гулящими людьми и, как правило, с течением времени снова оказывались тяглецами.

В Москве было довольно много иностранцев-офицеров, различных специалистов (часовых дел мастера, инженеры, врачи, фармацевты). Но особенно многочисленны среди них были торговцы и ремесленники, капитал и знания которых царское правительство ставило на службу своим интересам. Иноземные купцы, как правило, пользовались правом беспощинной торговли в Москве. Слободы, населенные иноземцами, возникли и по Маросейке (ул. Богдана Хмельницкого), и в районе улиц Басманных, и в других местах. Действуя на столичном рынке сплоченными группами, имея капитал, иноземцы быстро подчинили себе мелких торговцев, сделали их своими агентами, должниками, заставляли закладывать дворы и лавки.

1635 г. с целью контроля уплаты пошлин иноземцами велено было переписать «аглицких и галанских и амборских. и иных неметцких государств гостей торговых немец, которые живут на Москве на своих дворах и которые стоят по чужим дворам, и у кого кто стоит и почему которые приезжают к Москве, торгуют по государевым жалованным грамотам и которые, приезжая к Москве, торгуют без государевых жалованных грамот, самовольством»¹⁸. Под предлогом ограничения распространения протестантских кирок иноземцам было запрещено принимать в заклад дворы в центре города и в посадских слободах¹⁹. В основе этих небольших ущемлений лежали экономические интересы казны и усиливающееся настоятельное требование посадских людей в отношении покровительства отечественной торговле.

¹⁷ ЦГАДА, ф. 141, 1651, д. 34, л. 1—21.

¹⁸ ЦГАДА, ф. 141, 1635, д. 18, л. 1.

¹⁹ АИ, т. III, № 92.

Итак, Москва была средоточием различных классов-сословий и сословных групп. Здесь царил неприкрытый феодальный гнет. Сотни холопов и крестьян наполняли боярские и дворянские усадьбы. Много было и пришлых крестьян. Посадское население столицы тоже все острее ощущало тягость феодальных оков, сдерживавших их производственную деятельность. Феодальный характер управления сильнее всего сказывался в столице; от него страдали все слои общества, за исключением привилегированного боярства и придворных чинов.

В Москве остро проявлялись противоречия между боярством и столичным дворянством, с одной стороны, и городовыми детьми боярскими и жильцами — с другой. Обострились отношения внутри тяглых слобод. Торговцы города, будь то стрельцы, жители беломестных слобод или горожане, вызвали ненависть черных тяглецов, ярыжных гулящих людей, поденщиков и т. д. Для Москвы этого периода были характерны острые социальные и сословные конфликты.

§ 2. Московские волнения в 30-х годах XVII в.

Недовольство в столице росло. Московское население не оставалось безучастным к вестям о волнениях на периферии. Особенно ярко это проявилось в 1634 г., в период «балашовщины»²⁰. Жители Москвы живо реагировали на экономические и политические мероприятия правительства и на известия о волнениях в районах военных действий. Когда один из руководителей этого движения Анисим Чертопруд с 50 казаками приехал в Москву, здесь к нему присоединилось много холопов — боярских людей²¹. Тревожным для правительства по своим последствиям был также приезд в Москву в феврале-марте 1634 г. из Рославля другого руководителя этого движения — Ивана Теслева с казачьим отрядом.

К этому времени политическая и социальная атмосфера в Москве накалилась. Умер патриарх Филарет. Стал ясен провал Смоленской кампании. Посад Москвы стонал от непрерывных сборов пятой деньги. Все это осложняло обстановку, и в марте-апреле в Москве назрели грозные события.

Центром движения стали Голутвенная слобода и село Семеновское. На Калужской дороге была поставлена застава,

²⁰ См. Поршнев Б. Ф. Социально-политическая обстановка в России..., с. 112—140; его же. Развитие «балашовского» движения..., с. 225—235.

²¹ АМГ, т. 1, № 621.

задерживавшая гонцов, прибывавших в Москву из других городов. В слободу стекались «боярские люди», т. е. «холопы и от бояр наших и от окольныхых, и от дворян, ото всяких людей». Бояре, думные люди, дворяне, гости и «черных слобод всякие люди» жаловались царю на отряд Теслева.

После того как Иван Теслев был схвачен, в село Семеновское направился отряд карателей, «чтобы холопей боярских переимать и в воровство их не пустить», но получил отпор. Не удалась и попытка правительственного отряда захватить холопов, сбежавших из Голутвенной слободы в Замоскворечье. После этого холопы поспешили уйти из столицы в Рославль. 500 человек «беглых холопей боярских, и из городов стрельцов и казаков и всяких людей под б знамены» прибыли туда с атаманом Семеном Белобородовым.

Таким образом, установилась прямая связь между рославльским лагерем и холопами столичных феодалов. Уход мятежных холопов из Москвы на запад не успокоил столицу. Не случайно в шведском ригсдаге (парламенте) раздавались голоса о том, что в Москве «могут произойти такие же смуты, как прежде». Об этом свидетельствовал и польский канцлер Жадик: «На Москве учинилась в людях рознь великая, да на Москве ж де были пожары большие, а выгорела Москва, мало не вся»²². Некоторые дипломаты не без оснований считали, что внутривнутренняя обстановка побудила царя Михаила Федоровича поторопиться с заключением Поляновского мира²³. Еще более определенно об этом свидетельствовал Адам Олеарий. Он писал, что в Москве «грозило вспыхнуть всеобщее восстание», но казнь Шеина «народ был удовлетворен и мятеж прекратился»²⁴.

Казнь руководителей Смоленской кампании Шеина и Измайлова не устранила, однако, причин недовольства. На соборе 28 января 1634 г. царь Михаил Федорович потребовал установления новых налоговых сборов. Он говорил, что ратным людям «без жалования на службе быть нельзя, а государева денежная казна собрана была в прошлых годах государским рассмотрением, а не поборами с земли, и та денежная многая казна роздана всяким ратным людям». Далее царь обвинял гостей и торговых людей в том, что они «дава-

²² Поршнев Б. Ф. Социально-политическая обстановка в России., с. 114, 138—139.

²³ См. его же. На путях к Поляновскому миру, с. 512—537.

²⁴ Олеарий А. Описание путешествия в Московию и через Московию в Персию и обратно. СПб., 1906, с. 200—202.

ли пятую денгу неправдою, не против своих промыслов и животов». На том основании, что «вперед денежной государевой казны на жалование и на корм ратным людям без добавочной казны быть нельзя», царь потребовал: «Так вам бы дать денег!»²⁵. Таким образом, в момент заключения мира, когда налоговый гнет усиливался, почва для волнений была благоприятной. От меткого взора простого сибирского казака Алексея Леонтьева не ускользнула особенность обстановки в Москве. Он рассказывал в Сургуте, что «делаетца де на Москве нестройно — разделилась де Москва натрое: бояре себе, а дворяне себе, а мирские всяких чинов люди себе ж»²⁶.

Показателем обеднения населения и роста внутреннего недовольства были действия определенных групп москвичей во время огромного пожара в Китай-городе в марте 1636 г.²⁷ О событиях во время пожара можно заключить из следственного дела, которое велось в Новой чети под руководством целой комиссии, состоявшей из высших царских сановников — князя И. А. Голицына, Б. М. Салтыкова, окольного Ф. Ф. Волконского и дьяков — сначала Пантелея Чирикова, а затем Дмитрия Карпова. В следствии по этому делу принимал участие и Стрелецкий приказ. Оно длилось ровно полгода и закончилось лишь в августе 1636 г.

Суть дела состояла в следующем. В марте, перед «Великим днем», внезапно загорелись москательный и другие ряды Китай-города. В связи с замешательством властей в городе начались беспорядки. Горожане стали громить лавки и растаскивать товары, открывать тюрьмы, выпускать колодников, «бить» кабаки, грабить отдельные дворы и т. д. Во всех этих действиях живое участие принимали определенные социальные слои: боярские холопы, черные посадские люди. Документы называют следующих лиц: холоп Т. Мансурова Дмитрий Васильев, холоп князя Д. Шелдякова Куприян Артемьев, холоп С. Копылова Василий Карпов, холоп И. Коробьина Дружина Семенов, холоп В. Чоглокова Иван Дементьев, холоп К. Левонтьева Фомир, холоп И. Нелединского Иван Яковлев и другие. В их действиях наблюдался элемент организованности: они сносили имущество торговых людей в одно

²⁵ Соловьев С. М. Указ. соч., с. 168.

²⁶ Бахрушин С. В. Московское восстание., с. 47.

²⁷ ЦГАДА, ф. 141, 1637, л. 59, лл. 8, 28, 56. Далее события излагаются по этому делу на лл. 8—75; Чистякова Е. В. Москва в середине 30-х годов XVII в. — В кн.: Новое о прошлом нашей страны. М., 1967 (в сн. 37 на с. 307 номер дела указан ошибочный, надо — 59), с. 301—309.

место — к Никольским воротам Китай-города, а затем «делили» его между участниками этой «конфискации».

В разгроме свечного, серебряного, сапожного, сурожского, пушного рядов первостепенное участие принимали тяглы Дмитрий Васильевич Телегин, портные мастера Иван Григорьев и Елизар Федотьев, ярый Исаак Харламов и др. Некоторых торговых людей горожане останавливали прямо на дороге: так сделал холоп Ф. Толчанова Василий Ярцов, который взял три поклажи сукна у торгового человека.

Не менее заметную роль в мартовских событиях в Москве играли стрельцы, что особенно насторожило правительство. Стрелец Клим Кузьмин возглавил разгром двора подьячего. Стрелец Михаил Петров громил лавки в сафьянном ряду, стрелец Никифор Зыков — в сурожском, стрелец Тимофей Титов — в сапожном и т. д. О десятнике Иване Дмитриеве говорили, что он набрал столько, что ему «пожарные рухляди не прожить во век».

Среди участников разгрома имущества торговых людей только в одном случае упомянуты патриаршие дети боярские Иван и Богдан Рагозины и Иван Патрикеев, отосланные для наказания к патриарху. Этот единственный факт не меняет представления о том, что участниками мартовских событий были в основном наименее обеспеченные жители города. Центр столицы походил на огромную свалку разнообразного добра. От Кремлевской стены до Сретенки и Неглинной валялись шляпы, куски сукна, обувь.

Действия горожан во время пожара нельзя свести только к грабегам. Волнение, в котором принимало участие большое число холопов, посадских людей и стрельцов, не ограничилось разгромом лавок. Они громили дворы, «били» кабаки и даже вооружались. Так, холоп С. Стрешнева Галактион Деев расхаживал по площади с саблей и топором. Участники волнений начали освобождать колодников из тюрем, раздавать имущество богатых торговых людей.

Следственное дело дает представление о составе пострадавших во время пожара. Характерно, что это были лица разных сословий, но все они были богатыми торговыми людьми. Среди истцов в деле названы: крестьянин боярина И. Н. Романова Афрем Муха, торговавший в Кулишках, торговый человек Иван Алексеев, торговавший сельдями. У сына чоботника царицы Сидора Иванова взяли имущества на 115 руб., в том числе сапоги. Садовник из сапожного ряда Иван Телятевский торговал шубами, серьгами, перстнями, которые у не-

то отнял стрелец Тимофей Титов. У Гаврилы Шестунина взяли венецианскую бумагу и другие товары, которые он продавал в кафтанном ряду. Торговый человек огородной слободы Семен Акинфиев, торговавший в пушном ряду, потерял убыток на 100 руб. и 9 ефимков. Крестьянин И. Н. Романова Никон Яковлев продавал в сурожском ряду различные ткани (борошни, дороги, киндяки, бумазею). Товары он помечал собственной печатью и с помощью своего подсоседника крестьянина ярославского Спасского монастыря Елизара Федотьева, портного мастера, прятал у себя на дворе.

Расправлялись с участниками жестоко. Пойманных людей приводили в Стрелецкий приказ или Новую четь московские стрельцы, хозяева, пострадавшие торговые люди. Здесь их пытали, жгли огнем, брали с них платежные записи, держали в «цепи и железе». Все это говорит о том, какое серьезное значение правительство придавало мартовским событиям.

Нет необходимости преувеличивать социальную значимость событий в столице, происходивших под зарево пожара в середине марта 1636 г. Но они продемонстрировали размежевание сил внутри города: холопы, малоимущие посадские люди и стрельцы, с одной стороны, и владельцы лавок, торговые люди (из разных сословных групп) — с другой.

Некоторые историки склонны считать борьбу в городах XVII в. признаком социального расслоения, присущего буржуазному обществу. Однако внутренняя борьба в городах существовала и на более ранних этапах развития феодализма. М. Н. Тихомиров отмечал ее в городах Киевской Руси и в Пскове в начале XVII в. С. В. Бахрушин прослеживал эти явления в городах в XVI — начале XVII в., И. И. Смирнов указал на борьбу в городах в период первой крестьянской войны²⁸. События середины 30-х годов в Москве были проявлением тех сложных внутренних противоречий, которые были присущи городу феодальной эпохи, когда, по словам Энгельса, уже «существовала общая противоположность между эксплуататорами и эксплуатируемыми, богатыми тунеядцами и трудящимися бедняками»²⁹.

²⁸ См. Тихомиров М. Н. Крестьянские и городские восстания на Руси XI—XIII вв. М., 1955; его же. Псковские повести о крестьянской войне в России начала XVII в. — Из истории социально-политических идей. Сборник статей к 75-летию академика В. П. Волгина. М., 1955; Бахрушин С. В. Научные труды, т. 1. М., 1952; Смирнов И. И. Восстание Болотникова. М., 1951.

²⁹ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 20, с. 17.

§ 3. Московское восстание 1648 г.

Основная канва московских событий в июне 1648 г. многократно описана. Особенно детально ход восстания прослеживается в трудах С. В. Бахрушина и П. П. Смирнова. Но авторы этих работ делают упор на рассмотрение позиции господствующих слоев населения (дворянства, боярства, верхов посада) и меньше внимания уделяют действиям и требованиям трудящихся элементов города. Поэтому верный тезис об антифеодальном характере московского восстания до сих пор остался по существу нераскрытым. Отчасти это объясняется тем, что следственные дела по московскому восстанию сохранились в отрывках. Дошедшие же до нас челобитные, подаваемые царю, выражали политические акции не основной массы восставших, а отдельных групп дворян. Добавим к этому, что источники и литература XVII в., по вполне понятным причинам, уделяли особое внимание распрям и конфликтам в правительственных кругах. Это сказалось на целом ряде исследований.

Спор по вопросу о датировке начала восстания, давно идущий в историографии, объясняется крайним разнобоем сведений в источниках, особенно иностранных. Как правило, начало восстания в литературе датируется 1—3 июля. Но в отдельных источниках оно относится ко 2—10 июня, а разрядная книга начало движения датирует 25 мая.

Поскольку крестный ход в Сретенский монастырь обычно был 23 июня, ряд исследователей (Н. М. Карамзин, К. Н. Бестужев-Рюмин) принимал эту дату за начало восстания. А. Олеарий датировал начало восстания 6 июля. В «Летописи о многих мятежах» записана другая дата — 2 июня. Эта дата подтверждается официальной грамотой о пожаре в Москве 3 июля.

С. Ф. Платонов считал, что все хронологические сомнения разрешает найденная им запись в Толстовском сборнике, начинающаяся словами: «156-го июня в 2 день праздновали Сретению чудотворных иконы Владимирския, потому, что было майя 21 число царя Константина и матери его Елены в самый праздник в Троицын день. А государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Руси был в те поры у праздника у живоначальные Троицы в Сергиеве монастыре и с царицею, а без себя государь праздновати Владимирской иконе не велел, а от Троицы государь пошел июня в 1 день. И на праздник Стречения чудотворных иконы Владимирские

было смятение в мире...»³⁰ Июнь называет и «Летописец от Адама». О событиях 3—4 июня узнаем и из донесений А. Лазарева из села Коломенского, опубликованных в «Донских делах». В челобитной дьяка Д. Дерябина сообщается о движении холопов, которые грабили дворы своих угнетателей «июня в 5 день, после пожару»³¹.

Сопоставление сведений всех источников позволяет не сомневаться в том, что московские события начались в первых числах июня.

Л. В. Черепнин предложил разделить восстание на 4 этапа: I — с 1 по 10 июня, когда основную силу составляли низшие посадские люди, наймиты, стрельцы; II — с 10 по 16 июня автор считает успокоением Москвы и перенесением эпицентра восстания на периферию; III — с 16 июня по 1 сентября — расширение социальной базы восстания за счет участия холопов и отчасти крестьян. Автор указывал, что выборы на Земский собор происходили в обстановке острой классовой борьбы. Наконец, последний, четвертый этап длился с 1 сентября и до принятия Уложения в феврале 1649 г.³²

Восстание в Москве с первого же дня приняло глубоко драматический характер. Это было связано с тем, что Москва была экономическим и административным центром страны. То, что действия восставших были направлены против центрального правительства, имело особый политический смысл. Немаловажную роль играла и борьба за власть придворных групп. Хотя мы и не склонны преувеличивать ее влияние на ход событий, не учитывать этого обстоятельства нельзя³³. Значительную часть восставших составляли съехавшиеся сюда из других мест челобитчики. Таким образом, в движении вылились чаяния не только самих москвичей, но и пред-

³⁰ Платонов С. Ф. Московские волнения 1648 г. — В кн.: Статьи по русской истории. СПб., 1912, с. 69.

³¹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 278, л. 226.

³² Эти соображения изложены в статье Л. В. Черепнина во французском журнале «Anciens pays et Assemblées b'Etats», 1962, XXIV p. 132 и след.

³³ См. Павленко Н. И. Об оценке стрелецкого восстания 1682 г. (по поводу монографии В. И. Буганова «Московские восстания конца XVII в.»). — «История СССР», 1971, № 3, с. 77—94; Буганов В. И. Об оценке Московского восстания 1682 г. (по поводу рецензии Н. И. Павленко). — «История СССР», 1973, № 2, с. 236—244.

ставителей периферии, что придало ему более широкий размах. Брожение в стране началось задолго до восстания в столице, которое стало кульминационным пунктом новой волны классовых битв в России середины XVII в. Все это не могло не наложить отпечаток на ход московского восстания.

Когда 17 мая царский поезд, нагруженный платьем и едой, отбыл в Троице-Сергиевскую лавру, казалось, ничто не предвещало грядущей бури. Однако 1 июня, как только возвращающийся кортеж въехал в город, его обступила толпа и с воплями и стенаниями обратилась к царю с жалобами на насилие начальника Земского приказа Л. С. Плещеева. А. Оленин сообщает: «При этом собрались жаловаться на несправедливости Левонтия Степановича Плещеева и ежедневно совершавшиеся им дурные поступки и просить, чтобы он был смещен, а на его место посажен честный человек»³⁴. Поскольку 1 июня толпа обратилась к царю с жалобами именно на московского «бургомистра», как иностранцы называли Л. С. Плещеева, есть основание полагать, что в толпе челобитчиков преобладали черные люди, поскольку Плещеев управлял Земским приказом, ведавшим московскими слободами и сотнями.

После того как царская карета проследовала дальше, челобитчики предприняли попытку подать челобитье царице. Охрана (Поммеренинг определенно называет стрельцов) грубо разогнала стоявших поблизости людей, а наиболее настойчивых скрутила и отправила в застенок Константино-Еленинской башни³⁵. К сожалению, имена 16 арестованных установить не удалось. Возмущенный народ от мирного и просительного тона перешел к ожесточенному, в свиту придворных полетели камни. Пожарский и другие бояре получили ранения³⁶.

О требованиях восставших (кроме отставки Плещеева) в этот начальный момент судить трудно, поскольку до нас не дошел текст челобитных царю и царице. Народ знал, что 2 июня, в пятницу, состоится крестный ход с Владимирской иконой в Сретенский монастырь³⁷ и, видимо, отложил подачу прошения на следующий день. Следовательно, 1 июня было началом восстания.

Подробнее всего события второго дня восстания изложены

³⁴ Городские восстания., с. 65—66.

³⁵ См. Городские восстания., с. 35.

³⁶ См. там же, с. 53.

³⁷ ПСРЛ, т. 6, с. 254; Платонов С. Ф. Указ. соч., с. 69.

в «Анонимном шведском сочинении о восстании в Москве в 1648 г.»³⁸.

Когда царь в сопровождении придворных вышел из дворца, толпа обратилась к нему с жалобами. Он спросил челобитые, но его не оказалось, так как то, которое подготовили накануне, очевидно, пропало во время столкновений 1 июня. Народ просил выпустить арестованных. Царь обратился к Морозову за разъяснениями и пообещал, что, вернувшись из Сретенского монастыря, выслушает народ.

Новая волна людей встретила царский кортеж за воротами Кремля. Их просьбы сводились к смене Плещеева, олицетворявшего все приказные вымогательства. Пока шло богослужение, толпы людей сходились на Пожар (ныне Красная площадь), и когда крестный ход во главе с царем возвращался во дворец, за ним ворвалось в Кремль несколько тысяч человек, но и здесь челобитной подаю не было. Пришедшие «неотступно и с громкими криками требовали окончательного решения их желаний и высказанных жалоб»³⁹.

Таким образом, дата подачи челобитной 2 июня, как об этом пишет Поммеренинг, не подтверждается русскими источниками.

В «Архивском сборнике» о тех, кто обратился к царю, сообщается следующее: «И как государь пошел от праздника и за ним, государем, пришли на его государев двор всяких чинов посадские люди и всех приказов стрельцы с большим невежеством»⁴⁰. Из этого следует, что к царю обратились посадские люди, к ним, на второй же день, примкнули стрельцы, решительно отказавшиеся теперь разгонять пришедших из Кремля. Никаких намеков на участие дворян источники не дают.

В тот же день на переговоры к восставшим вышли придворные. Как свидетельствуют русские источники, это были князь М. М. Темкин-Ростовский, окольный Б. И. Пушкин (ведаль Разбойным приказом), думный дьяк Михаил Волошеников (служил в Новгородской чети). В «Летописном сборнике в трех книгах», являющемся списком пространной редакции Никоновского свода 1652 г., и в «Летописце от Адама и до нынешних времен о великой России» говорится о том, что

³⁸ См. Городские восстания..., с. 53—54.

³⁹ Городские восстания..., с. 54.

⁴⁰ Буганов В. И. Описание московского восстания 1648 г. в «Архивском сборнике». — «Исторический архив», 1957, № 4, с. 228 (далее — Описание московского восстания...).

восставшие задержали М. М. Темкина-Ростовского и Ф. Ф. Волконского (очевидно, в качестве заложников), которых «чернь к себе поимаша»⁴¹. То же сообщает и шведский аноним⁴². Но так как оба упомянутых лица фигурируют позже в других источниках, есть основание считать, что они остались живы⁴³. Очевидно, переговоры придворных с восставшими велись несколько раз, при этом некоторых оставили заложниками до выдачи требуемых лиц.

Стрельцы должны были схватить наиболее ретивых челобитчиков, но, как сообщается в «Архивском сборнике», «стрельцы учинились непослушны и были с ними заодно», бояр «обесчестили и платья на них ободрали, одва оне ушли в Верх к великому государю»⁴⁴. А тем временем к посадским и стрельцам присоединились холопы. Задолго до восстания беглые собирались под мостом через реку Неглинку⁴⁵. Поэтому мнению историков, базирующееся на известии Поммеринга о выступлении холопов лишь 27 июня, должно быть пересмотрено.

В этот день и на следующий восставшие произвели массовый погром дворов бояр, московских дворян, дьяков, приказных людей. Источники называют различное количество разгромленных и сгоревших дворов: «Анонимное шведское сочинение...» — 70 дворов, «Псковская летопись» — 40, «Лейденская брошюра...» — 36, «Архивский сборник» — 19 дворов⁴⁶. Но если источники разноречиво определяют цифры разгромленных дворов, то они единодушно оценивают социальную принадлежность их владельцев: «Разграбили многие боярские дворы, и окольных, и дворянские, и гостиные», — говорится в Новом летописце по списку Оболенского. В Псковской летописи отмечается, что «в субботу грабили боярские дворы», перечисляются их владельцы и добавляется: «... и всяких дворян грабили с сорок и больше»⁴⁷. В «Летописце от Адама...» говорится, что «грабили боярские, дворянские и дьячьи дворы»⁴⁸.

⁴¹ ЦГАДА, ф. 181, кн. 94/123—124, т. II, л. 95; ГИМ, собрание Уварова, кн. 670, л. 312 об.

⁴² См. Городские восстания..., с. 54.

⁴³ ЦГАДА, ф. Оружейной палаты, оп. 4, д. 3825, л. 1; Голицын Н. Н. Указатель к дворцовым Разрядам. СПб, 1911, с. 251; ГИМ, собрание Уварова, кн. 670, лл. 312 об. — 313 об.

⁴⁴ Буганов В. И. Описание московского восстания..., с. 228.

⁴⁵ ЦГАДА, Сибирский приказ, д. 278, л. 226.

⁴⁶ См. Городские восстания..., с. 51, 52, 76; Буганов В. И. Описание московского восстания..., с. 228—229.

⁴⁷ Городские восстания..., с. 76—77.

⁴⁸ ГИМ, собрание Уварова, кн. 670, л. 281.

«Лейденская брошюра...» также сообщает, что 3 июня с раннего утра восставшие «принялись разорять и грабить дворы многих других знатных господ и русских торговых людей»⁴⁹.

Таким образом, и иностранные и отечественные источники единодушно признают, что разгрому подверглись дворы бояр, дворян, крупных купцов и приказных служащих — дьяков, подьячих и т. д. Учитывая это, говорить о вооруженном антиправительственном выступлении дворян в начале июня нет никаких оснований⁵⁰.

Гнев народа обратился прежде всего против членов правительственной группы. Двор всеильного восставших — начальника Приказа большой казны, Стрелецкого и Аптекарского приказов Б. И. Морозова, находившийся в Кремле, был разгромлен. «Лейденская брошюра...» подчеркивает, что восставшие не брали драгоценности, а уничтожали их: «...различные найденные ими драгоценные вещи они порубили в куски топорами и саблями; все золотые и серебряные изделия расплющили, драгоценный жемчуг и другие камни истолкли в порошок, потоптали ногами, пошвыряли за окно, не позволяя никому что-либо унести с собою, крича во все горло: «То наша кровь»⁵¹. Любопытно, что прекрасная библиотека печатных книг боярина сохранилась в фонде Аптекарского приказа⁵². А. Олсарий также подчеркивает бескорыстность восставших: «...они взламывали сундуки и лары и бросали в окошко, при этом драгоценные одеяния, которые в них находились, разрывались на клочки, деньги и другая домашняя утварь выбрасывалась на улицу, чтобы показать, что не так влечет их добыча, как мщение врагу»⁵³.

Во время разгрома морозовских хором было убито несколько особо ретивых защитников хозяйского добра. В их числе оказался дворецкий Морозова Моисей Рылеев. Шведский аноним замечает: «Об этом Мосее шла молва, будто он был большой волшебник» и предсказывал наступившие события. В «Лейденской брошюре...» говорится, что он «предлагал за свою жизнь» 3 тысячи рублей (или 15 тысяч гульденов)⁵⁴.

⁴⁹ Городские восстания... с. 61.

⁵⁰ См. Сперанский А. Н. К вопросу о сущности и характере Псковского восстания 1650 г. — «Историк-марксист», кн. 5, 1936, с. 126 и след.

⁵¹ Городские восстания... с. 60.

⁵² Ныне хранится в отделе рукописей БАН в Ленинграде. За сообщением благодарю А. И. Копанева.

⁵³ Городские восстания... с. 55.

⁵⁴ Там же, с. 58.

Деньги эти были нажиты, очевидно, не всегда честным путем. Так, сын боярский А. Покушелов заявил в Карпове в 1648 г., что стрелецкий и казачий голова Я. Свистунов получил этот пост от «вора» — человека Б. И. Морозова Моисея Рылеева за взятку в 15 руб.⁵⁵ Неудивительно, что приближенный к Морозову корыстолюбец получил возмездие.

Сосуды, клочки парчи «золотного» платья Морозова участники и свидетели восстания развозили затем по всей России как доказательство того, что в Москве бьют бояр и дьяков. Вещи Морозова были обнаружены позже в г. Бобрике, Воронеж, в различных селах и деревнях⁵⁶.

Сам Морозов пытался бежать, но был задержан в Дорогомилове и скрывался в царских хоробах. Жену его восставшие не тронули, она спаслась только благодаря своему родству с царицей (родная сестра).

Такой же участи подвергся двор начальника Пушкарского приказа П. Т. Траханиотова, спешно ускакавшего в Троице-Сергиевский монастырь, везя предписание быть воеводой в Устюжне Железопольской.

Не столь предприимчивым оказался начальник Посольского приказа, бывший ярославский купец Н. И. Чистый, которому, как полагают, принадлежала инициатива введения соляного налога. О беззащитной алчности Чистого составили свидетельства иностранцы, с которых он брал взятки деньгами и драгоценностями⁵⁷. Незадолго до восстания он повредил ногу и находился в своем богатом доме в Белом городе. Услышав о волнениях на площади, он забрался в кучу веников, но был выдан своим холопом и изрублен. Ненависть восставших к «канцлеру» была столь велика, что члены семьи два дня не решались убрать его тело, брошенное во дворе на кучу навоза⁵⁸.

В доме Чистого нашли много золота и денег, взяли подголовец (ларь для ценностей), где якобы он держал царскую печать, хотя место ее хранения было в Кремле⁵⁹. Одновременно был разгромлен двор начальника Земского приказа Л. С. Плещеева. Самому хозяину удалось скрыться в Кремле.

⁵⁵ ЦГАДА, Разряд, Московский ст., стб. 226, ч. 1, л. 14.

⁵⁶ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 316, л. 11.

⁵⁷ См. Ловягин А. Предисловие к «Описанию путешествия в Московию А. Олеария». СПб., 1906.

⁵⁸ Городские восстания..., с. 56, 60—61.

⁵⁹ ЦГАДА, ПДСЛ, 1647, д. 81, л. 36; Бахрушин С. В. Московское восстание..., с. 79.

3 июня восстание вспыхнуло с новой силой. Духовенство стремилось утихомирить восставших. На Лобное место с Владимирской иконой вышли патриарх Иосиф, митрополит Сарский и Подонский Серапион, Суздальский архиепископ Серапион, архимандриты, игумены и «весь чин священный», как говорится в Толстовском сборнике⁶⁰. По другим источникам. переговоры с заполонившим кремлевскую площадь народом вел благовещенский протопоп, царский духовник Стефан Воинфатьев. О содержании бесед духовенства с народом нам неизвестно. Но эти факты, очевидно, послужили предлогом для составления знаменитой «Речи калугера (монаха)», опубликованной в парижской «La Gazette» в 1648 г.⁶¹

С народом вела переговоры и делегация бояр, часть которых были противниками Б. И. Морозова: Н. И. Романов, Я. К. Черкасский, дворецкий А. М. Львов, М. П. Пронский, В. И. Стрешнев, окольный Д. П. Львов, И. А. Хилков, Б. И. Пушкин, Ф. Ф. Волконский, казначей Б. М. Дубровский, а также думные дьяки И. Гавренев, Ф. Елизаров, Л. Лопухин.

В связи с этим большой интерес представляют вставки в расширенный текст «Лейденской брошюры...», опубликованной в Амстердаме Босом в 1650 г. В одной из них сообщается, что Н. И. Романов находился в опале и жил в имении, так как не допустил женитьбы Морозова на своей сестре — вдове князя А. И. Воротынского. В другой подробно рассказано о миссии Н. И. Романова в момент восстания. Текст третьей приведем полностью: «В это время в город прибыл Никита Иванович Романов, переговорил с некоторыми из своих слуг, и хотя царь многократно приглашал его, отказался к нему явиться, говоря, что если царь в мирное время мог править без него, то и теперь, во время мятежа, может использовать тех советников, которыми он обходился в спокойное время. Но будучи господином большого мужества и побуждаемый любовью к отечеству, он пренебрег прежними обидами, неуважением и злоключениями; он теперь принял все меры и пренебрег всеми опасностями, чтобы утихомирить разбушевавшуюся толпу; он въехал прямо в середину бесновавшейся толпы, к чему не проявлял склонности ни один из господ. Народ, увидев его, собрался вокруг него, ликуя, склонился перед ним и закричал единодушно: «Он должен нами управ-

⁶⁰ См. Платонов С. Ф. Указ. соч., с. 70—71.

⁶¹ См. «Сын Отечества и Северный Архив», т. II, раз. III. СПб., 1838, с. 31.

лять вместе с царем и получить должности и чины, которыми облечен Морозов, мы требуем его и никого другого, и пусть он добьется, чтобы Морозов был им выдан, а они ему помогут...» Но он искусно вел спор и добился того, наконец, что народ согласился оставить Морозова в живых, но он должен быть сослан в монастырь, пострижен в монахи и [не?] должен больше возвращаться в Москву, а тем более к управлению государственными делами»⁶².

Из этого отрывка следует, что противник Б. И. Морозова Н. И. Романов стремился утихомирить и успокоить восставших, которые заявляли ему с угрозами: «И покаместь его, великого государя, о том указ к нам будет, и они из города из Кремля вон не пойдут, и будет междуусобная брань и кровь большая з бояры и со всяких чинов людми у них, у всяких людей и у всей черни и у всего народу»⁶³.

Посоветовавшись со Стефаном Вонифатьевым, думным дворянином П. К. Елизаровым и дьяком Дементием Башмаковым, царь решил «всему народу выдать головою» Плещеева. Когда в сопровождении палача его вывели из Кремля, народ его растерзал и бросил на площади.

Восстание нарастало с каждым днем. И 3 и 4 июня продолжался разгром дворов феодалов, но теперь громили дворы не только сторонников группы Морозова, но и его противников. Так, например, был разгромлен двор Н. И. Одоевского, отправленного Морозовым в Белгород воеводой и некоторое время отсутствовавшего в Москве. Кроме того, разгромлены были дворы Г. И. Морозова — брата временщика, М. М. Темкина-Ростовского, А. М. Львова-Ярославского — управляющего приказами Большого дворца, дворцовым, судным, сытным, хлебным и житным дворами⁶⁴. Той же участи подвергся двор ведавшего Оружейной палатой Г. Г. Пушкина. Поммеренинг позже сообщал, что «мушкетный завод в запустении, железный завод в Туле тоже некоторое время стоит без дела...»⁶⁵

Характерно, что ни в «Архивском сборнике», ни в московских летописных сводах среди разгромленных дворов не названы усадьбы владельцев белых слобод Я. К. Черкасского и брата царя Н. И. Романова. Ни в одном источнике не упоминается и о разгроме богатых подмосковных монастырей, также имевших обширные белые слободки. Это свидетельствует о

⁶² L. v. d. Vos. Указ. соч., с. 702—704.

⁶³ Буганов В. И. Указ. соч., с. 229.

⁶⁴ См. Смирнов П. П. Посадские люди., т. II, с. 25.

⁶⁵ Городские восстания., с. 37.

том, что восставшие видели своих главных врагов не в беломестцах, а в стоявшей у власти боярской знати. Наряду с боярскими разгрому подвергались дворы московских дворян. В «Архивском сборнике» сообщается о разгроме дворов 40 дворян, в том числе О. Ф. Болтина, В. И. Толстого, Г. И. Неронова, воеводы г. Козлова Р. Ф. Боборыкина и других⁶⁶. Как свидетельствуют «скаски» жильцов, от возникшего затем пожара особенно пострадали именно дворянские кварталы города.

Были разгромлены дворы М. К. Грязева, В. Неферьева и других приказных дьяков. В разгроме дома дьяка Разрядного приказа Григория Ларионова участвовали служилые люди, приехавшие из южных городов. В их числе был, например, полковой казак Герасим Кривушин, поднявший впоследствии восстание в Воронеже⁶⁷. Более того, во время разгрома двора Г. Ларионова пострадало имущество и его постояльца — дворянина П. Протасьева. Дьяк приказов Большого дворца, судного, сытного, хлебного и житного дворов Д. Дербин жаловался, что к нему, его брату Аннкею и подьячему приказа Большого дворца Игнатию Юрьеву неоднократно приходил его беглый холоп Степан Аникеев по прозвищу Утка: «И в нынешнее де в смутные время тот Стенька с товарищами своими, с воровскими людьми, приходил... и дворы их разграбили и зажегил тот Стенька Давыдов двор не по одно время»⁶⁸. Этот факт красноречиво говорит о непосредственном участии холопов в восстании и их отношении к приказным людям.

Гнев восставших был направлен не только против бояр и дворян, но и против приказной бюрократии, а также против гостей. Двор богатого гостя Василия Шорина был разгромлен на другой же день — 2 июня. Новгородская летопись сообщает: «Того же времени, совокупишася злый род, восста бо черьна честных мужей богатых, паче же на госта Василия Шорина — хотели убить за то, что он, будто уставлял соль дорого продавал, и, пришед в дом его, дерзновенно поступили»⁶⁹. Далее повествуется о его бегстве в казенной телеге из мятежной

⁶⁶ См. Буганов В. И. Указ. соч., с. 229.

⁶⁷ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 167, ч. 1, лл. 40—42. Этот факт совершенно не доказывает участия в восстании дворян, как считает Н. В. Устюгов (см. его редакторские примечания к «Научным трудам» С. В. Бахрушина, т. II, с. 98); ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 283, л. 272.

⁶⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 278, л. 226.

⁶⁹ ГИМ. Музейное собрание, д. 1841, л. 164—164 об.

столицы и о разгроме его пожитков. В доме Шорина будто бы было найдено много чеканов (денег).

Новгородская III летопись перечисляет, кроме того, имена Задорина и Афанасия Федотова-Гусельникова⁷⁰. Двор Семена Задорина был разгромлен и во время «медного бунта» в 1662 г. Афанасий Федотов-Гусельников, происходивший из черносошных крестьян Устюжского уезда, вел торговые операции в Сибири⁷¹.

Говоря о гибели имущества крупных гостей, летопись впечатляюще рисует картину разгрома и более мелких купцов, «мужей богатых»: «Они же, воры, по торгам, и по кресцам товары громили и всякий харч насильством отнимали»⁷². Разгром лавочных помещений происходил и во время восстаний в других городах. Таким образом, эти действия являются ярким проявлением внутрисадовской борьбы с привилегированными торговыми людьми.

Во время разгрома дворов знати народ уничтожал не только материальные ценности, но и крепостные документы. Так было, например, на дворе дьяка Григория Ларионова. Восставшим попался на глаза сундучок, в котором лежали жалованные грамоты дворянина Петра Протасьева (поместные и вотчинные акты, купчие и закладные, дворовые купчие и людские крепости на крестьян), одним словом, документы «в земельных делах, в людех и во крестьянех», а также различные письменные сделки. «И в прошлом, государь, во 156 году, — сообщает Протасьев, — на Москве в смутное время, как грабили бояр, и окольных, и дьяков дворы, а у дьяка Григория Ларионова дом разграбили и животишка мой все и письма передрали и перемочили и ваш государевы печат у грамот перепортили». Владелец просил восстановить свой архив через судный, холопий приказ и патриарший двор с тем, чтобы «на поместишка и на вотчиннишка мои з дач, и с писцовых книг дали твои государевы грамоты, а на людишек моих крепости и на записи, государь, и на иные зделошные крепости, которых нет в лицах, вели челобитье и явки мои записать»⁷³.

⁷⁰ См. там же. В. И. Буганов считает, что в этом источнике спутаны события двух московских восстаний — 1648 и 1662 гг. (Буганов В. И. Московское восстание 1662 г. М., 1964, с. 6).

⁷¹ Его брат Василий уже с 1630 г. был в гостинной сотне, а в 1648—1649 гг. был гостем и собирал пошлину в Архангельске. Возможно, летопись спутала двух братьев, так как в Сибири ходили слухи о разгроме имущества именно Василия.

⁷² ГБЛ, Музейное собр., д. 1841, л. 164 об.

⁷³ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб., 283, л. 272.

Имеются и другие свидетельства об уничтожении крепостных актов. Так, А. М. Львов-Ярославский обратился впоследствии в Посольский приказ с просьбой получить «с черных грамот» копии, так как «в нынешнее де смутное время разграбили у него двор, животы и прежних государей... жалованные грамоты и вотчинные и люцкие крепости поимали все без остатку»⁷⁴. Во время разгрома двора Морозова «грамоты купчие с иными его крепостями в то время пропали» (43 купчие и 4 послушные грамоты были выданы ему вновь 25 сентября)⁷⁵.

По сообщению французской «La Gazette», один монах утверждал, что восставшие якобы осквернили «места и особ священных» (это было опубликовано в 1648 г., следовательно, до того, как был избит в Новгороде в 1650 г. митрополит Никон). В другом месте говорится о том, что восставшие «перешли пределы уважения к святости мест»⁷⁶. Эти неясные намеки, может, и свидетельствуют об отдельных случаях ограбления богатых церквей, но в общем имущество духовенства, по видимому, существенно не пострадало.

После казни Плещеева 3 июня в 2 часа дня в Москве в четырех местах начались пожары и за какие-нибудь несколько часов большая ее часть сгорела. Иностранцы виновниками пожара считают сторонников Б. И. Морозова. Поммеренинг и Олеарий пишут, что город был подожжен «слугами Морозова». В записках казимирского мещанина М. Голинского, кроме того, говорится: «Зажечь город приказал сам царь, который хотел этим справиться с волнениями»⁷⁷. Но нам кажется, дело обстояло несколько сложнее. Выгорел Белый город, в пределах которого жили в основном бояре, дворяне и крупные купцы. Вот как описывает население Белого города А. Олеарий: «Здесь живет много вельмож и московских князей, детей боярских, знатных граждан и купцы, которые во временам уезжают на торг в стране»⁷⁸. Огонь уничтожил

⁷⁴ Смирнов П. П. Посадские люди., т. II, с. 170, примечание 2 (ПДСЛ, 1643, д. 81).

⁷⁵ Зерцалов А. Н. О мятежах в г. Москве и в селе Коломенском в 1648, 1662 и 1771 гг. — «Чтения ОИДР», 1890, кн. 3, отд. 1, с. 231.

⁷⁶ «Сын Отечества и Северный Архив», т. II, раз. III. СПб., 1838, с. 31—32.

⁷⁷ Цит. по кн.: Голобуцкий В. А. Дипломатическая история освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. Киев, 1962, с. 157.

⁷⁸ Олеарий А. Указ. соч., с. 154.

некоторые учреждения, житный двор. Но главным образом от згня пострадали дворянские районы города. Летописец сообщает: «Горело на Москве — Петровка и Дмитровка, Тверская и Никицкая, Арбат и Чертолье в городе и за городом по Тресвяцкие ворота и по Неглинку и погорели все дворы, и лавки, и церкви божие, и людей много пригорело за наше перед богом согрешение»⁷⁹.

Размеры бедствия в связи с пожаром 3 июня определить довольно трудно. Летописи называют от 4 до 10 тыс. сгоревших дворов, «La Gazette» сообщает, что в пепел было превращено 10 тысяч «чертогов» и 50 тысяч «хижин обывательских». Шведский аноним называет цифру — 24 тыс. домов⁸⁰. М. Голинский писал: «В столице сгорело 2000 домов думных бояр и немало народа, а также больше половины города»⁸¹. На житном дворе погибло много зерна. Сгорел арсенал Москвы — Пушечный двор. Голова московских пушкарей С. Ф. Шишкин успел снять «в смутное время» с ворот глухих башен Белого города 19 медных пищалей и спасти их от пожара⁸².

Пожар спалил хоромы боярина Н. И. Романова, который потерял, по свидетельству Поммеренинга и расширенной редакции «Лейденской брошюры...», имущество ценностью «во много бочек золота». Убытки «самого богатого купца», очевидно Шорина, доходили до 150 тыс. руб.⁸³.

Но особенно много сгорело дворянских дворов. В течение нескольких месяцев поступали челобитные от московских служилых людей с жалобами на «пожарное разорение». С такой жалобой обратились к царю Матвей и Иван Кравковы, жившие на Петровке во дворе Федора Плещеева. В Чертолье сгорело имущество жильцов Григория и Гаврилы Башмаковых. За Чертольем «в смутное время черных людей» выгорел дотла двор дворян Голодецких. 3 июня сгорело имущество А. А. Таркова. Пострадали дворы жильцов И. В. Яковлева, В. А. и С. А. Малышкиных, И. П. Полтева, Ф. А. Карпова, П. Голенищева, П. Готовцева и др.⁸⁴

⁷⁹ ГБЛ, ф. 173, фонд. 201, л. 292; ЦГАДА, ф. 181, кн. 1147, л. 35, об. 70.

⁸⁰ ГБЛ, ф. Ундольского, кн. 611, л. 33, об. 34; «Сын отечества...», т. II, 1838, с. 29—34; Городские восстания..., с. 37.

⁸¹ Цит. по кн.: Голобуцкий В. А. Указ. соч., с. 133.

⁸² См. Городские восстания..., с. 37; ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 272, лл. 73—77.

⁸³ Городские восстания..., с. 37.

⁸⁴ ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 261, лл. 333—342.

Массовые жалобы жильцов на гибель дворов и имущества во время восстания, во-первых, свидетельствуют о том, что дворяне оказались пострадавшей стороной; во-вторых, это косвенное доказательство того, что поджигали их дворы не только сторонники Морозова, но и восставшие. В то время, когда Морозов скрывался в царском дворце, а репрессии против преданных ему лиц начались 2 июня, едва ли он мог практически руководить поджигателями. Вернее всего, разгром дворов сопровождался пожарами. Не исключено, конечно, что пожары начались с ведома влиятельных лиц, пытавшихся отвлечь народ от местн. Огонь не пощадил шведское и голландское посольства. В отчете голландского резидента Конрада Бурга говорится, что он едва успел упрятать привезенные подарки в подвалы, что «в других частях города поймано и убито было много зажигателей, которые все почти были наущены боярами зажигать город для того, чтобы народ, будучи занят спасением своего имущества, перестал бунтовать». Во всяком случае, затруднения правительства в данной ситуации были настолько велики, что на обращение Бурга о предоставлении ему новой резиденции взамен сгоревшей ответили, что «его просят потерпеть немного из уважения к трудным обстоятельствам»⁸⁵.

Шведский аноним сообщает, что иностранцы с трудом отставали свой квартал от пожара и даже «схватили несколько негодяев-поджигателей». Среди задохнувшихся в дыму он упоминает «работников и служанок»⁸⁶. Это еще раз свидетельствует о том, что пострадал аристократический район Москвы.

В донесениях Поммеренинга говорится, что 3 июня «многие скопщики и зажигальщики» подожгли дом шведского резидента, а пока шведы отставали ворота, загорелась конюшня. Резидент просил московские власти восстановить его двор и впредь оберегать его «от страха и насилия». Убытки, понесенные шведским посольством, исчислялись в 1600 руб. Посланный позже толмач установил, что дом сгорел, но имущество не пропало⁸⁷.

В обнаруженном нами «Списке стольников и стряпчих.., которым быть в Москве с 1 октября по 1 января 1648 г.», про-

⁸⁵ ЛОИИ СССР. Донесения голландских резидентов. колл. 40. л. № 99. Отчеты Бурга за 1630—1631 и 1647—1648 гг., лл. 287—289.

⁸⁶ Городеские восстания.., с. 62.

⁸⁷ См. Якубов К. Россия и Швеция в первой половине XVII в. М., 1897, с. 394—395. По-видимому, посольство находилось в Шведском тупике (теперь ул. Станиславского).

тив 39 фамилий стоит слово «погорел». Так как в подобном же «Списке», относящемся к периоду с 1 января по 1 апреля 1649 г., таких пометок нет, ясно, что столь массовое «погорение» связано именно с июньским пожаром 1648 года. Согласно «Списку» сгорели дворы стольников кн. Б. И. Троекурова, кн. И. С. и П. С. Прозоровских, кн. И. И. Лобанова, кн. В. А. Горчакова, кн. Ф. В. Волконского, кн. А. М. Жирового-Засекина, А. А. Плещеева, А. С. Волинского, И. М. Толочанова, Н. П. Воейкова, И. Ф. Пушкина, М. Л. Кологривова, И. А. и М. А. Вельяминовых, И. Меньшого, Ф. Голенищева-Кутузова, Д. В. Давыдова, К. О. Хлопова и 21 стряпчего⁸⁸. Думается, что этот перечень пострадавших от пожара лиц не является случайным — уничтожены дворы крупных бояр, князей и приказных людей.

Следует отметить, что найденным нами «Списком» перечень погоревших дворов знати не ограничивался. То, что от пожара пострадали главным образом дворянские кварталы города, подтверждается и тем, что на Земском дворе была составлена другая «Роспись», в которой также перечислены фамилии лиц, чьи дворы сгорели. На этот документ ссылается кн. И. А. Дашков: «В смутное время до конца здесь на Москве дворышко мой згорел без остатку». В справке, выданной дьяком П. Михайловым, засвидетельствовано, что «Княж Иванов двор Дашкова в прошлом, в 156 году июля (вероятнее, июня. — Е. Ч.) в третий день згорел»⁸⁹.

О том, что поджигателями были не только люди Морозова, но и сами восставшие, свидетельствуют и отрывки следственных дел, дошедшие в составе материалов Сибирского приказа. Так, об упомянутом выше холопе Степане Аникееве говорится, что он и его товарищи не только «разграбили» дворы дьяков и подьячих, но и зажигали... не по одно время»⁹⁰.

Ввиду того, что восстание не прекращалось и восставшие требовали выдать Траханиотова, спешно отправленного царем в Устюжну Железопольскую, 4 июня царь вынужден был отправить вдогонку за П. Т. Траханиотовым отряд под командованием окольных чьего кн. Пожарского и 100 стрель-

⁸⁸ ЦГАДА, ф. Оружейной палаты, оп. 4, л. 3980, лл. 1—11 и след.

⁸⁹ Там же, оп. 37, д. 53090, лл. 24—24 об. В вышеуказанном «Списке» нет фамилии И. А. Дашкова; очевидно, «Роспись» не соответствовала «Списку».

⁹⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 278, л. 226.

цов со стрелецким головой⁹¹. Траханиотов был достигнут на стане близости от Тронце-Сергиевской лавры. Известно, что Траханиотов был сторонником секуляризаторских мер правительства. В «Книге о чудесах протопопа Сергия» Симон Азарын обвиняет его в посягательстве на духовные вотчины и крестьян. Азарын далее сообщает, что когда «в Московском государстве черные люди, яко без ума возматяшися и взволновавшися, пограбили дома многих бояр...», Траханиотов бежал ярославской дорогой, но был пойман и приведен в монастырь. Здесь он каялся перед монастырскими властями и умоляя их не выдавать его, но духовенство отказалось вступиться за него не только из-за полученных от него обид, но и «страха ради належашего, иже на Москве». Келарь ограничился тем, что дал ему для исповеди (в Троицкой лавре) и причащения (в Ростокино) духовника Авраамия⁹². Связанного Траханиотова в телеге Пожарский привез на Земский двор, затем его препроводили во дворец и отдали под охрану сокольникам во главе с дьяком Д. М. Башмаковым. В понедельник, 5 июня, утром после повторных переговоров восставших с делегацией придворных П. Т. Траханиотов был казнен⁹³.

Этим событием, по мнению П. П. Смирнова, закончился первый этап восстания. В действительности же оно продолжалось. Так, жилец Я. Н. Кондыров жаловался, что в девятую пятницу 1648 г. его «двор с деревнишки выжег лихой человек». Жильцы, жившие при дворце «без выезду» с Петрова дня (29/VI) по Покров день (14/X), потеряли дворы, служилое обмундирование, продовольственные запасы. Именно 5 июня холопы громили дьячьи дворы⁹⁴. Несмотря на получение двойного жалованья, не успокоились и стрельцы, они продолжали волноваться до января включительно.

Не довольствуясь расправой над тремя временщиками, восставшие требовали выдачи главного — Б. И. Морозова. Как указывалось выше, он попытался скрыться из мятежного города, но был опознан ямщиками в Дорогомиловской слободе, где его чуть было не убили⁹⁵. С тех пор он не выходил из покоев царя в Кремлевском дворце. Царская семья принимала

⁹¹ См. Буганов В. И. Указ. соч., с. 229.

⁹² См. «Памятники древней письменности», т. LXX. СПб., 1883, с. 124—125.

⁹³ См. Городские восстания..., с. 75.

⁹⁴ ЦГАДА, ф. Оружейной палаты, д. 4019, л. 70; Разряд, Приказной ст., стб. 261, л. 332; Сибирский приказ, стб. 278, л. 226.

⁹⁵ См. Буганов В. И. Указ. соч., с. 230.

все меры к спасению Морозова. Почти во всех документах говорится о непосредственных переговорах самого царя с представителями восставших. Некоторые источники указывают, что царь выходил на площадь и целовал крест, «что он сошлет Морозова на крайний рубеж государства, на вечную опалу, или велит удалить его в монастырь и постричь там в монахи»⁹⁶. По сведениям Толстовского сборника, договорились на том, что «впредь ему, Борису, на Москве не бывать и всему роду его — Морозовым нигде в приказах, у государевых дел, ни на воеводствах не бывать...»⁹⁷.

В дальнейшем верхушка торговых людей и бывшие в Москве городовые дети боярские, очевидно, не желая дальнейшего развития восстания, взяли инициативу в переговорах с царем в свои руки. 10 июня ими была подана челобитная с требованием упорядочить судопроизводство и созвать Земский собор для выработки Уложения. Текст этой челобитной на шведском языке приложил к своим донесениям от 6 июня Поммеренинг, приписав ее «всему народу» и ошибочно датировав 2 июня.

Челобитчики называют себя «колопами и сиротами», «народом христианским» и присваивают себе право говорить от «всенародного множества московского государства», от «всего мира». Эти расплывчатые определения отнюдь не дают основания считать, что речь идет именно о «служилых и черных людях». Безусловно, среди составителей челобитной были и немосквичи: «И против сего челобитья про всемирный плач сказка: слышит народ в разговоре, что думные и недумные дьяки уклонились на мзду и на лукавство: никою — никуда на приказ даром не отпустят и никому никакого государева жалования даром не дадут, все продают большими ценами. И в городе от приказных тех людей мир погиб и ныне погибают, а всему великому мздоманию Москва — корень. На Москве продадут власть, а мирским людем от приказных людей чинится напасть»⁹⁸. И далее: «И слышим во всем народе станание и вопль от сильных неправды и от земских воевод во градах, а в Москве от дьяков»⁹⁹.

Таким образом, в челобитной явно чувствуется стремление обвинить московских приказных людей во всех беспорядках, которые творятся «во градах». Авторы обеспокоены тем, что

⁹⁶ Городские восстания..., с. 62.

⁹⁷ Платонов С. Ф. Указ. соч., с. 69—74.

⁹⁸ Шахматов М. В. Указ соч., с. 4, 18.

⁹⁹ Там же, с. 20.

«государя со всей землей сарывают» (ссорят) и тем, что повсюду «многое нестроение», «в царствующем твоем граде и в иных многих местах было многое огненное попадение» (пожары). Та же мысль в шведском переводе выражена так: «И вот весь народ во всем Московском государстве и его порубежных областях от такой неправды в шатость приходит, вследствие чего большая буря подымается в твоем стольном городе Москве и в иных многих местах, в городах и уездах»¹⁰⁰

Как практически реализовывались требования челобитной, раскрывает «память» князя Н. И. Одоевского «с товарищи» от 16 июля 1648 г. В ней говорится, что 10 июня подали царю челобитную «дворяне московские, и жильцы, и дворяне и дети боярские разных городов, и иноземцы, и гости, и гостиные и суконные и всяких разных сотен и слобод торговые люди, чтоб государь их пожаловал — велел учинить собор»¹⁰¹. Главным требованием они выдвигали созыв Земского собора и просили, чтобы на собор были созваны «из стольников, и из дворян московских, и из жильцов, и из городовых дворян и детей боярских выборным лутчим людем». Как видим, торговые люди здесь даже не упомянуты.

Однако в ходе подготовки к собору жизнь внесла свои поправки: пришлось пригласить и представителей торговых людей. «Память» разъясняет, о каких торговых людях шла речь: «...да на Соборе ж были гости, и гостиные и суконные и всяких разных сотен и слобод лутчие люди». Далее упорно подчеркивается: «всяких чинов торговые люди». Любопытно, что «память» ни разу не упомянула черных или посадских людей. Ясно, что оппозиционно настроенная часть мелкого дворянства (жильцы, дети боярские) привлекла к подписанию челобитных «лутчих» торговых людей, т. е. наиболее состоятельную часть посада.

Таким образом, есть все основания полагать, что челобитная, подлинник которой хранится в Эстонском госархиве в Тарту и которая в шведском переводе была переслана Поммерингом королеве Христине, была подана 10 июня. Данный документ уточняет и состав ее авторов: это дворяне всех рангов и посадская верхушка¹⁰².

Подача челобитной в условиях бушевавшего народного восстания не могла остаться без ответа. Поммеринг пишет,

¹⁰⁰ Городские восстания..., с. 48.

¹⁰¹ «Чтения ОИДР», 1913, кн. 4, отд. IV, с. 6.

¹⁰² См. Тихомиров М. Н. и Епифанов П. П. Указ. соч. с. 15—18.

что 11 июня большое число служилых людей было вызвано в Кремль, а утром 12 июня кортеж под охраной 400 человек сопроводил влиятельного «дядьку» Морозова в Кирилло-Белозерский монастырь. «Лейденская брошюра...» сообщает, что в охрану Морозова входило «150 детей боярских или придворных дворян и 150 стрелков или царских телохранителей и 100 старшин или сотников»¹⁰³. Среди детей боярских были провинциалы, в частности, вологжанин Нехорошев Черныцов и др.¹⁰⁴. Таким образом, дети боярские, видимо, довольствовались ссылкой Морозова и не требовали его выдачи.

На этом, по нашему мнению, заканчивается первый, наиболее острый период восстания. Но было ли это концом восстания вообще и можно ли ограничивать его рамки первой декадой июня? Даже в ходе заседаний Земского собора осенью 1649 г. и всю зиму вплоть до весны следовали массовые ссылки и время от времени — казни. Им не придавалось большой огласки. Иностранцы наблюдатели, очевидно, не могли проникнуть в тайны кремлевских застенков, но и они намекали на волнения, которые старательно пресекались правящими кругами.

С середины июня начинается второй этап восстания, который длился все лето вплоть до открытия Земского собора в сентябре 1648 г. Он характеризуется продолжающимися выступлениями холопов, стрельцов. Правительство стремилось погасить волнения как репрессиями, так и переговорами (16 июня, 16 июля). Смена правительства Морозова правительством Романова — Черкасского, создание комиссии для выработки Уложения позволили изменить обстановку и жестоко подавить первые волнения, перекинувшиеся летом 1648 г. на периферию.

Так, 27 июня 1648 г. в своей лавке были арестованы тяглец Бронной слободы Алексей Прохоров (сын зажиточного калачника Прохора Козьмина, тяглеца Троицкой слободы) и другие лица. Хотя о причине его ареста в документе не говорится, обстоятельства его были своеобразны: пристав и подьячий из приказа Большой казны с шестью стрельцами сделали облаву и «взяли из лавки сильно» не только продавца, но, очевидно, и бывших там крестьян. Все они были отведены к серебрянику Ивану Леонтьеву, двор которого, возможно, пострадал во время восстания. Необычность этих действий властей состоит в

¹⁰³ Городские восстания..., с. 63.

¹⁰⁴ Смирнов П. П. Посадские люди..., т. II, с. 195 (ЦГАДА, ПДСЛ, д. 86).

том, что тяглецами Бронной слободы ведала Оружейная палата, а не Большая казна¹⁰⁵. Не кажется случайным и то, что новгородца посадского человека Степана Клементьева 28 июня 1648 г. сослали в Туруханский край в Никольский монастырь «под начал за его воровские непристойные речи»¹⁰⁶.

16 июля 1648 г. в обстановке неутихающих волнений в Москве и на периферии был созван в Столовой избе собор. На нем присутствовали патриарх Иосиф, бояре, окольные, думные люди, стольники, дворяне московские, жильцы, по два человека от города дворян и детей боярских, несших службу в столице, а также гости, представители сотен и «лутчие люди» посада. На этом соборе было подано челобитье о составлении Уложения, «чтоб впредь по той Уложенной книге всякие дела делать и вершить»¹⁰⁷.

Тогда же была создана комиссия для выработки Уложения. В нее вошли вернувшийся из ссылки Н. И. Одоевский, князь С. В. Прозоровский, неудачливый усмиритель московского и впоследствии псковского восстаний окольный Ф. Ф. Волконский и два дьяка, выполнившие, видимо, основной труд по составлению Уложения — Гаврила Леонтьев и будущий историк Федор Грибоедов. Кроме того, 16 июля был решен вопрос о представительстве на Земском соборе, открытие которого было назначено на 1 сентября: от стольников, стряпчих, дворян московских и жильцов — по два человека от чина; от городских дворян, детей боярских — из больших городов по два человека, из маленьких — по одному. От всех гостей — по три человека, от гостиной и суконой сотен — по два, от посадских людей — по одному человеку от города.

В документах, разосланных в города Новгородской четверти, предписывалось выбирать дворян и детей боярских и торговых людей (о ремесленниках и речи нет) «добрых лутчих, человека добра и смышленных людей, которым бы такие государевы и земские всякие дела за обычей...»¹⁰⁸.

Таким образом, основная масса населения — крестьяне, ремесленники, служилые люди по прибору — не имела своего представительства. Неудивительно, что на местах во время выборов делегатов на Земский собор разгорелась ожесточен-

¹⁰⁵ ЦГАДА, Оружейная палата, кн. 981, л. 120 об. За указание документа благодарю В. А. Кучкина. Г. Г. Пушкин, ведавший палатой, был выслан, как сообщает 6 июля Поммеренинг; арестованных же привели к Пушкину 5 июля. Таким образом, внезапность его высылки налицо.

¹⁰⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 278, л. 231.

¹⁰⁷ «Чтения ОИДР», 1913, кн. 4, отд. IV, с. 6.

¹⁰⁸ Там же, с. 7, 9.

ная борьба. Но прежде чем говорить о ней, обратимся к центральной проблеме нашего повествования — движущим силам московского восстания, ибо для определения характера каждого восстания важно решить именно этот вопрос.

Как указывалось выше, взгляды двух основных исследователей этой проблемы С. В. Бахрушина и П. П. Смирнова претерпели некоторую эволюцию. В статье «О начале Уложения и Земского собора 1648—1649 гг.» (1913 г.) решающую силу восстания П. П. Смирнов видел в дворянстве и недооценивал роль посада. В работе 1929 г. движущими силами этого восстания он считал уже жителей черных слобод, стрельцов и поместную армию. Однако во II томе своей монографии значительную роль в восстании он снова отводит дворянству, упорно проводит мысль о его «одиначестве» со всем посадом, утверждает, что дворяне с самого начала принимали активное участие в восстании¹⁰⁹.

С. В. Бахрушин основной силой восстания считал черных тяглых людей (среднего достатка), к которым присоединились стрельцы и городовые дворяне. 30 лет спустя С. В. Бахрушин основное внимание уделил расслоению посада, привел факты участия в движении крестьян морозовских вотчин и говорил, что «это было восстание низших слоев посада против произвола феодалов и тесно связанного с ними богатого купечества»¹¹⁰.

Точка зрения П. П. Смирнова о «революционности» дворянства оказалась живучей и получила развитие в рецензии А. Н. Сперанского на книгу М. Н. Тихомирова «Псковское восстание 1650 г.» и в примечаниях Н. В. Устюгова к двум статьям С. В. Бахрушина во II томе его «Научных трудов». А. Н. Сперанский свел разногласия между Смирновым и Бахрушиным к одному — к установлению времени, когда поместная армия присоединилась к восстанию. Такая постановка вопроса вводила в сторону от решения проблемы о действиях низов посада и крестьян, активизация которых на самом деле и определила позицию дворянских оппозиционеров, их сговор с верхушкой посада и предательство интересов восставших¹¹¹.

¹⁰⁹ См. Смирнов П. П. Правительство Б. И. Морозова и восстание в Москве 1648 г. Ташкент, 1929; Смирнов П. П. Посадские люди.., т. II, гл. 2.

¹¹⁰ Бахрушин С. В. Московский мятеж 1648 г. — Сб. статей в честь М. К. Любавского. Пг., 1917, с. 709 и след.; Послесловие Бахрушина С. В. к книге Смирнова П. П. «Посадские люди...», т. II, с. 734—735.

¹¹¹ См. Сперанский А. Указ. соч., с. 124—138.

Н. В. Устюгов в редакторских примечаниях ко II тому «Научных трудов» С. В. Бахрушина стал на точку зрения П. П. Смирнова и А. Н. Сперанского¹¹². Он склонился к мысли о большой роли в восстании дворян, которые якобы выступили с самого начала и повлияли на правительственные уступки (кому и какие — редактор не указывает). Попытка примирить эти две концепции о движущих силах московского восстания принадлежит А. А. Новосельскому¹¹³.

Точку зрения П. П. Смирнова на движущие силы московского восстания подверг критике М. Н. Тихомиров. Он привел новые данные о движении в Москве именно черных людей, тонко проанализировал терминологию П. П. Смирнова и, указав на ее неточность, показал, что если и можно говорить о временном сговоре дворян, то только с верхушкой посада, а не со всем посадом¹¹⁴.

Как единодушно указывалось во многих летописных записях, так или иначе освещавших события в столице, ведущая роль в восстании принадлежала черным посадским людям (тяглецам) и не только москвичам, но и пришлым в столицу в поисках заработка. Все литературные источники (и отечественные, и иностранные) среди участников восстания на первом месте называют простой народ, чернь, посадских людей: «Приходили посадские и всякие черные люди во дворец со всяким невежеством», «посадские всяких чинов люди всей Москвою». «Летопись о многих мятежах» сообщает, что «воссташа чернь на бояр»¹¹⁵. В продолжении «Летописца от Адама...» на 7 строках, отведенных описанию восстания, в качестве основных участников 5 раз упоминается чернь, черные люди. Еще отчетливее этот момент отражен в прибавлении к III Новгородской летописи: «...восста бо чернь на честных мужей богатых». «В «Летописце... о Великой России» говорится также, что «была заворошья от московских людей черных», которые «грабили боярские, дворянские и дьячки дворы»¹¹⁶.

То, что в восстании участвовали рядовые тяглецы московских сотен и слобод, подтверждается и тем, что 12 июля 1648 г. среди высланных в Сибирь названы отправленные с семьями

¹¹² См. Бахрушин С. В. Научные труды, т. II. М., 1954, с. 95, 98—99.

¹¹³ См. Очерки истории СССР, XVII в., с. 232—236; История Москвы, т. I. М., 1952, с. 577—578.

¹¹⁴ См. Тихомиров М. Н. и Епифанов П. П. Указ. соч., с. 16.

¹¹⁵ Цит. по: Городские восстания..., с. 35, 58, 66, 76—78 и т. д.

¹¹⁶ ГИМ, собр. Уварова, кн. 670, лл. 28, 312 об; ГБЛ, Музейное собр., д. 1841, л. 164.

«за их многое воровство» тяглецы Дмитриевской сотни Данила и Дмитрий Карастеленковы, пересланные из Новой чети в Сибирский приказ. В Илимский острог выслан тяглец Сыромятной слободы Степан Шкенеv. Московский торговый человек — садовник Герасим Коноплин «за его многое воровство» был «бит кнутом на козле нещадно» и сослан с сыном и четырьмя дочерьми в Якутский острог на вечное житье в посадские люди. Та же участь постигла тяглеца масляного ряда Огородной слободы Панкрата Герасимова с семьей. Хотя столбец, из которого мы берем эти сведения, относится к ноябрю — декабрю 1649 г. (прошло полтора года после восстания), есть основания полагать, что дела о «воровстве» связаны именно со следствием по московскому восстанию. На листе 99 об. этого столбца сказано: отправить «мужиков в посадские люди, да и стрельцов, которые заводили». По-видимому, этот столбец относится к финальной части следственного дела о восстании в Москве ¹¹⁷.

О том, что следствие по московскому восстанию проводилось не по горячим следам, а много времени спустя, свидетельствует и дело посадского человека Вавилы Поликарпова. 16 октября 1649 г. согласно «памяти» Земского приказа он был передан в приказ Казанского дворца и сослан с семьей «на вечное житье» на сооружаемую Симбирскую черту в только что отстроенный город Корсун. В «памяти» указана причина высылки: «За то, что он на Москве разбивал». В ноябре следующего года Поликарпов сбежал из г. Корсуна в Москву, был пойман, бит кнутом и «за большое воровство» сослан на Ленский волок в посадские люди ¹¹⁸. Этот пример дает некоторое основание ретроспективно использовать дела о ссыльных за 1649—1650 гг. для изучения восстания 1648 г.

Среди сосланных «за воровство» упомянуты и гулящие люди. Так, из 40 человек, отправленных в Илимский острог на Лену, было несколько гулящих людей: Савва Коркин, Федор Моторка и др. Гулящий человек из Коломны Митька Аврамов назначен в Красноярский острог, Остафий Ильин «за его воровство и за непристойные речи» был сослан в Сибирь ¹¹⁹.

Таким образом, стремление отдельных русских историков и некоторых зарубежных авторов считать московское восстание движением главным образом зажиточных — «средних» по со-

¹¹⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 278, л. 236; стб. 369, лл. 24—26 об., 39, 99.

¹¹⁸ См. там же, стб. 406, лл. 13—15.

¹¹⁹ Там же, стб., 278, лл. 280, 283; стб. 369, л. 173.

стоятельности людей, а не «черни», гилевщиков, не подтверждается источниками¹²⁰. Восстание охватило различные круги посада. Участвовали в движении, по-видимому, и состоятельные горожане — торговые люди, старосты, сотские и пр., но они проводили соглашательскую линию. Это их, представителей «знатнейших граждан», по свидетельству А. Олеария, потчевал у себя во дворе царский тесть И. Д. Милославский. Это их приняла 6 июня царица, щедро одарила соболями и добилась согласия на пребывание Морозова в столице. Поммеренинг сообщает, что за такое соглашательство делегаты получили от престоноародья возмездие: «За это они скоро были побиты камнями».

Деятельное участие в московских событиях приняли служилые люди по прибору — стрельцы, солдаты и драгуны, собранные для отправки на Дон, а также приехавшие с челобитиями из других мест (с юга и из Сибири) казаки, казенные кузнецы и др. Рядовые служилые люди по прибору на протяжении всего периода восстания проявляли недовольство и неповиновение. Конечно, правительство пыталось задобрить их, раздавая деньги, угощая водкою и медом. Но их и наказывали: ссылали поодиночке и большими группами по 30—40 человек с женами и детьми.

Особенно большое внимание позиции стрельцов уделено в «Архивском сборнике», запись в котором составлена под непосредственным впечатлением стрелецких мятежей 1682 г. Там говорится об участии в восстании 1648 г. «всех приказов стрельцов», о том, что «стрельцы учинились непослушны и были с ними (посадскими людьми.— Е. Ч.) заодно». Поммеренинг сообщает, что «стрельцы ответили, что... сражаться за бояр против простого народа они не хотят, но [готовы] вместе с ним избавить себя от их [бояр] насилия и неправд»¹²¹, и далее описывает их участие во всех акциях восставших — в разгроме дворов знати, уличных сражениях и т. д.

Но позиция стрельцов по отношению к восстанию была противоречивой. Одни стрельцы поддерживали народ, другие — правительство. Так, в челобитной стремянных стрельцов, поданной 17 ноября 1649 г., говорится: «И в прошлом, государь, в 156 году, как было шумное время... мы, холопи твои, были у тебя, государя, на Постельном крыльце, бере-

¹²⁰ С. В. Бахрушин писал: «Восстание было, таким образом, отнюдь не выражением чувств низших социальных слоев населения, а групп срывательно обеспеченных». — «Научные труды», т. II, с. 77.

¹²¹ Городские восстания..., с. 35—37, 71.

тали твоего царского величества, и в то время без нас, холопей твоих, домишка наши со всеми животишки и статки пригорели, а у иных у нас, холопей твоих, и женишки сгорели. И в нынешнем же, государь, во 157 году, как просили милости у тебя, праведного государя, всеми приказы о боярине о Борисе Ивановиче Морозове, чтоб ты, государь, нас, холопей своих, пожаловал, велел боярина Бориса Ивановича Морозова взять к своему царскому величеству, и к той челобитной мы, холопи твои, Стремянным приказом, преж всех приказов, безо всякие задержки руки свои приложили»¹²². Этот документ не оставляет сомнений в том, что на всех этапах восстания стрелянные стрельцы были опорой правительства.

Некоторые стрельцы из приказа Петра Образцова подали извет с просьбой сослать 33 стрельца из приказа А. Г. Юсова из Москвы в Сибирь за то, что они «ходят за всяким воровством». 13 июня 1648 г. грамота была передана в Сибирский приказ, а 14 июля подьячий Дмитрий Трофимов привел 33 человека в тюрьму и сдал под расписку ключарю. Большинство из них было сослано «в службу» в Якутский острог на реку Лену, некоторые — с женами и детьми. Судя по прозвищам, многие из этих стрельцов занимались ремеслом. Это еще раз подтверждает близость интересов посада и служилых по прибору.

По пути следования в Сибирь ссыльных конвоировали сибирские казаки Тихон Борисов и Василий Кириллов, сочувствовавшие им, за что навлекли на себя недовольство енисейского сына боярского В. Колесникова. Тот жаловался, что его «не слушают, чинятся во всем сильны». Это свидетельствует о том, что сибирские служилые люди проявляли солидарность с ссыльными. Условия следования в Сибирь были очень тяжелы¹²³.

Особенно большие предосторожности в дороге принимались по отношению к беглым стрельцам. Так, например, о стрельце Михаиле-нашивочнике из приказа А. Полтева, сосланного в Тобольск с женой и тремя детьми, 19 ноября 1649 г. писали в наказе: «...ехать... нигде не мешкая, и вести ево скована и беречь накрепко, чтоб тот колодник над собою какова дурна не учинил и с дороги и стану не ушол...»¹²⁴. Сосланных в Казань и бежавших оттуда стрельцов Ивана Моисеева из приказа П. Лаврова, Корнея Алексеева и Федора Максимова из при-

¹²² «Чтения ОИДР», 1881, кн. 1, с. 2.

¹²³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 278, лл. 221—224а, 249, 251—254, 265, 287.

¹²⁴ Там же, стб. 369, лл. 19, 22.

каза Б. Булгакова с семьями отправили из Стрелецкого приказа на р. Лену. На вечное житье в Сибирь «за многое воровство» был отправлен и «отставленный стрелец» Богдан Дев. Герасима Микитина из приказа С. Коковинского, Данилу Фролова из приказа Д. Зубова били кнутом за побег из Казани и сослали 16 декабря 1649 г. в Сибирь.¹²⁵

Все эти примеры показывают излишнюю доверчивость некоторых авторов к свидетельствам Олеария и Поммеренинга о «задабривании» стрельцов¹²⁶.

Помимо стрельцов в восстании участвовали драгуны и солдаты, набранные из «вольных людей» Посольским приказом в количестве тысячи человек для отправки на Дон. Отряду под командованием Андрея Лазарева, обосновавшемуся под селом Коломенским и значительно поредевшему после убавки жалованья 20 мая, было предписано ввиду начавшихся волнений переправиться в Николо-Угрешский монастырь, чтобы уберечь 10 тыс. рублей денег, порох, оружие. Однако, по сообщению А. Лазарева, «пройти было за воровством не уметь»; кроме того, этому препятствовал разлив реки Москвы. Поэтому он осел в Коломенском¹²⁷. Но вольные люди, узнав о событиях в столице 3 июня, подались в город. В результате вместо 400 человек у Лазарева едва набралось полсотни.

4 июня солдаты возвратились в Коломенское, но не одни, а ведя с собой назвавшихся «вольными» сотни людей, которых Лазарев разместил «особо», тут же на лугу около церкви. Эта мятежная часть полка во главе с Саввою Свистягиным и Иваном Ростовцом трижды требовала у Лазарева выдачи оружия и пороха, но он отказал. Интересна мотивировка, с которой пришедшие из Москвы требовали оружие: «Сказывают, будто приход на них воровских людей: и мушкеты и пики ис телег поемлют силою»¹²⁸. В ночь на 5 июня воевода и 50 его людей подверглись нападению пришедших, которые требовали выдать им оружие, но оно было перепрятано в колокольню Вознесенского храма. Всю ночь в Коломенском вполношнно гремел колокол и слышались мушкетные выстрелы.

Наутро Лазарев роздал пришедшим все хлебные запасы, чтобы не допустить их ухода в Москву. Убедившись в неудаче выступления, солдаты обратились к царю с челобитьем, которое было подано 6 июня Яковом Мещерниновым, Петром За-

¹²⁵ См. там же, стб. 369, лл. 46, 47, 75.

¹²⁶ См. Абсолютизм в России..., с. 59.

¹²⁷ См. Донские дела, т. III, № 85 (РИБ, т. XXVI, СПб., 1909).

¹²⁸ Смирнов П. П. Посадские люди., т. II, с. 181—182.

сыпкиным и Леонтием Андреевым. В челобитной говорилось об отсутствии у них денег и хлеба и содержалась просьба удовлетворить их требования. С небывалой оперативностью в тот же день, 6 июня, прибыло из Москвы предписание «пересмотреть» солдат, выдать им жалованье, выявить «грабежные животы», но взять их мирно, «без бою и без драки». При проверке выяснилось, что из 100 солдат одни попали в тюрьму, другие убиты в уличных схватках или погибли в огне. Характерно, что когда 5 человек были приведены с «грабежными животами» в Пушкарский приказ, их отправили сначала в Посольский приказ, а оттуда в Коломенское (10 июня) безо всякого наказания¹²⁹. Как видно, правительство стремилось к мирному урегулированию дела.

Приводя все эти сведения и рассказывая о разгроме солдатами по пути следования на юг нескольких боярских усадеб в Ефремовском уезде, П. П. Смирнов пишет, что в полку Лазарева в основном были дворяне и дети боярские, следовательно, и эта часть служилых по отечеству участвовала в восстании. Этот вывод не может быть принят, поскольку, как показал М. Н. Тихомиров, в полку Лазарева могли быть лишь отдельные выходцы из дворян¹³⁰.

Факт участия в московском восстании служилых людей по прибору не вызывает сомнений, это подтверждают все литературные источники. Говоря о составе восставших, новгородский хронограф XVII в. так раскрывает термин «служивые средние»: «...и стрельцы и драгуны, и солдаты, и казаки, и с чернью за их боярские великие неправды возмущились во граде Москве»¹³¹.

Многочисленные летописные известия о присоединении к черным посадским людям отдельных категорий «служилых людей» подтверждают иностранцами. Все они называют именно стрельцов, хотя и отмечают, что часть последних была «привержена» царю. Так, шведский аноним сообщает, что в первый день восстания, когда народ требовал выдать Плещеева, «стрельцы отогнали его плетями». Но затем многократно подчеркивается участие их в восстании¹³².

Чрезвычайно скупы сведения о позиции самой бесправной

¹²⁹ См. Донские дела, т. II, № 88—90; Смирнов П. П. Посадские люди., т. II, с. 184, сн. 3.

¹³⁰ См. Тихомиров М. Н. и Епифанов П. Н. Указ. соч., с. 16—17.

¹³¹ Тихомиров М. Н. Новгородский хронограф XVII в. — «Новгородский исторический сборник», 1940, № 7, с. 80.

¹³² См. Городские восстания., с. 35, 37, 53, 54.

части московского населения — холопов. Так, в неоднократно упомянутой нами челобитной дьяка Д. Дерябина сообщается о том, что его холоп Степан Аникеев сбежал от него еще до восстания и жил с «воровскими людьми под Неглименским мостом». Затем он «с товарищи» «не по одно время» являлся к дьяку на двор: «Июня в 5 день, после пожара, приходил тот человек Стенька с воровскими людьми на Давыдов двор грабить погреба». После того как его пытались «сдать на караул» около Каменного моста, он бежал и лишь 18 июня был снова пойман, приведен на хозяйский двор и так жестоко избит, что крикнул «государево слово», означавшее политические наказания. Затем 19 июня он попал в Стрелецкий приказ. Без суда и следствия он был бит кнутом и брошен в тюрьму (19 июня), а затем сослан «в опалу» на р. Лену в Сибирь¹³³.

В середине июня последовали массовые приводы и пытки холопов за их участие в московских событиях 1—12 июня. Беглых холопов, участвовавших в восстании, приводили на допросы в Пушкарский приказ к боярину М. П. Пронскому и окольным Ф. Ф. Волконскому. Следствие об участии в восстании «людей боярских» в лучшем случае кончалось тем, что холопов отдавали обратно хозяину, а в худшем их ждали казнь, кнут, ссылка в Сибирь. За «многое воровство» был сослан в Сибирь холоп Василия Голохвастова Дмитрий Кушников¹³⁴. На Лену попали холопы гостиной сотни торгового человека М. Ревякина Овдоким Вахромеев и Семен Овдокимов «за их воровство»¹³⁵.

Поммеренинг, который не всегда точен в отношении датировки событий, сообщает, что какой-то подъем движения произошел 27 июня, когда холопы потребовали своего освобождения. Шестеро из них 3 июля были казнены, 72 человека брошены в тюрьму¹³⁶. Снова последовали ссылки в Сибирь, а также массовые приводы, пытки и телесные наказания.

Но и эта волна казней не прекратила движение холопов. Продолжалось бегство, угрозы и неповиновение. Так, в июле 1648 г. дьяк Василий Ушаков подал в Холопий приказ челобитную с жалобой на своего холопа Матвея Логинова, который неоднократно бежал от него, уносил имущество, вводил лошадей. В Стрелецком приказе его дважды избивали батогами и снова вернули дьяку. И вот теперь холоп «хвалитца на него

¹³³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 278, лл. 226—227.

¹³⁴ См. там же, стб. 278, лл. 234—235.

¹³⁵ См. там же, стб. 369, лл. 99—100.

¹³⁶ См. Городские восстания..., с. 38, 39, 41.

всяким дурном и хотя ево, Василья, вдостоль разорить». Дьяк готов был остаться без холопа и просил срочно сослать его в Сибирь¹³⁷. В это же время от дворянина В. Доможирова из Москвы в Нижний Новгород убежали холопы, «побрав животишка»¹³⁸. Ночью 28 июня от М. Н. Телегина, жильца, жившего на дворе у боярина Н. И. Одоевского и потерявшего во время разорения и пожара деньги, платье, служилую «рухлядь» и запасы еды, сбежали два его кабальных человека М. Владимиров и С. Иванов. Дворянин подозревал, что они направились в Клинский уезд, где в деревне находились их семьи. Телегин просил царя отпустить его, «чтоб те мои беглые люди и достоль вконец не разорили и жон своих и детей не выкрали»¹³⁹.

Выше указывалось, что во время восстания уничтожались захваченные у феодалов всех рангов «люцкие крепости», кабальные записи и другие документы. Хотя источники не дают возможности судить об удельном весе холопов в восстании, ясно, что они с самого начала не составляли пассивную массу. Бегство, разорение хозяйских дворов, уничтожение кабальных записей — протест крестьян против усиливавшегося крепостничества. В этом ярко проявился антифеодальный характер их участия в восстании.

Что же творилось в это время в уездах, селах и деревнях? К сожалению, у нас имеются чрезвычайно отрывочные сведения об этом. В центре страны, в Подмосковье, в частных вотчинах и поместьях, в монастырских и дворцовых селах и деревнях классовая борьба ширилась, нарастала, захватывала новые слои крестьян.

После рассылки указа 1645 г. о составлении новых переписных книг бегство крестьян усилилось. Вот типичное челобитье в связи с этим: «Государь царь и великий князь Алексей Михайлович, бьет челом холоп твой Микитка Протасьев сын Лачинов. Живу я, холоп твой, при твоей царской светлости. А житие мое, государь, жилая четверть з генваря первого числа по апрель месяц по первое ж число. И в нынешнем, государь, во 158 году февраля в 28 день бежали, государь, от меня из Москвы людишка мои два человека Якушка да Фролко Ивановы дети, а свели от меня, холопа твоего, троя лошадей да платья». Челобитная кончается обычной просьбой: «Милосердный государь царь и великий князь Алексей Михайлович

137 ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 278, лл. 289—290.

138 ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 4, д. 3976, л. 19.

139 ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 261, л. 511.

всёя Руси, пожалуй меня, холопа твоего, вели, государь, меня в Шатцкую мою деревнишку отпустить, чтоб, государь, те мои людишка жен своих и детей не выкрали, а человека, государь, у меня холопа твоего, такова нет, ково послать за ними, царь государь, смилуйся, пожалуй!»¹⁴⁰. Множество подобных челобитных подавалось в приказы. Жилец Иван Полтев сообщал в своем челобитье, что двор его погорел в Москве и, кроме того, «побежали крестьянишки из Серпейской моей деревнишки». Жилец Я. Кондырев потерял имущество не только в Москве, но и в деревне, где в 1648 г. сгорел его дом «без остатку».

Следовательно, крестьяне не только бежали, но и жгли имущество помещиков. Крестьяне И. П. Анучина — В. Антипин, И. Федоров, Д. Васильев сбежали в село Андосово Нижегородского уезда. Помещик просил отпустить его 12 августа 1648 г. в деревню, чтобы «те мои крестьянишка не пропали, а землю б соседи не завладели».

Но протест крестьян против растущего закрепощения не ограничивался бегством. Резко увеличались в Подмоскovie «разбой», набеги на поместья и вотчины. Так, 28 мая 1648 г. был совершен набег на имение Чертковых в Муромском уезде, который повторился 19 июля того же года, когда «лихие люди разорили без остатку и выжгли хлеб, и всякая животина пригорела»¹⁴¹. Осенью 1648 г. крестьяне Дмитровского уезда (на севере от Москвы) сожгли имение с «животишками» и лошадьми жильца С. И. Нащокина. В Илимский острог в пашню (т. е. в крестьяне) были отправлены в числе «московских тюремных сидельцев» крестьянин стольника В. Б. Ромодановского Карп Олекснев, крестьянин В. Нагова из деревни Борлына Романовского уезда Иван Дмитриев, крестьянин рязанского помещика Ф. Смагина Сергей Иванов-Маковник и другие¹⁴². Таким образом, обстановка в имениях была беспокойной. Не случайно мелкие помещики поспешно возвращались из столицы в свои поместья, мотивируя это гибелью своего имущества во время московского пожара.

В Троицкой лавре монастырским служкам (свыше 300 чел.) вместо жалованья выдавали земельные пустоши. «И как учинилось на Москве и в городах мятежное время от черных людей, и они в то время на тех пустошах селиться не похотели, а иные разошлись врознь». Всего разбежалось 180 человек.

¹⁴⁰ ЦГАДА, ф. Оружейной палаты, 1650, д. 4019, л. 58.

¹⁴¹ Там же, лл. 339—348, 376.

¹⁴² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 278, л. 281.

В ответ на это монастырь пополнил свой гарнизон на сто человек, опасаясь, чтобы ему «разорения какво не учинилось» от восставших крестьян¹⁴³. В Илимский острог из Москвы был сослан «за воровство» патриарший крестьянин села Пушкина Яков Старков, в Красноярск попал монастырский крестьянин Ф. Прокофьев. Все это происходило летом 1648 г. Таким образом, и в духовных вотчинах было неспокойно.

Волновались крестьяне и в селах, и во дворах крупных вотчинников. Накануне московских событий, 31 мая, «люди» князя Львова-Шляжковского Василий Кондратьев с женой и дочерью, Логин Андреев и Алексей Микитин были сосланы в Енисейский острог. Той же участи подверглись крестьяне звенигородского помещика Л. Махова Исак Шишенин с женой и сыном, «человек» боярина Е. А. Репнина Дунай Бурналиев, «люди» Г. Облязова Василий Иванов с семьей и Матвей Татариин¹⁴⁴. Все чаще крестьяне произносили «непригожие слова». За это весной 1647 г. был сослан в Сибирь крестьянин с. Васильевского, принадлежавшего Л. М. Черкасскому, С. Ига¹⁴⁵.

О том, что жаркое зарево московского восстания ощущалось в вотчинах боярина Б. И. Морозова, свидетельствует переписка боярина со своими приказчиками¹⁴⁶. За день до ссылки (очевидно, вопрос о ней был решен 11 июня, после подачи челобитной 10 июня) Б. И. Морозов рассылал инструкции в свои арзамасские владения — в села Богородицкое, Знаменское, Уварово, Рождественское, деревню Комары, Княж Павлово и другие — приказчикам, старостам, целовальникам и выборным людям, чтобы они «ни в чем бы не сумнялись, и заводов бы от них, крестьян, на дурные дела никаких не было». После просительного тона следуют прямые угрозы, что «если крестьяне учнут дуровать или какой завод заводить», то принимать меры самим или присылать ходока «и их, крестьян, государь укажет смирить»¹⁴⁷. Это можно понять как предупреждение прислать войска для обуздания крестьян.

¹⁴³ Иеромонах Арсений. Доклады, грамоты и другие акты Троицкого Сергиева монастыря о служках. — «Чтения ОИДР», 1867, кн. III, отд. 1, с. 58.

¹⁴⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 290, 1648, лл. 19, 19-а, 20, 146.

¹⁴⁵ См. там же, стб. 278, л. 190.

¹⁴⁶ Сб. документов «Хозяйство крупного феодала-крепостника, XVII в.», вып. 1. Л., 1933; Петрикеев Д. И. О некоторых материалах по истории вотчины боярина Б. И. Морозова. — Труды ЛОИИ СССР, вып. 7. М.—Л., 1964, с. 334—336.

¹⁴⁷ Сб. «Хозяйство крупного феодала-крепостника, XVII в.», вып. 1, № 2 и след.

Тем не менее уже в июле 1648 г. в селе Рождественском, мордовской деревне Усада, починках Шеуштаново, Мишютино, деревне Копаево и в других (всего 152 двора) поднялось настоящее восстание. Крестьяне перестали выполнять феодальные повинности, «дворов не строят, и пашни под рожь не распахивают, да и готовые паханные пашни не пашут, и ржи сеять не хотят».

Захватив мордовские и русские деревни и превратив их в свои крепостные вотчины, Морозов приказал собрать с них оброк, не выдержав обычного 12-летнего льготного срока. Был послан приказчик Иван Федоров, который собрал с каждого двора по 12 руб. с выти и по 8 денег за ореховые ядра. Кроме того, он собрал пашенные, луговые и полесовые деньги в размере 293 руб. 9 ал. (за вычетом на расход 22 руб.). За «даточных» людей было собрано по 2 гривны с двора — 30 руб. 13 ал. 2 д. Характерно, что сборы были произведены деньгами. Приказчик Иван Федоров решил воспользоваться случаем и захватить себе пустоши. В починке Шеуштаново, населенном мордвой, появилась семья приказчика, его холопы, им отвели пустые крестьянские дворы. Все это раздражало крестьян, только что попавших в феодальную зависимость. Крестьяне послали своих челобитчиков в Москву, их жалобу разбирал П. Т. Траханиотов «и им, крестьянам, отказал».

Когда в Москве началось восстание, здесь оказался приехавший из деревни Усада крестьянин Андрей Клементьев. Вернувшись домой, он рассказал крестьянам о событиях в столице и о ссылке Морозова. После этого «у крестьян де у всех почали быть думы свои и сходы особые», которые они устраивали за рекою Рудня. Этими сходами руководили выборные лица: от деревни Копаево — Филипп Родионов, от починка Шеуштаново — староста Афанасий Иванов, от мордовского починка Мишютино — староста Шегтяй Герасимов. Характерно, что в борьбе против феодального гнета объединились русские и мордовские крестьяне. Они составили приговор, по которому решили приказчика Ивана Федорова «за те оброчные, и орешные, и даточные деньги разграбить», а самого его «убить до смерти» миром на том основании, что он, не соблюдая льготы (в 12 лет), собрал деньги и присвоил их себе. Очевидно, раздражение крестьян вызвал не только сбор государевых («за даточных людей») и боярских налогов, но и то, что Иван Федоров обосновался на их землях.

Крестьяне подступили ко двору Ивана Долгополова, в котором он остановился, обругали его жену и тещу «всякою не-

подобною лаею», опечатали (а не разграбили!) клеть с его имуществом и хлебом, конфисковали скот. Пастухам приказали не выдавать ему и его слуге лошадей и коров. Рожь приговорили «миром пожать на себя». А самого Ивана Федорова искали по окрестным лесам для приведения приговора «схода» в исполнение. Но, узнав о приговоре, он успел сбежать в соседнее имение боярина И. И. Салтыкова, село Пузу, а затем в лес.

Морозов упрекал нового приказчика Любима Осанова в недостаточно ретивой защите Ивана Федорова, предлагал ему опереться на «старых лутчих крестьян» и провести розыск о случившемся, а результаты его прислать в Москву.

В начале августа 1648 г. в арзамасские и нижегородские вотчины Морозова был послан дворянин И. Г. Злобин. Предлогом для его поездки была охрана владельческих прав Морозова от посягательств окрестных землевладельцев, но едва ли не главной его задачей была следующая: «А которые меж ими во крестьянах или в бобылях объявятца воры и плуты, и им, тем ворами и плутам, ни в чем потаждать не велено и во всяком дурне их потому и не покрывали...» Злобин имел на руках распоряжение требовать у воевод приборных служилых людей и с оружием в руках защищать интересы опального временщика.

Неповиновение и отказ платить феодальную ренту проявляли и крестьяне села Булышева Вяземского уезда. Приказчик Мамлей Жигунов не смог собрать с них «ни одного четверика» хлеба и деньги (на 4 праздника по 1 алтыну с дыма) за 1647 и 1648 гг. В связи с этим 11 июля 1648 г. боярин отправил старосте и приказчику грамоту, чтобы «заводов бы от них, крестьян, на дурные дела никаких не было, тово б стержь над ними, крестьянами, накрепко». Подобная грамота была отправлена и в село Городень Тверского уезда. На этот раз она адресовалась не только приказчику, но и священнику Даниилу Иванову¹⁴⁸.

В движение были втянуты и крестьяне дворцового хозяйства. Так, осенью 1648 г. были высланы из Москвы в Енисейский острог подключник кормового дворца П. Кудрявцев и конный псарь Агей Ульянов с семьями. В Илимский острог в пашню были отправлены крестьяне дворцового села Даниловского Ф. Балакин и В. Побегалов с семьями, Кондратий Бурков, сын государева мельника Герасим Салтебер, крестьяне села Покровского Андрей Артемьев, Логин Филиппов с семьей¹⁴⁹.

¹⁴⁸ См. там же, № 9—11, с. 38, 39.

¹⁴⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 278, лл. 270, 281, 283.

Этот перечень можно было бы продолжить. Несмотря на всю отрывочность этих сведений, ясно одно — поток сосланных «за воровство» крестьян центра включал и частновладельческих, и дворцовых, и принадлежавших духовенству.

То, что волнения среди крестьян происходили одновременно с московским восстанием, подтверждает челобитная, поданная царю 10 июня. В ней дворяне и верхи посада предостерегали правительство от повторения восстания Болотникова. Они называли его «наказанием божьего гнева, которое в прежния времена за такое беззаконие разразилось над Московским государством», и грозили, что оно «ныне снова нас постигнуть должно». Податели челобитной писали о том, что повсюду «большая буря поднимается... в городах и уездах»¹⁵⁰.

Не укрылся этот факт и от иностранных свидетелей. Так, поляк М. Голинский сообщал в своих записках: «В Московском государстве... взбунтовалось крестьянство, около 20 тысяч подданных...»¹⁵¹ Не беремся комментировать эту цифру — она произвольна, но показательна сама констатация факта.

Зимой 1649 г. в связи с массовыми испомещениями дворян и принятием Уложения усилилась борьба крестьян за свое освобождение и их бегство на незаселенные земли. Из Подмосковья крестьяне бежали в Воронеж, в Вольный, в Балхну. На Елец «со сносными животами» ушли крестьяне помещика С. М. Любоченинова. Из Москвы люди бежали в окрестности Шацка, Гремячьего, в Пошехонье. От жильца Я. И. Бартенева (Вологда) крестьяне разбрелись из-за взимания с них высоких прогонных денег (3 руб.)¹⁵². Зимой 1648 г. от сына боярского Г. Кривцова из Серпуховского уезда крестьяне не только сбежали, но и сожгли его поместье. Семья «от пожару помирает голодной смертью, хлеба, государь, промыслить и купить без меня некому», — писал помещик. В патриаршую деревню на Белоозеро сбежал крестьянин с семьей и имуществом от ярославского сына боярского Т. Нечаева. 15 августа 1649 г. из Дмитровской деревни С. Г. Свиднина сбежали все его «людишки» в Галицкую деревню к своим семьям. В Костромском уезде выгорело без остатка поместье М. Исакова «со всяким служивым рухлядишком и домашним заводишком». На деревню М. Т. Ляпу-

¹⁵⁰ Городские восстания..., с. 48—49.

¹⁵¹ Цит. по указ. кн. В. Голобуцкого, с. 133.

¹⁵² ЦГАДА, Оружейная палата, 1650, д. 4019, лл.82—98.

нова в Белозерском крае в июне напали «разбойники», которые «животишка поимали без остатку». 23 июня 1649 г. «разбойники» совершили налет на деревню Овсянниково в Суздальском уезде, жена и сестра помещика были избиты до полусмерти. В конце июня 1649 г. выгорели без остатка и деревни жильцов А. С. Камецкого, М. П. Марышкина и др.¹⁵³

Эти примеры можно было бы продолжить, но и их достаточно, чтобы сделать вывод о том, что крестьяне по-своему отвечали на закрепощение по Уложению 1649 г. и на массовое ипомещение дворян. И хотя в документах нет указаний на крупные восстания, ясно, что деревня в 1648—1649 гг. не была пассивна, что крестьянские волнения вынуждали помещиков возвращаться в поместья, оголяя гарнизоны, облегчали движение в городах. Говоря о классовой борьбе крестьян, следует отметить, что в тот момент она не сомкнулась с движением низов посада, а шла параллельно.

Антифеодальной борьбой крестьян объясняется и позиция дворян в то время, вызвавшая много споров в литературе¹⁵⁴. Помимо стреляного полка стрельцов и отрядов нового строя Кремль охраняли жильцы. Так, обращаясь к царю, жильцы П. Голенищев и П. Готовцев писали, что они жили в Москве от Николина дня (22 мая) «и в смутное время были у тебя, государя, в Верху, и твоего, государева здоровья оберегали»¹⁵⁵. Значит, они были при особе царя, опасавшегося за свою неприкосновенность.

Что касается провинциальных детей боярских, то некоторые из них действительно выражали оппозиционные настроения и особенно оживились в момент острого кризисного положения, пытаясь сыграть на растерянности правительства и предъявить свои требования.

Одним из первых было материальное обеспечение земель и крестьянами. Жившие с апреля по июнь в Москве 143 жильца еще в середине мая (13—15 числа) подали через постельничьего М. А. Ртищева «сказки» (просьбы) о наделении их поместьями и крестьянами. Эти «сказки» раскрывают картину необеспеченности мелких дворян в связи с ростом семьи. Например, у А. Н. Раздоришина было 6 дворов крестьян и

¹⁵³ Все эти факты см.: ЦГАДА, ф. Оружейной палаты, 1648, д. 3866, л. 1; 1649, д. 3899, л. 3, д. 3976, лл. 1, 8, 15, 20.

¹⁵⁴ См. Чистякова Е. В. Народные движения в России., с. 198—202.

¹⁵⁵ ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 261, л. 342.

6 бобылей, а его 3 сына не имели поместий. У кн. Л. С. Горчакова все 9 бобылей «разбрелись от хлебнова недороду». Один его сын был в отводе, два беспоместные. И. В. Коробов заявил, что за ним поместий и вотчин нет «ни единой чети ни в одном городе»¹⁵⁶.

«Сказки» свидетельствуют о разрастании семей жильцов и о стремлении пристроить детей в службу. В нескольких случаях упомянута передача отцовского поместья младшему сыну или вдове, остальные братья оставались беспоместными. Например, Б. А. Новосилцев сообщает, что 4 двора бобылей отданы его младшему брату, «а я, Бориско, скитаюсь здесь на Москве меж двор у родителей своих». Не имели крестьян три брата Офросимовых, 6 братьев Хметевых, братья Шапиловы и другие. У М. Прончищева было шесть сыновей, двое получили его поместье, четверо остались безземельными.

Некоторые жильцы имели землю, но не имели крестьян. У Я. В. Еропкина в Белевском уезде было 33 чети необработанной земли. Еще от «литовского разоренья, от прежней войны» осталось пустым поместье И. П. Зернова в Ржевском уезде. Часть жильцов имела по 2—5 дворов бобылей, что тоже не могло обеспечить семью рабочими руками. Жилец А. М. Улебакин был отпущен на неделю в погоню за бежавшими из Москвы двумя холопами, которые забрали у него двух лошадей, прихватили платье и «служилую рухлядь».

Как указывалось выше, в первые дни восстания многие жильцы (дворяне) потеряли имущество. В дальнейшем до них стали доходить тревожные известия о бегстве, пожарах и волнениях крестьян в уездах. Положение становилось чрезвычайно серьезным. Могло ли в этих условиях произойти вооруженное выступление дворян?

Поммеренинг и другие иностранцы — свидетели событий — нигде не говорят о выступлении дворян. Арзамасцы Д. Нетесов, И. Исупов и А. Чемесов, которых и С. В. Бахрушин и П. П. Смирнов упоминают как участников восстания, в действительности были в числе челобитчиков от своего города. 30 июня 1648 г. их только отпустили из Симбирска, следовательно, в самый горячий момент восстания (1—10 июня) их даже не было в Москве¹⁵⁷.

Поммеренинг уделяет внимание позиции городских детей

¹⁵⁶ «Сказки» жильцов см. ЦГАДА, ф. Оружейной палаты, оп. 4, 1648, д. 3839, лл. 1—51.

¹⁵⁷ ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 177/III, л. 85.

41 боярских, «которые в большом количестве прибыли из деревень требовать свое жалование», упорно не выдаваемое им Б. И. Морозовым. Ввиду усилившихся волнений крестьян городских дети боярские стали настойчивее добиваться у правительства упорядочения суда, ограждения их от засилья боярства и даже вели какие-то переговоры с представителями «простого народа». Очевидно, результатом этих переговоров и явилась челобитная 10 июня.

42 Сразу же после казни Траханиотова и высылки Морозова началась массовая раздача жалованья и земель с крестьянами беспоместным и малопоместным дворянам и детям боярским. Осуществлял эти раздачи боярин Б. П. Шереметев, человек, близкий кругу Романовых — Черкасских.

С 5 июня до конца августа раздавались земли с крестьянами в некоторых вотчинах Морозова, на которые тут же набросились «люди» Г. Облязова, князей В. А. Голицына, Ромодановских и др. Угрозы отобрать земли следовали «и от дворян, и от детей боярских, и от мордвы, которые около вотчины моей, и от людей их, и от крестьян». — жаловался опальный вельможа. В июле 1648 г. в вотчины Морозова отправилась целая экспедиция дворян и детей боярских для розыска своих крестьян. В инструкции приказчику села Лотошина боярин учит его, во-первых, оспаривать у них крестьян по сроку (11—15 лет), учитывая добропорядочность и прожиточность последних («буде... заведен и не вор»), во-вторых, попросту советует «укрыть» крестьян и, наконец, стыдить присхавших в «безвременьи над государем моим»¹⁵⁸.

В раздачу шли не только владения Морозова, но и поместья казенного П. Т. Траханиотова. Отобранные влиятельным временщиком земли возвращали прежним владельцам. Принадлежавшее Траханиотову село Андосово было роздано беспоместным жильцам. Жилец Б. И. Колупаев, получивший имение в Алаторском уезде, сообщал о себе следующее: «А я холоп твой, человек бедной, оприченно того помещеца иных нигде за мною, холопом твоим, государева жалования нет»¹⁵⁹.

Систематически выдавалось дворянам и большое денежное жалованье, которого они так слезно домогались в своей челобитной 10 июня 1648 г. Так, дворянам, детям боярским и новокрещенным и татарам замосковных городов (2689 чел.)

¹⁵⁸ Смирнов П. П. Посадские люди..., т. II, с. 194; «Хозяйство крупного феодала-крепостника, XVII в.», № 11, с. 21.

¹⁵⁹ См. ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 261, м. 343—350.

было выдано 37 644 руб., жителям новгородских и московских городов (5460 чел.) — 75 426 руб.¹⁶⁰.

Зимой 1648—1649 гг. происходила массовая раздача дворянам и детям боярским денежных окладов по самым различным поводам: за сооружения на юге оборонительных рубежей и основание крепостей, за участие в заседаниях Земского собора и даже... за «Смоленскую службу» (1633 — 1634 гг.)¹⁶¹. Кроме того, дворянам прибавили по 100 четей оклада.

О том, что летом 1648 г. усилилась борьба за землю и крестьян между отдельными группами феодалов и внутри мелкопоместных дворян, свидетельствует известное в литературе дело Семена Колтовского. Во время поездки царя 17 мая 1648 г. в Троице-Сергиевскую лавру стряпчий Семен Колтовский в числе других 20 человек сопровождал царский поезд. Вскоре, не объясняя причины, он попросил разрешения поехать в деревню Каширского уезда. Причина его отъезда выяснилась тогда, когда 27 июня его дядя Порфирий Колтовский подал на него донос в Разрядный приказ. Оказывается, в начале июня Семен Колтовский отправил ему письмо, в котором писал: «Да слышал я, государь дядюшка, что ты велишь крестьянам моим пахать пашню на подасинской земле, а хочешь их за себя вывести!» И далес он переходит к угрозам: «И нынеча государь милостив, сильных из царства выводит, сильных побивают ослопьем да камением, и ты государь, насильства не заводи, чтоб мир не проведаль!» Намекая на взятки — деньги и лебедей, преподнесенных дядей Б. И. Морозову, Н. Чистому и дьяку поместного приказа Ивану Владычкину, С. Колтовский замечает, что все это пропало. За это письмо он был сослан в Сийский монастырь¹⁶².

Жилец А. И. Вышеславцев, владевший третью села Севостьянова в Мещерском уезде Борисоглебского стана, сообщал, что «многие помещики завладели насильством своим землею и лугами его»¹⁶³. Как голодные волки, помещики на-

¹⁶⁰ См. там же, оп. 19, стб. 38, л. 332.

¹⁶¹ ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 47, лл. 41, 518, 673—675; Россыпь, оп. 20, № 174.

¹⁶² ЦГАДА, Оружейная палата, 1648, д. 3843, л. 7; д. 3976, л. 18; Зерцалов А. Н. Новые данные о Земском соборе 1648—1649 гг. — «Чтения ОИДР», 1887, кн. 3, с. 50—53.

¹⁶³ ЦГАДА, Оружейная палата, оп. 4, д. 3976, л. 7.

брасывались на окрестные имения, жгли и мучили крестьян, чтобы завладеть имуществом и землей соседей.

Таким образом, требования со стороны городских детей боярских диктовались, с одной стороны, активностью крестьянства, а с другой — внутренней борьбой различных групп феодалов за земли и крестьян. Никаких сведений об участии дворян в московском восстании источники не дают. Воспользовавшись движением черных людей посада, холопов и крестьян, а также части приборных людей (как москвичей, так и приехавших), они настаивали на созыве Земского собора, отстранении Морозова, ограничении веса бояр в центральном управлении и введении дворянского самоуправления на местах.

Хотя царь и сообщал в конце августа Морозову в Кирилло-Белозерский монастырь, что «смутное время ныне утихает», его оптимизм не оправдался. Всю осень и зиму в столице продолжались волнения. Начался следующий, третий этап восстания. Обстановку в Москве во время заседаний Земского собора описал Поммеренинг. Летом 1648 г. «вследствие полного отсутствия безопасности» нарушилась отправка дипломатической почты, стали заводы, прекратилась ямская гоньба (почтовая служба), богатые люди боялись выехать за пределы города. Несмотря на это, Морозов в конце августа¹⁶⁴ был возвращен в село Городню Тверского уезда, а в конце сентября — в Троице-Сергиевскую лавру. Предвидя недовольство таким бесцеремонным нарушением своей клятвы народу, царь приказал вооружить бояр и их охрану. В донесении от 19 сентября Поммеренинг сообщал, что народ недоволен ссылкой «своих собратьев» за июньские волнения в Москве, что он хочет «избавиться от новых налогов и уставов» и окончательно устранить Морозова¹⁶⁵.

В начале октября «многие стрельцы и простолюдины» снова потребовали устранения приверженцев Морозова, в частности А. М. Львова, Г. Г. Пушкина, А. Н. Трубецкого, И. Д. Милославского и других, и возвращения из ссылки людей, отправленных туда под самыми различными предлогами (из-за продажи табака и водки, игры в карты и т. д.).

Возвратившись в Москву в начале октября после свидания с Морозовым в Троице-Сергиевской лавре, царь уже 3 октября присутствовал на большом заседании Земского

¹⁶⁴ ДАИ, т. III, № 45.

¹⁶⁵ См. Городские восстания..., с. 39.

соборы, который обсуждал представленные комиссией Н. И. Одоевского материалы для составления текста Уложения. Распространив слух, что царь рассматривает требования простонародья, и добившись некоторого умиротворения путем задабривания стрелянных стрельцов, правительство вернуло в конце октября Морозова в Москву. Чтобы дети боярские не съезжались за жолованьем в столицу, его выдавали на месте. Этим предотвращалось появление в столице беспокойной и плохо обеспеченной массы вооруженных детей боярских, требовавших земли, крестьян, денег и защиты от бояр и крупных дворян, т. е. от «сильных людей».

14 сентября 157 г. царь «пожаловал стольников и стряпчих, и дворян московских, и жильцов, у которых в прошлом 156 году, июня в 3 день на Москве дворы их погорели, велел с Москвы отпустить по деревням, и в судных делех... отсрочить до указанова сроку...»¹⁶⁶. Жилец А. А. Карпов, у деда которого на Арбате сгорело имущество «в нынешний московский грабж и пожар», писал, что он с 14 октября «и в Верху в ночах» ночует «бес престани»¹⁶⁷. Стрельцам выдавалось жалованье: от царя — по 10 рублей, от патриарха — по 4 рубля. Некоторые умудрялись получать по 25 рублей. Но, задабривая стрельцов, царь и нещадно карал их: партиями по 30—70 человек их отправляли в ссылку в Сибирь с лаконичной формулировкой — «за их вины» и «за многое воровство». Стрельцов ссылали «в службу» в Казань, Якутск, Красноярск, Томск, Енисейск. Многие ехали с женами и детьми, которые во время длительной и тяжелой дороги погибли. На новом месте их ждали неустроенность, вымогательство воевод и обжившихся здесь ссыльных дворян.

Стрельцы бежали из ссылки обратно в Москву. Но отсюда, подвергнув наказанию, их отсылали еще дальше. Так было со стрельцами Иваном Моисеевым, Корнеем Алексеевым, Федором Максимовым, Фролом Яковлевым и другими.

Большинство ссыльных — это стрельцы-колодники разных московских приказов, лишь немногие были из Брянска, Астрахани. К сожалению, точно определить их число невозможно ввиду отсутствия систематических росписей. 18 апреля 1649 г. Поммеренинг сообщал королеве Христине: «Теперь же опять сослано в Сибирь несколько сот стрельцов по незначительным причинам» и множество лиц подверглось те-

¹⁶⁶ Записная книга Московского стола 1648/49 гг. (РИБ, т. X). СПб., 1886, с. 412—413.

¹⁶⁷ ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 261, л. 341.

лесным наказаниям¹⁶⁸. Недовольство стрельцов, помимо общих причин, было вызвано, очевидно, и тем, что шло формирование полков нового строя, вытеснявших стрелецкие подразделения.

По Москве поползли слухи о том, что «быть де замятне в Крещение»¹⁶⁹, — 6 января во время крестного хода царя и патриарха к Москве-реке. Разговоры эти имели место именно среди стрельцов.

В январе наблюдалось брожение и среди закладчиков, недовольных отписанием их в тягло и взиманием с них государевых повинностей. Это волнение было вызвано двукратным обращением посадской фракции Земского собора к правительству об отписании белых слобод к посаду и о включении закладчиков в тягло. 30 октября посадские торговые люди — представители на Земском соборе — подали челобитную с требованием вернуть закладчиков от патриарха, монастырей, служилых людей в тягло, а также включить в него жителей пригородных слобод. 13 ноября было вынесено решение — отписать закладчиков к посаду из слобод, обеленных после 1613 г. В связи с этим последовало новое представление торговых людей и 25 ноября был издан указ об отписании слобод «без лет и без сыску... всем быть его, государевым»¹⁷⁰. Это решение, видимо, было осуществлено до того, как подготовили текст Уложения в целом.

4 этап
В связи с этим начался последний, четвертый этап восстания (декабрь—январь 1649 г.), в котором главная роль принадлежала закладчикам, недовольным возвращением их в посадское тягло, а также холопам и оппозиционно настроенным стрельцам. Об этом свидетельствует известное в литературе дело закладчика боярина Н. И. Романова Саввы Корепина, утверждавшего: «...как де я был за боярином Микитою Ивановичем, и мне де добро, а ныне де меня взяли за государя, и мне де недобро». Таково, видимо, было общее мнение закладчиков, не желавших нести государевых служб и налогов. Савва Корепин указывал на своих «союзников»: «Есть де у нас много ярыжек, которые у нас живут, от тех де и почин будет. А в том заводе и все с нами, да и стрельцы, которые рук не прикладывали (очевидно, к спровоцированной царем челобитной с просьбой о возвращении Морозова. — Е. Ч.), с нами ж». Савва Корепин говорил, что «мир

¹⁶⁸ См. Городские восстания..., с. 45.

¹⁶⁹ Городские восстания..., с. 84.

¹⁷⁰ ААЭ, т. 4, № 32.

весь качаетца» и не только Морозову и Милославскому «быть побитым камнем», но и других бояр «побьем ис пищалей, а холопи де ваши все с нами ж будут!»¹⁷¹.

В среде стрельцов не было единства: Савва говорил, что они присоединятся, но брянские стрельцы Алексей Сухоногой, Алексей Максимов и Влас Иванов уверяли, что стрельцы сохранят верность царю.

Сам ход нового восстания представлялся Корепину в следующем виде: на лобное место выйдут отстраненные от власти Н. И. Романов и Я. К. Черкасский, «к ним де припадет весь мир, и свиснут де, и велят грабить и побивать» в первую очередь бояр из группы Морозова и царского тестя Милославского. И быть затем «замятне и кровопролитию великому».

Савву Корепина били кнутом и пытали клещами, а затем приговорили к смертной казни¹⁷². В тот же день подвергли мучительной казни — вырезали язык, а затем сослали на засечную черту стрельца Андрея Ларионова, также предсказывавшего «замятню на Крещение» (6 января), но связывавшего свои надежды с именем другого противника Морозова — Я. К. Черкасского.

О назревавшем восстании сообщал королеве Христине Поммеренинг. 26 января он писал, что 6 января, когда Морозов шел вместе с царем крестным ходом на Москву-реку, стрельцы «хотели убить Морозова». Расправы над крестьянами вершились прямо во дворах бояр: «В эти дни, — сообщает Поммеренинг 9 февраля, — много народу подверглось жестоким пыткам, умирают у Морозова, Ильи Даниловича (Милославского. — Е. Ч.), Пушкина». Эти расправы не прошли незамеченными и, судя по донесениям Поммеренинга, имели определенный резонанс.

Ненадежность стрельцов была настолько очевидна, что их вскоре пришлось заменить полками нового строя иностранцев (5 тыс.) под командованием голландца Букгофена. Ходили слухи о вербовке солдат в царскую гвардию от каждых 20 крестьян (6 тыс. всадников и 2400 мушкетеров). Но эти меры мало помогали. 18 апреля Поммеренинг писал, что «волнение не утихает и многие убегают прочь от страху»¹⁷³.

Таким образом, волнения в Москве длились с короткими перерывами свыше полугода и снова вспыхнули одновремен-

¹⁷¹ Городские восстания..., с. 86—87.

¹⁷² См. там же, с. 88—89, 92.

¹⁷³ Там же, с. 44—45.

но с бурными событиями в Пскове и Новгороде летом 1650 г., т. е. уже после принятия Уложения.

Как выяснил А. М. Сахаров, противодействие властям сказалось в сопротивлении посадских людей объездным головам, своего рода полицейским, следившим за порядком в слободах, принимавшим противопожарные меры и т. д. Объездным устраивали обструкцию, не впускали в слободы. Особенно крупным было движение в Ордынской сотне, насчитывавшей 273 двора, против объездных голов Матвея Зазевитинова и Василия Тихонова. Возглавил его сотский Ерофей Юров, который их «невежеством бранит, объездных бесчестит», запрещает десятским выделять им в помощь сторожей и т. д. Более того, Юров «в своей слободе заказ учинил крепкий — объездных не слушать и... объездных приказал бить ослопы». В других слободах слышались призывы подавать на объездных челобитные¹⁷⁴.

В ответ на донесение дьяка С. Заборовского от 18 июня о том, что «носица де площадная речь, будто будет на Москве грабеж», в сотни и приказы были разсланы 24 июня 1650 г. «памяти». В них говорилось, что «от каких людей услышат какие воровские на смуту речи, и они б, соцкие и старосты и всякие чинов люди, тех людей имея, приводили к вам, бояром и в приказы и велели про такие воровские речи распрашивать, и сыскивать, и будет... пытаться». В ответ были получены «сказки» старост и «лутчих людей» московских дворцовых и черных слобод, в которых говорилось, что «сами они не воры и в слободах де у них воров нет», и затем давались стереотипные обязательства: «А будет впредь какой воровской человек у нас в слободе объявится или отколь какие затейные смутные речи услышим, и мы де на тех людей государю и его государевым бояром станем извещать, а будет и он скажет, и мы станем иметь и приводить в приказы». Так после разгрома московского восстания и издания Уложения 1649 г. верхушка посада проявляла свои верноподданнические чувства.

Сотские двенадцати черных слобод уверяли, что у них «все смирно», «а дурна и никакова заводу у них в слободах нет и впредь не будет»¹⁷⁵. Чернослободам предписывалось приводить посадских в Земский приказ для пытки. Особенно

¹⁷⁴ См. Сахаров А. М. Из истории Москвы середины XVII в. — «Вестник Московского университета», 1963, № 3, с. 47.

¹⁷⁵ ШГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 272, ч. 1, лл. 207—210, 213—215, 222.

тревожили двор настроения в стрелецких слободах. Пятидесятиникам и стрельцам было велено, «чтобы они воров и мятежников имали и приводили в Стрелецкий приказ» к И. Д. Милославскому. В связи с исковским и новгородским восстаниями вновь последовали ссылки в Сибирь решеточных сторожей, стрельцов, холопов, посадских людей¹⁷⁶.

*

*

Рассмотрев ход и движущие силы московского восстания, мы пришли к выводу, что это было крупное антифеодальное и антиправительственное движение. Вопреки установившейся традиции ограничивать восстание первой декадой июня, мы считаем, что оно длилось полгода — с 1 июня 1648 г. до конца января 1649 г. и прошло несколько этапов.

Первый этап. С 1 июня до середины июня, когда инициатива находилась в руках восставших, наблюдался наиболее острый период восстания. Правительство Морозова было свергнуто, дворы феодальной знати, дворян, крупных купцов разгромлены, большая часть кварталов города в центре Москвы сожжена. Воспользовавшись движением широких кругов посада, гулящих, холопов и стрельцов, съехавшиеся в столицу дети боярские 10 июня подали царю челобитную. Хотя в этом документе ничего не говорилось о требованиях самих восставших, он имел антибоярскую направленность, выдвигал идею созыва Земского собора и претендовал на выражение всеобщих интересов.

Второй этап. Летом 1648 г. весть о движении в столице разнеслась по всей стране и нашла отклик в разных ее районах. Несмотря на начавшиеся репрессии, в Москве продолжались выступления холопов, не прекращалось бегство и движение крестьян в поместьях и вотчинах. Новое правительство Н. И. Романова вело энергичную подготовку к созыву Земского собора и спешно готовило принятие Уложения.

Третий этап. В сентябре — ноябре 1648 г. вновь подняли голову представители верхов посада и дворян, которые предъявили свои требования правительству. Теперь они сбросили с себя тогу защитников «всего народа». Морозова возвратили в столицу; его противники ушли в отставку.

¹⁷⁶ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 369, лл. 172—236.

Четвертый этап. В декабре — январе усилилось недовольство закладчиков, стрельцов. В начале января назревало открытое выступление, которое, однако, в тот момент не произошло. В январе продолжались репрессии, недовольных ссылали в Сибирь. В принятом в конце января 1649 г. Уложении были удовлетворены требования дворян и верхов посада.

Московское восстание показало не только классовые противоречия, но и внутрисословную борьбу различных групп городского населения. Это отчетливо проявилось в соглашательстве «лучших» людей посада и стремянных стрельцов, стремившихся договориться с правительством. Московское восстание имело исключительно важное значение как движение в столице, получило политическую окраску и послужило мобилизующим стимулом к восстаниям во многих других районах страны.

ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ НА ЮГЕ РОССИИ В СЕРЕДИНЕ XVII в

§ 1. Города юга накануне восстаний

Народные движения в дореволюционный период были изучены сравнительно меньше в южных городах России, чем в других районах страны. Разрозненные документы о некоторых из них публиковались А. Н. Зерцаловым, печатались в «Актах Московского государства», «Русской исторической библиотеке» («Донские дела») и др. В советской историографии этим движениям уделялось больше внимания. Документы о восстаниях в Козлове (ныне Мичуринск) и Курске опубликованы в сборнике «Городские восстания в Московском государстве XVII в.» с подробной вступительной статьей К. В. Базилевича. Восстание в Курске подверглось специальному исследованию в статье Г. А. Новицкого «Курское восстание 1648 г.» («Историк-марксист», 1934, № 6). Некоторое внимание восстаниям на юге уделил в своей монографии П. П. Смирнов. Он трактовал их как отклики на восстание в Москве в 1648 г. и придавал неправоммерно большое значение якобы имевшей место борьбе посадских и служилых людей. Положение населения южной окраины изучали историки разных поколений (А. А. Новосельский, В. М. Проторчина, В. А. Александров, Е. И. Вайнберг, В. М. Важинский и др.). Украинские историки А. К. Касименко и Ф. П. Шевченко обратили внимание на одновременность освободительной борьбы под руководством Б. Хмельницкого и восстаний в городах, расположенных по Белгородской черте.

Волнениям в городах юга посвящен ряд статей автора

настоящей работы¹. В них рассмотрены вопросы о составе участников восстания, о превращении крепостей юга в центры ремесла и торговли, о волнениях и проявлениях недовольства на Белгородской черте и за чертой, о связи этих волнений с освободительной борьбой украинского народа. Автору удалось выявить и ряд новых архивных материалов в фондах Разрядного приказа и в других фондах. В числе этих материалов значительный интерес представляют приговорные записи, речи и другие источники, характеризующие идеологию восставших.

Известная фрагментарность материалов, которыми располагают исследователи, и отсутствие необходимых обобщений привели некоторых историков к принижению значения борьбы на юге, сведению ее лишь к отдельным эпизодам².

Полезная публикация документов о населении южной окраины России в конце XVI — начале XVII в. издана Г. Н. Анпиловым, перу которого принадлежит также статья «Положение городского и сельского населения Курского уезда накануне восстания 1648 г.» Рисуя разорение жителей от татарских набегов, автор заключает, что в результате этого недовольство населения «приобрело особую остроту». Мы не можем согласиться ни с его утверждением о том, что с постройкой Белгородской черты набег татар с юга участились, а тяжесть военной службы увеличилась, ни с тем, что «в монастырских слободах проживала основная масса тяглого населения Курска»³. В слободах духовенства-беломестцев жили крестьяне (закладчики и др.), освобожденные от несения государева тягла.

Небольшие разделы о восстаниях в некоторых южных городах содержатся в очерках по истории отдельных городов. В монографии В. П. Загоровского «Белгородская черта»⁴ специальная глава посвящена волнениям в Воронеже, Козлове, Усмани и в других городах. Все это дает основание не останавливаться подробно на ходе заселения южной ок-

¹ См. Чистякова Е. В. Воронеж в середине XVII в.: ее же. Приговорные записи XVII в.; ее же. Состав следственных дел.; ее же. Волнения служилых людей на юге России в XVII в. — В кн.: Русское государство в XVII в. М., 1961.

² См. рецензии на сб. «Русское государство в XVII в.» К. Н. Сербинной («История СССР», 1962, № 6) и С. М. Тронцкого («Вопросы истории», 1962, № 10).

³ «Вестник МГУ», 1972, № 5, с. 49, 53, 56.

⁴ См. Загоровский В. П. Белгородская черта. Воронеж, 1969, с. 244—277.

районы, характеристике состава населения и конкретно-исторической обстановке на юге России в середине XVII в. Осветим лишь основные аспекты этой темы.

Непрерывные набеги татар затрудняли хозяйственное освоение черноземной степи. Создание централизованного государства позволило приступить к постройке мощных заградительных сооружений против татар — засечных черт Рязанской, Белгородской, Симбирской и др.

Как отмечал в своей монографии о России XVI в. М. Н. Тихомиров, с этого времени «в диком поле возникают новые города, заселяются, осваиваются новые районы, устраиваются сторожевые засеки, организуется станичная служба»⁵. И если в XVI в. «главной оборонительной линией России служила Ока», а к концу века она уже проходила по Быстрой Сосне, верховьям Сейма и Северного Донца, то с середины 30-х годов XVII в. Белгородская черта спустилась значительно южнее: от р. Ворсклы на юго-западе она протянулась на северо-восток до р. Цны⁶. В диком поле появлялось все больше юртов, ухажав, бортовых и рыболовных угодий. Таким образом, границы неосвоенной, слабо заселенной области на юге непрерывно менялись и имели тенденцию к сокращению.

Но не только стратегические цели побуждали правительство сооружать крепости, часто на месте прежних поселений. В конце XVI — начале XVII в., когда правительство провело ряд общих мер по закреплению крестьян и оформлению крепостного права, усилились их массовые побегии. И именно в этот период на юге возникло большое количество вольных поселений. Правительство было заинтересовано в освоении богатых земель. Служилые по отечеству (дворяне, дети боярские) и мелкие приборные чины (стрельцы, пушкарри, драгуны, казаки и пр.) в качестве основного жалованья получали здесь землю, хотя и на разных основаниях. За это они несли пограничную и городовую службу. Таким образом, в освоении южных окраин играли роль не только внешнеполитические цели, но и социально-экономические условия.

Структура южного города, его экономика и социальное положение жителей зависели от двух моментов. С одной стороны, крепости сразу же становились экономическими центрами сельской округи, в которых развивались ремесла и торговля, с другой — город на юге, как установил А. А. Ново-

⁵ Тихомиров М. Н. Россия в XVI столетии, с. 415.

⁶ Загоровский В. П. Указ. соч., с. 160—244.

сельский, был формой организации служилого населения, жившего за его стенами и в уезде.

Жители гарнизона делились на две основные группы — служилых людей по прибору и служилых по отечеству. Постоянно нуждаясь в пополнении воинских гарнизонов южных городов, правительство допускало запись в приборные войска беглых крепостных крестьян, боярских холопов, а также людей из малообеспеченных слоев посадского населения. Специальные указы царя в 1638 г. и даже после принятия Уложения разрешали принимать на службу крестьян в окраинных городах с выдачей за них денежной компенсации помещикам.

Однако дворяне центральной части России были против этого и требовали полного и безоговорочного соблюдения своих крепостнических прав. Обращаясь к царю, они неоднократно жаловались, что «беглые де их крестьяне, и бобыли, и их дети, и братья, и племянники, и зятья, и пасынки живут в государевых окраинных городах по черте и в полевых городах» в течение 5—10 и более лет и требовали возвращения беглых в свои поместья и вотчины. Но тревожная обстановка в этом районе в связи с набегами крымских татар удерживала правительство от решительных мер борьбы против беглых и заставляла смотреть сквозь пальцы на состав новоприборных служилых людей.

Как гласил указ, изданный еще в сентябре 1646 г. в отношении некоторых уездов, «тех сел крестьянам и бобылям за помещики быть не велено», а велено «жить за государем, где они живут». В связи с этим они получали некоторые налоговые льготы. 5 марта 1653 г. был издан указ, по которому крестьяне и бобыли, бежавшие в южные города от феодалов до 1649 г., не подлежали возвращению, «чтоб черты не запустошить»; утрата рабочих рук компенсировалась феодалам деньгами (20 руб. за семейного, 10 руб. за холостого)⁷. Таким образом, нужды обороны на юге заставляли правительство лавировать.

Следует отметить, что кроме крестьян и холопов в разряд служилых людей по прибору на юге попадало большое количество и посадских людей, разорившихся вследствие больших государственных поборов.

За свою беспокойную и опасную службу служилые по прибору получали земельные участки. Земля давалась не индивидуально, а на весь гарнизон как на общину, причем

⁷ ЦГАДА, Разряд, Севский ст., стб. 154, ч. 2, лл. 688—689.

участки им отводились наименее удобные, чересполосно с чужими владениями⁸.

Приборные люди платили государству налог, так называемый четвериковый хлеб, и обязаны были обрабатывать большой участок десятинной пашни, которая распахивалась «на государя». Под десятинную пашню отводились наиболее плодородные земли чернозема, расположенные возле самого города.

Таким образом, рядовая масса приборных людей, платившая натуральный налог и работавшая на государственной барщине, была поставлена правительством в тяжелые условия и подвергалась феодальной эксплуатации со стороны крепостнического государства.

Живя в городских слободах, казаки и стрельцы занимались торгово-ремесленной деятельностью. До 30-х годов XVII в. служилые люди могли заниматься торговлей, не платя никаких пошлин. Однако правительство постепенно лишило их этого права. В 1643 г. все их лавки, приобретенные после 1624 г., были переданы горожанам — посадским людям. С 1649 г. служилые люди обязаны были платить денежный оброк за пользование лавочными помещениями и таможенную пошлину за занятие торговлей. Если же их торговые обороты превышали 50 руб. в год, то дворы служилых включались в посадское тягло, а сами они лишались хлебного жалованья.

Как видим, система комплектования гарнизонов служилыми по прибору и условия их жизни сближали их с крестьянством и частично с низами посада. Этим в какой-то степени объясняется та легкость, с какой они присоединялись к народным движениям.

Однако из служилых по прибору заметно выделялась наиболее обеспеченная группа: головы, сотники и пятидесятники, а также беломестные атаманы. Они получали по 50 четей земли, а рядовые лишь по 10—15, использовали на своих участках труд крестьян и новоприборных людей. Верхушка приборных часто выполняла полицейские функции и была близка к администрации.

Совсем иную группу в воинском гарнизоне составляли служилые люди по отечеству^{8а}. К ним принадлежали дворяне

⁸ См. Миклашевский И. К истории хозяйственного быта Московского государства, ч. I. М., 1894, с. 83.

^{8а} О положении этой категории людей подробнее см. В. М. Важинский. Землевладение и складывание общины однодворцев в XVII веке. (По материалам южных уездов России.) Воронеж, 1974.

и дети боярские поместной службы (дети боярские городово́й службы были ближе к служилым по прибору). По обеспечению земель и денежным жалованьем они делились на несколько разрядов — статей: дворяне получали в качестве оклада от 600 четей земли и 25 руб. жалованья до 100 и меньше четей земли и 12 руб. жалованья, дети боярские поместной службы — от 200 четей земли и 5 руб. до 40 четей земли и 3 руб. жалованья.

Правительство Романовых свою социальную опору на юге видело в мелких помещиках⁹. Оно предоставляло им различные привилегии и в какой-то мере ограждало южные земли от проникновения крупных вотчинников. В челобитных царю (до 1649 г.) эта группа феодалов просила прикрепить к ним крестьян навсегда, лишив их права перехода, увеличить размеры земельного и денежного жалованья, реформировать суд, больше привлекать дворян к управлению на местах.

Основную часть немногочисленного населения городских посадов юга составляли «средние» и «молодшие» люди, которые занимались различными ремеслами, мелким торгом, занимались греботами и кормщиками на суда. В городах существовала некоторая прослойка рабочих, или, как их называли в XVII в., гулящих людей, — ярыжек, которые, не имея земли и не занимаясь ремеслом и торговлей, вынуждены были идти в наймиты и «кормитца работою своею»¹⁰. Неизменным спутником феодального города в то время являлась слобода нищих, или «кормящих старцев». Писцовая книга Воронежа приводит прозвища жителей этой слободы: Слепой, Хромой, Гнилой и т. д.¹¹.

Основное бремя налогов и городских служб, так называемое государево тягло, ложилось на «средних» и «молодых» посадских людей, поэтому правительство принимало меры к закреплению на местах этой части горожан. В 1642 г., например, был даже издан специальный указ, по которому намечено было произвести перепись всех жителей города со строгим напутствием, что им «до нашего (царского.— Е. Ч.) указа никуда не сойти»¹². Из этого видно, что закрепление

⁹ См. Сторожев В. Н. Воронежское дворянство по десятилетиям XVII в. — «Памятная книжка Воронежской губернии за 1894 г.», с. 79.

¹⁰ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 115, ч. 1, л. 318.

¹¹ См. Материалы для истории Воронежской и соседних губерний, т. II. Под ред. Вейнберга Л. Б. и Полторацкой А. А. Воронеж, 1891, с. 236 (далее — Материалы...).

¹² Там же, т. I, с. 33—34.

горожан началось задолго до принятия Уложения 1649 г.

Естественно, что никакие меры правительства не могли приостановить бегство горожан вниз по Дону в казачьи вольные городки, на Волгу или уход с посада в хозяйство какого-либо феодала-льготника или беломестца.

Небольшую группу горожан составляли приказные служащие, работавшие в воеводской канцелярии: дьяки, подьячие, толмачи (переводчики) и пр. Приказная бюрократия существовала за счет посадских людей и вызывала их раздражение бесконечными злоупотреблениями.

Довольно многочисленным было духовенство. В городах имелись дворы церковных крестьян, бобылей и монастырских ремесленников. Во время восстаний последние обычно присоединялись к городской бедноте.

По мере того как граница татарских набегов отодвигалась на юг, в городах юга все больше увеличивалось население, занятое ремеслом и торговлей. Из военной крепости город все более превращался в хозяйственный и административный центр.

Благодаря наличию различных категорий служилых людей на юге, которые жили в городе, а вместо жалованья получали землю и по необходимости занимались сельским хозяйством, в экономическом отношении город и уезд были тесно связаны. Это накладывало существенный отпечаток на социальные отношения и направление классовой борьбы. Составлявшие большинство населения служилые люди по прибору были близки, как мы говорили, по своим занятиям и к посаду, и к крестьянам. Поэтому они были не антиподами (как считал П. П. Смирнов), а скорее союзниками в борьбе.

§ 2. Борьба крестьян юга в середине XVII в.

Увеличение помещичьего землевладения, массовые испомещения служилых людей и усиление крепостной зависимости в сочетании с ростом государственных налогов толкали крестьян юга на различные формы борьбы. Она шла непрерывно и проявлялась как в неповиновении, «непригожих речах», единичных и групповых побеггах, «разбоях», поджогах усадеб, убийствах помещиков, так и в многочисленных выступлениях различного размаха и яркости.

В период строительства г. Козлова в город бежали 300 человек: кроме того, покинули свои места крестьяне Ново-

спасского монастыря из г. Лебедяни. То же произошло во время основания Ефремова, Корочи, Усерда, Вольного и т. д.¹³ Из 346 елецких беглецов 115 вновь попали в зависимые люди, 169 — в служилые люди (из них 11 человек — в дети боярские, остальные — в стрельцы, казаки, солдаты, пушкари), 62 человека ушли «безвестно»¹⁴. Особенно усилилось проникновение крестьян в служилые люди в 40-х годах, когда создавались драгунские полки и набирались «вольные» люди для отправки на Дон.

В связи с походом в марте 1646 г. на Крым со Жданом Кондыревым была отпущена большая казна для донских казаков. Из Астрахани была направлена на Дон армия под командованием С. Р. Пожарского и А. Хрушова. Кроме того, дворянин П. Красников должен был набрать тысячу ратных людей в Пронске, Ряжске, Козлове, Лебедяни, Епифани, Данкове, Ефремове, Сапожке, Михайлове и Воронеже — «от отцов дети, от братья братью, от дядь племянников, которые... не в службе, и не в тегле, и не пашеной крестьянин»¹⁵.

Тульские помещики, например, жаловались, что крестьяне при уходе в служилые люди «многих нас разорили без остатку.., а ныне мы обезлюдили, спешили, и безоружены и обногатели, и всем оскудели».

Уже в наказе Ж. Кондыреву указывалось не принимать «в охочие в вольные люди» крестьян и бобылей из Лебедянских вотчин князя А. Н. Трубецкого. Когда через месяц набранная армия прибыла в Воронеж, город был заполнен толпами по 40—50 человек, которые, по сообщению воеводы А. В. Бутурлина, чинили «многие убойства и грабеж большой» в уезде и на посаде.

25 апреля Ж. Кондыреву в Воронеж была послана грамота, в которой указывалось не принимать в армию крестьян и холопов даже «спорных». Всего было набрано 2520 человек. В конце апреля, когда началась раздача жалованья за вычетом одной гривны с человека (за суда), эти люди осадили съезжую избу и потребовали к ответу Ж. Кондырева «с великим шумом и угрозами». Потом они отошли от съезжего

¹³ См. Новосельский А. А. Борьба Московского государства с татарами в первой половине XVII в. М.—Л., 1948, с. 156—166, 301.

¹⁴ См. Вайнберг Е. И. Классовая борьба... с. 84.

¹⁵ Донские дела, кн. II (РИБ, т. XXIV), стб. 765—889.

двора и вместе с донскими казаками устроили круг (собрание), на котором осудили действия администрации.

На этом столкновения в городе не прекратились. Помещики и состоятельные лица начали вести тяжбы с беглыми людьми. Так, «человек» А. Бутурлина Иван Чемоданов потребовал у бежавших кабальных людей Федора Долгого и Замышляя с товарищами возвращения имущества и лошади. Они записались вольными людьми и остановились в Монастырской слободе против стоянки донского атамана Павла Федорова. Когда пристава попытались задержать беглых, начался уличный бой, в котором на стороне крестьян приняли участие донские казаки. Атаман гордо ответил: «...у нас де выимки не бывает». А казак Иван Агарыш, придя к съезжему двору, напомнил Ж. Кондыреву о судьбе дворянина Ивана Карамышева, убитого казаками на Дону. С тех пор пристава не осмеливались требовать беглых людей.

17 апреля от самого воеводы А. В. Бутурлина, захватив его имущество, бежали 5 холопов. Больше всего Бутурлина возмущало то, что «ходят оне на Воронежи явно и грозят мне, холопу твоему, убойством», а казаки не выдают их обратно! Сверх набранных трех тысяч в Воронеж густым потоком непрестанно ехали и шли «из-за монастырей и от детей боярских с пашен крестьяне, и с службе стрельцы, и козачи, и их дети, братья, и племянники». Но дело не ограничивалось бегством. При уходе беглые «детей боярских, за кем живали, побивают и многих грабят, и дворы их и гумна зажигают». Таким образом, в южных уездах развертывалось массовое бегство, перераставшее в открытое крестьянское восстание.

Тем временем в Воронеже продолжались беспорядки. Беглые крепостные князя Д. П. Львова открыто продавали в городе его лошадей, сабли, седла, жемчужные ожерелья и платье. Поскольку они находили приют у казаков, воевода был бессилен их вернуть. Он сообщал, что к концу апреля в Воронежском уезде никто не начинал пахать пашню, так как беглые крестьяне «детей боярских, и атаманов, и стрельцов, и казаков, и торговых людей побивают и грабят».

25—26 апреля 1646 г. в Воронеже произошло восстание «вольных» людей. У стругов, где грузили запасы, находился А. В. Бутурлин. К нему направилась толпа людей с «непригожими словами». Когда же на помощь воеводе подошел Ж. Кондырев, из толпы вышел Иван Борборский и снова пригрозил ему расправой. Никто из «вольных» не выполнил

приказа Кондырева об аресте Борборского. И только атаман Павел Федоров отвел его в тюрьму. На другой день, 26 апреля, во время раздачи жалованья на съезжий двор явились 1000 человек во главе с Василием Барабанщиком и Иваном Глухим, которые стали обвинять воевод в утайке жалованья. «Не отсидетца де вам от нас в приказе!» — говорили они. Целый час шел круг «с великим шумом». Атаман и «нарочитые добрые люди» уговаривали «вольных» разойтись, но они не унимались. Ж. Кондыреву пришлось прийти в круг. И здесь поддержка атамана и «нарочитых» сыграла свою роль. Василий Барабанщик и Иван Глухой были арестованы. 27 апреля на кругу В. Барабанщик был расстрелян, а Ивана Борборского и Ивана Глухого били ослопьями «как у них на Дону ведетца».

2 мая, после отправки сформированных отрядов на Дон, Бутурлин потребовал, чтобы Кондырев держал ответ перед приехавшей делегацией дворян и детей боярских Тулы, от которых «кабальные их люди и крестьяне с пашен писались на Воронеже... в вольные...» Разъяренные дворяне шумели и позорили Кондырева «всякими неподобными словами». Но беглые не были выданы. Более того, когда из Москвы пришел указ о выдаче беглых кабальных людей Боборыкина — Ф. В. Шилова, С. Л. Панова, М. Г. Шатарина — атаман Иван Каторжной отверг это требование. «Нам де государев изусной приказ, что боярских беглых людей выдавать не велено», — говорили повстанцы. Бутурлин, подчеркивая близость позиций беглых и казаков, писал царю: «И у всех, государь, здешних людей с казаками заодно, потому что сами с ними от беглых людей корыстуют, и донские казаки им знакомцы и племя».

В 1646 г., когда было объявлено о наборе Ж. Кондыревым служилых людей для похода на Дон, атаман Андрей Покушелов возглавил поход «вольных людей» к Воронежу. Из Камарицкой волости, Путивля, Рыльска, Курска он привел тысячу человек к селу Девица Воронежского уезда — беглых московских стрельцов, «холопей боярских», бездворных самочинных «вольных казачишек». Воевода А. В. Бутурлин писал в Москву с просьбой прислать указ, чтобы «от вольных бы людей здесь твоим государевым ратным служилым всяким людям грабежу и убойства, насильства и наложи б не было, и город бы был не запустошен и люди б не разорены и служеб бы своих не отбыли».

Пока полк Покушелова не был отправлен на Дон, воз-

вода много раз «был позорен, и лаен», его и «убить и разграбить хотели». А. Покушелов, назвавшийся атаманом, вел себя под Воронежем независимо. Вольные люди «по наученью. Андрея Покушелова» отказались идти на Дон под командованием дворянина Петра Красникова. Они хотели идти своим казачьим строем. Антибоярские настроения достигли своего апогея, когда Покушелов объявил царские грамоты «неправыми», ложными и заставил их читать «во все войско». Когда к Покушелову в лагерь, расположенный у Акатова монастыря, был прислан казачий голова С. Поздняков, чтобы изъять холопов, бежавших из Москвы от стольника В. Бутурлина, Покушелов «ухоронил» их в лесу, а Позднякова посадил на три дня под арест, а затем сам «учал у себя писать и прибирать вольных людей». Наконец, в конце мая полк Покушелова на судах спустился к Дону.

Часто люди, набранные для походов на Дон, убегали. Во главе с Федором Бесчастным, подняв знамена, ушли с Дона шацкие и тамбовские отряды. Они грабили богатых казаков и поселения на Дону, Донце и запольных реках. Грамота предписывала ловить беглецов, поимку поощрять денежным жалованьем, за утайку беглых брать пеню в размере 100 рублей. Пойманных было велено подвергать подробному допросу, нещадно бить кнутом, отбирать деньги и оружие и обо всем срочно сообщать в Новгородскую четь в Москву. Воеводам приказывалось беглецов «сыскивать неоплошно», а за промедление им грозили опалой и казнью¹⁶.

Таким образом, крестьяне, попадая из центральных уездов на юг и неся всю тяжесть по хозяйственному освоению дикого поля, оказывались также объектом ожесточенной эксплуатации со стороны мелких помещиков. Допуская некоторый отток их в отряды «вольных» и в гарнизоны, правительство в принципе охраняло права феодалов. Указ 1637 г. о 12 заповедных городах лишь на короткое время задержал распространение крупного феодального землевладения на юге¹⁷. Подводя итог, необходимо констатировать, что на юге крестьяне боролись против закрепощения, перераспределения земель и угодий, растущего налогового гнета и многочисленных повинностей в пользу государства, особенно возросших в условиях колонизации окраин и связанного с нею строительства новых крепостей.

¹⁶ ААЭ, т. IV, № 10.

¹⁷ См. Новосельский А. А. Распространение крепостнического землевладения., с. 21—40.

Наиболее крупным движением крестьян на юге было восстание монастырских крестьян в Курске в июне 1648 г.

Среди южных городов Курск был крупным населенным пунктом¹⁸. Он располагался на возвышенности; полуторакилометровая острожная стена из дуба, рубленая, с восемью башнями, превратила его в крепость.

Несмотря на то, что город был расположен внутри Белгородской черты, он имел определенное военное значение. В середине XVII в. к нему было приписано 1257 дворян и детей боярских (из них 1 был в «выборе», 8—10 — дворовые, остальные — городовые), 111 стрельцов, 175 полковых и 25 беломестных казаков, 53 пушкаря и другие приборные люди, 16 человек «черкас»¹⁹.

В Курске было два монастыря: Троицкий девичий, игуменьей которого была властная старица Феодора²⁰, и Богородицкий мужской. Троицкий монастырь, упомянутый в писцовой книге в 1631 г., находился на посаде. Он владел деревнями, насчитывавшими 26 крестьянских и бобыльских дворов, а в городе ему принадлежало 2 слободы (в 131 и 119 дворов, в которых насчитывалось 304 человека мужского пола). Население слобод в основном состояло из ремесленников (кузнецы, гончары, портные, сапожники) и торговцев. Богородицкий (впоследствии Знаменский) мужской монастырь, основанный в 1612 г., находился на горе, в остроге, имел 80 дворов, обширные владения в уезде (2405 четв. земли в поле), села и деревни²¹.

Курские монастыри по грамоте от 22 июня 1619 г. освобождались от государственных податей (например, от сдачи отсыпного хлеба и пр.), а в 1629 г. Богородицкий монастырь получил тарханную грамоту о правах и льготах:²² «Не надобе им ни дань, ни ям, ни подводы, ни мыт, ни тамга, ни

¹⁸ Изучение оброчных, таможенных и других книг (ЦГАДА) показало, что в XVII в. Курск был крупным экономическим центром. См. кн. Курск. Очерки из истории города. Курск, 1957.

¹⁹ См. Танков А. А. Историческая летопись курского дворянства. М., 1913, с. 131.

²⁰ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., кн. 10, лл. 160, 288, 307.

²¹ См. Златоверховников Н. И. Памятники старины и нового времени и другие достопримечательности Курской губернии. Курск, 1902, с. 8.

²² См. Лебедев А. Вотчинный быт монастырей Курского Знаменского и Белгородского Николаевского. Харьков, 1892, с. 33; Истомин И. Историческое описание Курского Знаменского монастыря. Курск, 1857, с. 51.

восьмичасовое, ни портное, ни скатертное, ни пятинное, ни куницы, ни хмелевого склада, ни плотники, ни половников, ни двора волостелева не ставить, ни становищикам, ни к десятскому не тянуть, ни в казне пошлины платить». Впоследствии эти льготы были подтверждены²³. Обоим монастырям принадлежало 34 лавки в рядах и 40 кузниц.

Монастырские крестьяне — это были в основном беглые люди из центра страны. Они предпочитали оседать на «обеленных» монастырских землях, или в «белых» слободах. Здесь они занимались не только ремеслом, но и торговлей. По сравнению с другими разрядами крестьян монастырские крестьяне имели некоторые преимущества. Богородицкий монастырь не вносил в государевы житницы отсыпной хлеб, что облегчало положение его крестьян. Селясь на монастырских землях, крестьяне получали льготы: освобождались от палогов на 5—20 лет, от налога «за мертвую голову», от подводной повинности и службы проводниками. Следует, однако, учитывать, что и на монастырских землях крестьяне подвергались феодальной эксплуатации. Монастырь осуществлял над ними финансовую, полицейскую и административную власть. Крестьяне выполняли барщину²⁴.

Несмотря на разнообразные повинности, положение монастырских крестьян было предпочтительнее тяжелой службы приборных людей. Показательно, что после Смоленской войны из Курска и уезда бежали 546 человек. «Роспись беглым крестьянам», составленная в 1652 г., показывает, что лишь 33 беглых были церковными и монастырскими крестьянами, а остальные принадлежали дворянам и детям боярским²⁵.

Усилия правительства в обеспечении дворян землей и крестьянами, а также нужды обороны на юге вели к ущемлению интересов беломестцев, что, безусловно, раздражало духовенство. Противоречивые и взаимоисключающие распоряжения из центра только усугубляли нарастающее недовольство правительством и его представителями на местах как закладчиков, так и их владельцев, поэтому на какой-то очень короткий момент их интересы совпали.

В связи с борьбой против закладничества (с утечкой тяг-

²³ См. Памятная книжка Курской губ., 1860, с. 60; Милютин В. А. О недвижимых имуществах духовенства в России. М., 1862, с. 222—223.

²⁴ См. Багалея Д. И. Очерки из истории колонизации степной окраины Московского государства. М., 1877, с. 215.

²⁵ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 266, лл. 140—161.

лецов), проводимой правительством Б. И. Морозова, периодически в частных слободах устраивался сыск беглых крестьян, посадских и служилых приборных людей. Так, стрелецкому и казачьему голове Константину Теглеву вменялось в обязанность: «Тех курских стрельцов и казаков, которые преж сего разбежались и живут за монастыри, и за попы, и за дворяны, и за детьми боярскими в вотчинах и в поместьях во крестьянах, свесть в Курск в стрельцы и в казаки — попрежнему»²⁶. Это вызвало резкое недовольство монастырских властей и восстание крестьян.

События разворачивались так: после получения указа игуменя Троицкого девичьего монастыря Феодора, старица Ульяна, игумен Богородицкого монастыря Дионисий и представитель закладчиков, очевидно приказчик Козьма Воденицын, направились в Москву. Все они стали свидетелями московского восстания в июне 1648 г. Игуменье Феодоре удалось получить грамоту о том, что сыском должен заниматься воевода Федор Лодыженский²⁷. О содержании грамоты воевода сообщает в своей отписке царю от 13 июля 1648 г. следующее: «Которые за монастыри, и за протопопом, и за попы крестьяне их и бобыли в писцовых книгах написаны, а не (бе)глые и не старинные стрельцы, и казаки, и тех крестьян их и бобылей в стрельцы и в казаки иметь из-за них не велено. А которые беглые стрельцы и казаки живут за ними, и в крепостях написаны за ними ж, и о том велено писать к тебе, государю. А которые беглые стрельцы и казаки за ними в крепостях не написаны, и тех велено иметь попрежнему в стрельцы и в казаки»²⁸. Таким образом, в грамоте содержалось очень существенное разъяснение: достаточно было иметь крепостные грамоты на беглых, чтобы приостановить их сыск и возврат в состав гарнизона.

В день их возвращения, 4 июля, по дворам ходил Андрей Наумов (из Оскола) и предупреждал крестьян, что нельзя допустить отъезда Теглева в Москву: «И вы де ево не упускайте — и убейте»²⁹. Из дворов вышли человек 10 крестьян. Среди закладчиков носились слухи об указе, якобы запрещавшем сыск. Как всегда, крестьяне слепо верили в силу царского «указа». 5 июля перед съезжей избой собралось около 50 человек, перед которыми воевода «вычел» грамоту

²⁶ Танков А. А. Указ. соч., с. 358—359.

²⁷ См. Городские восстания..., с. 111.

²⁸ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 269, лл. 568—569.

²⁹ Там же, л. 331.

о сыске всех, кроме записанных в «крепостях». Среди пришедших были крестьяне Богородицкого и Троицкого монастырей, новозаписанные стрельцы, служилые по прибору и посадские люди³⁰.

Как только воевода стал читать грамоту, к съезжей избе начали сходитья люди, вооруженные палками. В этой пестрой толпе главной силой были монастырские крестьяне³¹. Они требовали выдачи Теглева. Его судьба была предрешена. Козьма Воденицын вел открытую агитацию за расправу с Теглевым. Он говорил: «Как пойдем с государевою грамотою к воеводе, и мы убьем голову Константина Теглева...»³². «На Москве и лутчи ево убили, — говорил этот свидетель, а возможно, и участник московского восстания, — а я де вам починщик, горла де ему перережу»³³. За Теглевым посылали трижды. Когда он явился, ему объявили о грамоте, но он назвал ее «воровскою». Это вызвало всеобщее негодование, «учинился страшный шум», произошла перебранка с духовенством. Теглев грозил протопопу Григорию лишением сана, на что тот ответил: «Ты де меня зделаешь без скуфьи, а я де тебя зделаю без головы»³⁴.

Как только Теглев попытался уйти из съезжей избы, выступили крестьяне, вооруженные дубинками, которые хотели его убить. Он бросился обратно в съезжую избу. Воевода просил мужиков разойтись. Он приказал бить «всполошный» колокол, звать «лутчих мужиков», духовенство, но «старые» мужики из слобод не пришли. Это свидетельствует о единодушии крестьян. Попы и дьяконы поняли опасность такого дружного выступления и людей «унимали и отбивали», но безуспешно. Хитрая старица Феодора, видя, что возмущение крестьян перерастает в открытое восстание, обвинила в этом воеводу.

Часть восставших отправилась громить двор Теглева (впоследствии его родственники предъявили иск на 2 тыс. руб.³⁵). Другие держали в осаде съезжую избу, где заперлись воевода, Теглев, протопоп, попы, осадный голова, губной староста и подьячие. Четыре часа они сидели в осаде, но

30 См. Городские восстания..., с. 109—134.

31 ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 269, л. 10.

32 Городские восстания..., с. 124.

33 ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 269, л. 77.

34 Городские восстания..., с. 111.

35 ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 269, лл. 1—574.

осаждавшие съезжую избу продолжали настаивать на выдаче Теглева. Лодыженский вел переговоры с ними из окна и убеждал, что без государева указа Теглева убивать нельзя. Наконец, восставшие взяли брус, выбили дверь и ворвались в избу. Козьма Воденицын, Федор Слонов, Константин Фильшин, Кирилл Анпилогов, Яков Копейкин схватили Теглева и, вытащив его в сени, убили и бросили на улицу.

Обычно принято излагать ход восстания так, будто репрессиям подвергся один Теглев. В действительности пострадал не только стрелецкий голова — денщику Чичирину проломили голову. Воевода и осадный голова выпрыгнули в окно, скрылись в соборной церкви, которая, по поверью, давала неприкосновенность. Здесь же спрятались 7 человек дворян, включая стрелецкого сотника В. Н. Шевлякова, так как их «хотели побить тут же». Таким образом, восставшие угрожали расправой дворянам и представителям местных властей.

Семен Логачев из Девичьей слободы впоследствии рассказывал: «...а похвалялись те воры [убить] и меня, холопа твоего, и дворян лутчих и мужиков богатых». В городе, вопреки запрету воеводы, были открыты все кабаки. В них собирались посадские и служилые приборные люди, обсуждавшие развернувшиеся события. Таким образом, движение крестьян смыкалось с проявлением недовольства со стороны горожан и приборных людей.

Под угрозой расправы находился и сам воевода, фактически потерявший власть в городе. Еще до расправы с Теглевым ему говорили: «Не стой за вора, нам де его убить!». Затем к воеводе приходили Ивашка Батурин и Сергей Брагин и угрожали: «Будет де и не одному тому (Теглеву. — Е. Ч.), только б де нам до пятницы!» По пятницам в Курске был торговый день и в город съезжалось много жителей окрестных сел и городков. Очевидно, восставшие рассчитывали на их помощь. По-видимому, восстание распространилось на весь Курский уезд: в деревне Спыхове было припрятано оружие у крестьянина Куприяна Зубарева; как позже выяснилось, у него имелось даже «заговорное письмо» к пищикам.

Непрочный блок духовных властей с крестьянами распался в тот же день. Протопопу Григорию, одному из главных подстрекателей расправы с Теглевым, главари восставших многозначительно намекали: «А как де дождемся до пятницы, достанеца де у нас и многим!» Самой Феодоре казак Топоренок угрожал ножом.

6 июля в городе отсутствовала власть: воевода боялся

выглянуть из своего двора и на все претензии пострадавших отвечал: «Как де себе хотите!»

В лагере восставших также началось размежевание: подстрекавшие к расправе с Теглевым староста Константин Беседин, который советовал крестьянам выбить дверь в избе, и осадный голова Петр Брусилов, говоривший мужикам: «Как де вы не умеете головы городом взять», на другой же день оказались во враждебном лагере. Уже 6 июля Козьма Воденицын приходил к Беседину и «ему грозил». Драгун Легодяев обвинялся во время следствия в том, что он 6 июля «бил многих».

7 июля, когда для торга съехались в город человек 50 дворян и детей боярских, воевода осмелел и арестовал руководителей восстания, хотя и делал это с опаской: «А в слободах хвалятца на меня, холопа твоего, смертным убийством и грабжом за то, что я почал тех заботчиков иметь и в тюрьму сажать». Духовенство со своей стороны принимало меры к ликвидации восстания: Феодора кое-кого «сажала в железа» и послала в Москву группу крестьян во главе с братом Козьмы Воденицына Анкудином везти повинную челобитную царю. Предательство игуменьи особенно выявилося на следствии: Феодора не признавала никаких обвинений в подстрекательстве к убийству Теглева и всю ответственность за происшедшее возложила на крестьянина Константи́на Фильшина.

Позиция курских дворян выявляется из их «сказок». В трех случаях в «сказках» дворян, поданных на имя В. В. Бутурлина, говорилось: «А посла убийства Константина Теглева те воры, мужики, ходя весь день, искали де из нас луччих людей, хотели побить». Действительно, некоторые дворяне вместе с воеводой спрятались от крестьян в церковь.

В целом дворянам и детям боярским восставшие были враждебны. Это полностью выяснилось во время сыска, когда они направили верноподданническую челобитную царю, в которой требовали защиты от «заговорщиков», осуждали их отъезд в Москву с повинной челобитной, говорили, что это сделано «для воровства, и скопу, и заводу на воеводу и на нас, холопей твоих, чтобы нас всех побить и всяким воровством добыть, што мы, холопи твои, почнем тех воров иметь». Они просили «тот их воровской завод вывезть». Заканчивалась челобитная клятвой в верности царю: «А мы, холопи твои, дворянишка и детишка боярския и всякия слу-

жилые люди к их воровскому заводу не приставаем, служим тебе, государю, как отцу твоему великому государю, на чем тебе, государю, крест целовали».

Таким образом, следственное дело показывает, что дворяне не только не были пассивны или нейтральны, но по мере развития крестьянско-посадского движения исчезли малейшие признаки их оппозиционности. Более сложную позицию занимали в восстании приборные люди. Большинство из них активно участвовало в восстании, в слободе у пушкарей даже находили пожитки Теглева.

Однако среди приборных были такие люди, которые к восставшим относились резко отрицательно. Они впоследствии арестовывали бунтовщиков и приводили в тюрьму. Стрельцы Е. Домнин и И. Юдин помогали людям, преданным Теглеву, прятать от крестьян его подголовки и спасали его содержимое. Стрелец Ф. Федоркин припрятал его платье. В третьем часу ночи на двор к Домниным явился Макар Долгой, один из руководителей восстания, который взял не только припрятанное имущество К. Теглева, но и вещи самих Домниных (на 20 руб.), а Алфера Домнина с угрозами «водили по городу». Когда стрельцы Яким Лоблин и Тит Калужанин, услышав шум, пошли из слободы в город, им навстречу бежали люди, которые говорили: «...хотят нас побить также насмерть». Поэтому состоятельные стрельцы, «боясь страху, побежали». Стрелец И. Горбушкин называл восставших ворами, «которые в тюрьме сидят». Все это свидетельствует о том, что в среде стрельцов не было единодушия.

В ряду восстаний в южных городах курское было самым бурным, поэтому и репрессии были наиболее жестокими. Некоторые руководители движения уже в июле были посажены в тюрьму воеводой Лодыженским. Были приняты меры к поиску курыя, сбежавших в другие города.

С 6 августа В. В. Бутурлин вел в Курске следствие с 30 подручными. Расспросу подверглись 14 попов, 2 подьячих, 706 дворян и детей боярских, 115 стрельцов, 178 полковых казаков, 25 пушкарей и затинщиков, 15 ямщиков (всего 1055 чел.) К допросу привлекали даже тех, кто «лежал на смертной постели». Сохранились расспросные речи 67 участников восстания. Их подвергали жестоким пыткам, многочисленным допросам, очным ставкам и т. д. К сыску привлекли жен бежавших участников восстания и даже 12-летнего мальчика.

Козьма Воденицын вел себя в тюрьме мужественно, рассказывал колодникам о московском восстании, говорил «про боярина, про Бориса Ивановича Морозова и про Петра Траханиотова, что на Москве при нем, Козьме, над ними учинилось и лучше Константина, а сыску де не было!» Эта реплика позволяет судить о том, что по московскому восстанию открытое следствие не велось.

Козьма Воденицын был не только руководителем восстания, он и в тюрьме пытался сплотить колодников. Он учил их говорить на допросе «одне речи, что Константина Теглева убили всем городом». Даже при троекратных пытках, под угрозой казни, он не раскаивался в совершенном: «А Константин де не дорог!»

Решение, присланное из Москвы, было необычайно жестоким: смертная казнь, массовая порка, ссылка. Кары, обрушившиеся на курян, можно сравнить лишь со следствием в Устюге Великом, где в восстании также большую роль играли крестьяне.

17 августа 1648 г. пятерых «пущих воров и заботчиков» было велено «вершить и перевешать по дорогам», «чтоб на то смотря, иным курянам неповадно было так воровать». Это были крестьяне Богородицкого монастыря Козьма Воденицын, Кирилл Анпилогов, Иван Батурын-Малик, крестьянин Троицкого монастыря Константин Фильшин и повописный стрелец Богдан Иконник.

Подвергнуты пыткам, биты кнутом и посажены в тюрьму были 43 человека (в том числе 2 женщины). Затем их сослали в отдаленный город Валки в казачью службу, чтобы «указную землю пахать и хлеб сеять и впредь никаким воровством не воровать». Позже один из сосланных (К. Беседин) подал роспись о том, что «убойцы и заботчики тому убойственному делу» остались в Курске, и просил учинить указ об этих лицах. В этой росписи перечислено более 160 человек, среди них служилые по прибору, горожане (чеботарь, гончар, кузнец, портной, пуговщик), монастырские бобыли и крестьяне и даже духовные лица³⁶. Это подтверждает нашу мысль о совместном выступлении крестьян и посадских людей.

Осадного голову Петра Брусилова, старец и попов выпустили на поруки с запретом впредь «воровством воровать и к какому воровскому заводу приставать». Игуменью Феодору и протопопа Григория отправили в Москву под конвоем

³⁶ См. там же, стб. 266, лл. 228—234.

из 30 стрельцов. В Москве они несколько месяцев провели в тюрьме, затем Феодору сослали в Суздаль, в Покровский девичий монастырь, а протопопа Григория — в Архангельский монастырь в Устюг Великий³⁷.

Таким образом, возмездие всей тяжестью обрушилось на монастырских крестьян и приборных людей.

Курское восстание летом 1648 г. было одним из самых крупных крестьянских движений на юге. Особенность его состояла в том, что к монастырским крестьянам присоединилась часть служилых людей по прибору и посадских людей. Таким образом, наметилось сближение крестьянского движения с городским. Оно было направлено против политики правительства по сыску закладчиков, против феодальной власти на местах и переросло в антифеодальное движение против дворян и «лутчих людей» вообще.

Изучение материалов о восстании в Курске позволяет сделать некоторые выводы. Положение приборных людей на юге было таково, что они предпочитали закладничество: стремясь избежать эксплуатации со стороны государства, они оставались в крепостной зависимости (от монастыря). Существование закладничества свидетельствует о могуществе феодальных порядков в XVII в., при которых ранее свободные люди добровольно направлялись в частные вотчины. События в Курске позволяют судить с враждебным отношением дворян к восстанию. В противоположность им проявилась солидарность части посадских, приборных людей и крестьян.

§ 3. Движение приборных служилых людей

Как указывалось выше, приборные люди вели ожесточенную борьбу с притязаниями своих бывших помещиков и вотчинников, от которых им удалось избавиться поступлением на службу, а также со стремлением воевод и начальных людей использовать их труд в своих хозяйствах. Но приборные люди были втянуты в торгово-ремесленную жизнь города и подвергались гнету со стороны государства, как и посадские люди. В. А. Александров отмечал: «Восстания и волнения стрельцов на юге отражали всю сложность противоречий, существовавших в их отношении с феодальным правительством и поместными землевладельцами. Немалую роль играли так-

³⁷ См. там же, стб. 269, лл. 500—536. Позже (в 1652 г.) Григорию разрешили принять монашеский сан в Молченском монастыре в Путивле «безо вкладу».

же внутренние противоречия среди стрелецкой массы и между отдельными зажиточными стрельцами»³⁸.

Первым на восстание в Москве откликнулся гарнизон г. Козлова — одного из самых северных пунктов Белгородской черты³⁹. В 1647 г. служилые люди этого города послали челобитную в Москву, в которой жаловались на злоупотребления и лихоимство воеводы Романа Боборыкина, стрелецкого головы Михаила Останина, соборных попов Ефима и Якова. Из этой челобитной следовало, что Боборыкин чувствовал себя полновластным хозяином в Козлове. Побывав до этого на воеводстве в Шацке и Яблоне, он превратился в крупного землевладельца, имел в Козлове 7 житниц, держал табун коней, владел большими покосами. Он насильно обращал вольных людей, работавших у него по найму, в крепостных. Служилых людей Козлова он отрывал в страдную пору от их пашен, заставляя косить для себя сено, возить дрова, стеречь коней. Кроме того, он заставлял их приносить ему мед, вино и деньги. Боборыкин переманивал бобылей у местных детей боярских, а потом насильно отсылал их в свои дальние вотчины. Иначе говоря, вел он себя как типичный крепостник⁴⁰.

Но Боборыкин выступал не только как крупный вотчинник, он вел и торговые операции. За взятки он освобождал от очередных поручений по службе и, наоборот, негодных ему лиц держал на цепи или избивал на своем дворе, попирая права и достоинство людей.

Стрелецкого голову Михаила Останина служилые люди называли «ведомный плут», говорили, что он «преж сего лавки крал и таможенному сбору деньги вынял». Дурную славу снискал и поп Яков, владевший двумя лавками, в которых торговал церковной утварью, книгами, ружьями и прочим товаром, выручая большие прибыли⁴¹. Но этого ему казалось мало, и он стал заниматься «площадным письмом», сосредото-

³⁸ Александров В. А. К вопросу о происхождении..., с. 357.

³⁹ Следственное дело по восстанию в Козлове опубликовано А. Н. Зерцаловым. Сведения о населении и экономике города имеются во введении, написанном К. В. Базилевичем к сб. «Городские восстания...» Впервые основные события рассмотрены А. Н. Сперанским и А. А. Новосельским в соответствующем параграфе «Очерков истории СССР, XVII в.» (М.—Л., 1955). Полностью следственное дело до сих пор не изучалось.

⁴⁰ ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 570, лл. 307—309.

⁴¹ Городские восстания..., с. 93—108.

точив в своих руках составление деловых бумаг, челобитий и т. д., за что брал немалые деньги.

Сыск по челобитной 1647 г. был поручен князю Лобанову-Ростовскому, однако, по заявлению козловцев, он вел следствие «дружа воеводе». Приборные люди расспрошены не были, часть служилых и посадских людей поддержала воеводу. В результате 15 человек из числа подписавших челобитную были закованы в кандалы и посажены на трое суток на Бархатный двор, с воеводы взяли штраф 50 рублей и лишь Останина приказали бить кнутом⁴². Все осталось по-прежнему. Боборыкин продолжал своевольничать, так что люди разбегались «от его жестокого наказания и от большого праведжа, и ото всяких налогов, и от его тиснения»⁴³.

В Козлове, Челнавске, Бельском остроге и в уездах стали наблюдаться беспорядки. У богатых людей уводили скот, участились случаи пожаров, убийства, побега служилых людей. В конце мая в Козлове были вновь составлены челобитные⁴⁴. Челобитчики — полковой казак Софон Кобузов, стрельцы Осип Дружинин и Григорий Самандаков — прибыли в Москву 1 июня, накануне восстания в столице, стали его свидетелями, а возможно, и участниками. Во всяком случае, именно их возвращение 11 июня 1648 г. из бушующей столицы в Козлов и рассказы о московских событиях посеяли «во всех людях смуту и мятеж учинили, и ослепной бой»⁴⁵.

Как только в городе начались волнения, воевода Р. Боборыкин вместе с дворянами-сведенцами из Ряжска и с большинством детей боярских из Козлова выехал из города в степь, в драгунские слободы. Отъезд был столь поспешным, что воевода оставил в мятежном городе свою семью. Но весь свой архив вывез, бросив в Козлове лишь документы прежних воевод. Среди вывезенных бумаг были приходо-расходные книги, строельные книги, всевозможные судные и сыскные дела. Впоследствии все это было доставлено в Москву.

В городе в это время (12—14 июня) началось восстание. Тюрьма была открыта, и колодники выпущены. За бежавшим воеводой была послана погоня. Восставшие хотели детей боярских и «всяких чинов людей, которые к их воровству не пристали, побить до смерти». Начался разгром лавок

⁴² ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 570, лл. 375—376.

⁴³ ЦГАДА, Разряд, Владимирский ст., стб. 131, лл. 131—132.

⁴⁴ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 284, лл. 204—208, 237—239.

⁴⁵ Зерцалов А. К истории мятежа..., кн. 1, с. 21.

наиболее ненавистных торговых людей — сына боярского В. Движкова, пушкарей Б. Чеботаря, К. и С. Милицыных, О. Бораборина, сторожевых казаков С. Деева, Г. Тишенина и др. Бревном были выбиты двери в двух полулавках попа Якова (сам он бежал в Шацкий уезд). У всех этих лиц из лавок пропал товар и деньги на многие сотни рублей⁴⁶.

На улицах, на торгу в Донской и Сторожевой слободах происходили настоящие бои. «Лутчих людей», не успевших убежать с воеводой, избивали, «метали в ров и к реке в кучу, а многие дворы и лавки разграбили». Это известие взято из сообщения воеводы, и есть основания полагать, что факты об убийствах и избиениях «замертво» преувеличены. Во время следствия никаких исков об убийствах конкретных лиц возбуждено не было. Семья Боборыкина, оставшаяся в городе, не пострадала. Но то, что с некоторых «лутчих людей» восставшие срывали платье и, вводя в «круг», требовали присоединения к восстанию, звучит правдоподобно.

Материалы следствия показывают, что козловское восстание продолжалось и после бегства воеводы 11 июня. Сторожевой казак С. Деев жаловался, что «во 156 году июня в 14 день... его... били и грабили»⁴⁷, при этом взяли запись, что он не будет бить челом на казаков.

О том, что волнения в городе продолжались в течение всего июня, свидетельствует и челобитная дворянина Г. А. Полухина с 24 товарищами, которые «ко всякому дурну не коснулись» и, боясь расправы со стороны восставших, просили разрешения служить на Усмани, «покамест в Козлове смутное время утишится». По-видимому, челобитная Г. А. Полухина была написана во второй половине июня, так как отписка Разряда с угрозой об опале и смертной казни бунтовщикам «безо всякия пощады» датирована 8 июля.

Движение из города перекинулось в уезд и захватило ряд сел. Так, в селе Дубовом Иловайского стана служилые люди С. Ивонин, П. Житкой, К. Ратюнский, Д. Жихарев, И. Коширин, К. Сухинин, Г. Шиполев и другие выступили против местных «лутчих» людей. Судя по жалобам выборного головы г. Козлова Ф. Савина, детей боярских Д. Некрасова, Ф. Выставкина и священника Никольской церкви К. Леонтьева, жители села Дубового не ограничились угрозами, а перешли к действиям: «...церкви великого чудотворца Николы

⁴⁶ См. Городские восстания..., с. 93—108; ЦГАДА, Разряд. Приказной ст., стб. 176, лл. 38—39, 48.

⁴⁷ Городские восстания..., с. 103—104.

разорили и разграбили, и их побили, и дворы их разграбили»⁴⁸. Это известие свидетельствует о распространении движения на уезд, где репрессиям подвергались не только светские, но и духовные феодалы.

Р. Боборыкин, воевода г. Козлова, чувствовал себя неспокойно и вне города, объятаго восстанием. «Стоя в степи» вместе с группой козловских и ряжских дворян, он наладил связь с воеводами близлежащих крепостей — И. Ртищевым из Сокольского острога и И. Кайсаровым из Доброго городища. Они прислали в его стан ратных людей и дали клятву, «чтоб его, Романа, не подали», т. е. не предали. Вместе с этим пополнением Боборыкин попытался 29 июня «Козлов... взятием взятъ»⁴⁹. День выступления был выбран не случайно. Известно, что в тот же день (29. VI) из Коротояка вернулся бежавший из города воронежский воевода В. Грязной⁵⁰. Возможно, Боборыкин и Грязной имели договоренность о совместных действиях против восставших служилых людей Козлова и Воронежа.

О наступлении Боборыкина на Козлов 29 июня известно из показаний стрельца Г. Н. Нестерова, который, однако, не смог сообщить подробностей этой операции. Известно лишь, что попытка Боборыкина овладеть городом окончилась неудачей. Воевода бежал на этот раз под Ряжск, откуда и послал в Разряд очередное донесение, датированное 30 июня 1648 г. Здесь, в Ряжском уезде, 1 июля произошла встреча Боборыкина с В. Волинским, назначенным в Козлов воеводой. Боборыкин, боявшийся «от воров смертного убийства», отказался передавать дела новому воеводе и уехал в Ряжск⁵¹.

Судьба восстания была решена в начале июля, когда из Москвы прибыли стрельцы, сопровождавшие Бутурлина, которому было поручено ведение сыска, и Волинского. В данном случае московские стрельцы выполняли полицейские функции. Приход войска подтверждается и тем, что семья Боборыкина была отправлена в июле из Козлова под охраной 30 человек. В документах следствия по козловскому восстанию упоминаются московские стрельцы С. Никифоров и А. Федосеев, которые приводили козловцев в съезжую избу для распросов «в Романове деле Боборыкина»⁵².

⁴⁸ «Чтения ОИДР», 1893, кн. 3, с. 11—12.

⁴⁹ Там же, 1896, кн. 1, с. 2.

⁵⁰ См. Чистякова Е. В. Воронеж в середине XVII в., с. 53.

⁵¹ ЦГАДА, Разряд, Владимирский ст., стб. 131, л. 422.

⁵² «Чтения ОИДР», 1896, кн. 1, с. 10.

Материалы сыска дают важные сведения не только о ходе восстания в Козлове, но и о его движущих силах. Критический анализ жалоб пострадавших от разгрома дворов и лавок, отписок воеводы и других источников позволяет сделать вывод о том, что основной движущей силой восстания в Козлове были служилые люди по прибору. В качестве «заводчиков» выделялись полковые казаки. Это подтверждает и приговор. К смертной казни через повешение были приговорены три челобитчика, принесшие в Козлов весть о московском восстании: полковой казак Софон Кобузов и два стрельца — Григорий Самандаков и Осип Дружинин. Это были первые жертвы царской расправы за бурные июньские события 1648 г.

Об участии в козловском восстании дворовых и зависимых людей прямых данных в источниках нет. Неясный намек на это содержится в отписке Р. Боборыкина: в ней говорится, что новый воевода Козлова В. Волинский ловил разбежавшихся людей Боборыкина, а одного из них, М. Григорьева, «в один день трижды он бил кнутом». Боборыкин подтвердил, что за его людьми в связи с восстанием «вина какая [то] была»⁵³.

Для козловского восстания показательно довольно единодушное выступление гарнизона против воеводы. К приборным людям присоединилась и часть детей боярских. Характерно, что дети боярские, примкнувшие на первых порах к восстанию, были выпущены на поруки и определены на прежнюю службу. Правительство понимало, что их поведение не было последовательным.

Вопреки установившемуся мнению о том, что восстание в Козлове продолжалось один день, анализ следственного дела позволил установить, что оно длилось до конца июня, когда было подавлено прибывшими из Москвы стрельцами.

В ходе восстания обнаружались внутренние противоречия, которые определялись как разницей в чинах и земельном обеспечении, так и имущественным неравенством. Не случайно все лица, против которых обратился гнев восставших, принадлежали к числу «козловских лутчих служилых людей, которые торгуют в лавках и всякими торговыми промыслами промышляют, пушкарей Васьки Чеботаря, Карпика Милицына»⁵⁴ и др. Кроме того, эти люди были близки к

⁵³ Городские восстания., с. 106.

⁵⁴ ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, № 199, лл. 381—396; Смирнов П. П. Позадские люди., т. II, с. 500.

воеводе, пользовались льготами по службе — все это определяло отношение к ним рядовых служилых людей.

Как указывалось выше, движение из Козлова перекинулось в близлежащие остроги, станы и села. Бурно развивались события в маленьком Челнавском остроге, отстоявшем от Козлова на 20 верст к востоку. Основанный еще в 1620 г. в месте смыкания Белгородской черты с Тамбовскими укреплениями, он был, как и г. Козлов, отстроен заново в 1636 г. Их соединяла непрерывная цепь укреплений: вал с земляными городками, башнями, врытыми столбами, надолбами и пр.⁵⁵ Население острога состояло целиком из служилых людей, которые подчинялись начальным лицам, присылаемым из Козлова. В 1648 г. в Челнавске было 226 стрельцов, которые несли службу на 6 башнях острога и ходили в дозоры. Во второй половине XVII в. количество служилых людей достигло 300 человек. Как и в других городках, служилые люди обеспечивались землей, сеяли хлеб, некоторые занимались ремеслом и торговлей⁵⁶.

Челнавск был тесно связан с Козловом. Поэтому неудивительно, что 8 стрельцов Челнавска участвовали в составлении челобитной на Р. Боборыкина. Козловское восстание, начавшееся 11 июня, отозвалось в Челнавске 12 июня. В этот день в острог приехал стрелец Григорий Бекетов, который сообщил гарнизону о том, «что в Козлове побивают...»⁵⁷. Движение в Челнавске началось по звуку вестового колокола. Одновременно была поднята тревога ударами в барабан. Ворота крепости оказались запертыми, поэтому «ослопный бой и дулами пищальными» происходил внутри острога.

Наиболее видными участниками движения были стрельцы Г. Бекетов, П. Уваров и В. Поротая-Ноздря, которые позже оказались «в бегах». Помимо них, судя по следственному делу, можно выделить роль стрельцов Ф. Мишина, П. Киселя, Д. Шелковникова, Я. Авилова и других (всего 10 чел.). Все эти лица отпраздничали в слободу на двор «старого стрельца» Тимофея Чубулова, вывели его из избы, привели в острог, убили и кинули в ров. Характерно, что это действие не

⁵⁵ См. Собрание материалов для истории западного края Тамбовской губернии и епархии. Тамбов, 1878, с. 21.

⁵⁶ См. Черменский П. Н. Очерки по истории колонизации Тамбовского края. — «Известия Тамбовской ученой архивной комиссии», вып. 54. Тамбов, 1911, с. 256.

⁵⁷ «Чтения ОИДР», 1896, кн. 1, с. 1—2.

сопровождалось ограблением, а носило характер мести за то, что «он мир выел». На следствии «тюремные сидельцы» не отрицали своей вины и заявили, что убили Чубулова «всем миром». Одновременно от восставших пострадали голова Я. Шатилов, пятидесятники Т. Г. Ряшенин, И. И. Фирсов, священник Симеон и другие представители власти в остроге⁵⁸.

Следствие в Челнавске, как и в Козлове, вел Е. И. Бутурлин, которому 15 июля подал изветную челобитную внук убитого Т. Чубулова — Н. Чубулов, а 16 августа принесли донос челнавские пятидесятники и часть служилых людей⁵⁹. Наиболее видные участники восстания успели скрыться, но 9 человек все же были посажены в тюрьму в Козлове. 20 сентября 1648 г., уже в момент заседания Земского собора, в Козлов пришел указ о наказании челнавских повстанцев: «...тех воров бить кнутом нещадно, а которые пушие, роздать на поруки». Для этого была составлена определенная форма поручной записи. Отдельные выражения поручных записей⁶⁰ и вошли затем в текст Уложения 1649 г. (гл. II, ст. 26), где вопрос о наказании «скопщиков» был сформулирован очень жестко.

В июне начались волнения и в Талецком остроге, который был расположен между реками Дон и Воронеж, неподалеку от Ельца. В писцовой книге указано, что в Талецком остроге посадских людей, дворников и зависимых людей ни за кем нет. Следовательно, основным населением крепости были служилые люди разных статей⁶¹.

Несмотря на старания воевод, вести о восстании в Москве проникали в южные города. В июне из Москвы в Талецкий острог прибыли три кузнеца оружейного дела: Федор, Борис и Кузьма. Ремесленники-кузнецы «рассказывали миру: стало де на Москве убойство бояром и думным людем, и грабеж и пожар большой»⁶². Воевода П. Ю. Красников указывал, что эти рассказы находили в Талецком остроге живой отклик именно среди «небольших людей».

Повсюду казаки и стрельцы стали «заводить втай на дворах своих воровской завод». Руководящее ядро приборных

⁵⁸ См. там же, с. 3—4.

⁵⁹ ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 268, л. 136 и след.

⁶⁰ См. там же, стб. 263, л. 136 и след.

⁶¹ ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, Переписная книга 1646 г. по Ельцу, № 135, л. 317.

⁶² Латкин В. Указ. соч., с. 414.

людей включало около 30 человек, в основном из среды казачков Новой слободы (17 чел.)⁶³. Они выступили против дворян Т. Кравцова, Ф. и М. Трубициных и др., приехавших в Талецкий острог, чтобы собрать на своих землях урожай, а затем должны были уехать в Коротояк в качестве сведенцев. Дата выступления в документах не указана. Но то, что движение в остроге происходило в июне, т. е. до приезда в Козлов в начале июля Бутурлина и воеводы Волынского, подтверждается тем, что восставшие убеждали жителей Талецкого острога примкнуть к движению на том основании, «что де в Козлове многих людей пограбили и перебили, — и им де ничего не учинили».

16 июля в Москве была получена изветная челобитная воеводы Талецкого острога П. Красникова. Из Разряда пришел указ елецкому воеводе А. Хрущову отправиться в Талецкий с карательной экспедицией, взяв с собой дегей боярских. Тем временем воевода П. Красников устроил смотр служилым людям, на котором черкасы, дети боярские и часть стрельцов заявили о своей лояльности по отношению к властям. 1 августа Красников арестовал четырех «завотчиков», велел принести ослопы и своими руками избил руководителей движения до полусмерти⁶⁴. 12 человек успели покинуть острог и, по предположению воеводы, отправились в Москву «неведома для чего: ведаючи за собою воровство и завод»⁶⁵.

2 августа в острог прибыл с ратными людьми елецкий воевода А. Хрущов. Он приказал пытать арестованных, затем вывести их из тюрьмы и провести по улицам. Около острожной стены их били кнутом. После этих истязаний, обесиленных и измученных, их увезли в елецкую тюрьму, где они находились при смерти от пыток и голода. Дома восставших были разорены. Все эти испытания выпали казакам и стрельцам Талецкого острога за то, что они хотели «приказного человека П. Красникова и талецких жильцов (дворян. — Е. Ч.) ...побить до смерти и животы их хотели разграбить».

Волнения в Талецком остроге не закончились летними событиями 1648 г. В указе из Стрелецкого приказа сообщалось, что летом 1650 г. стрельцы и казаки Талецкого острога во главе с Ф. Юровым вновь собираются «в круг» и «всякие заводы заводят», подговаривают приборных людей не

⁶³ ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 567, л. 505.

⁶⁴ См. Латкин В. Указ. соч., с. 414—415.

⁶⁵ ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 567, л. 505.

подчиняться приказам воеводы, не выполнять служебные поручения и т. д.⁶⁶ Этот факт свидетельствует о том, что волнения в Талецком остроге происходили и после принятия Уложения, летом 1650 г., т. е. одновременно с псковским восстанием, о котором на юге хорошо знали⁶⁷.

Особенностью движения в Талецком было то, что здесь более ярко проявился антагонизм между «небольшими» служилыми людьми по прибору — стрельцами, казаками — и «добрыми» служилыми по отечеству — дворянами, детьми боярскими, жильцами. Если в Козлове и Челнавском служилые корпорации раскололись на два лагеря в зависимости от их служебной принадлежности и имущественной состоятельности, то в Талецком раздел произошел между служилыми людьми, «прибранными» из среды посада и крестьян, и мелкими феодалами, получившими от правительства льготы, большие земельные оклады и право эксплуатировать зависимых людей.

Заслуживает внимания эпизод, который произошел 30 июня в небольшой крепости Новосиль. В переписной книге за 1646 г. об этом городе сказано следующее: «В городе в Новосиле и на посаде посадских тяглых людей нет. А торгуют де в Новосиле стрельцы, и казаки, и пушкари, и дворники, а государевы де подати платят с торгов своих они по писцовым книгам в Галицкую четверть»⁶⁸. Как видим, население этого города ничем не отличалось по своему составу от острогов Белгородской черты, хотя он отстоял на 60—65 км от Орла и на 45—49 км от Мценска. В середине XVII в. Новосильский уезд все более терял облик военного окраинного уезда и приближался по своему типу к центральным районам Подмосковья, где крепостники занимали господствующие позиции.

Население крепости быстро узнало о событиях в Москве и Козлове. 30 июня 1648 г. ямщик Василий Бочок явился к стрелецкому и казачьему голове Мирону Золотареву и заявил, что «указал де государь по городам приказных людей побивать камением»⁶⁹. В этом сказывалась наивная вера в царский указ, а также желание обосновать расправу с администрацией. Дальше этих «непригожих речей» ямщика в Но-

⁶⁶ ЦГАДА, Разряд, Владимирский ст., стб. 137, л. 20.

⁶⁷ ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 272.

⁶⁸ ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, Переписная книга № 8982 за 1646 г., л. 76 об.

⁶⁹ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 268, л. 473.

восиле события не развернулись, однако воевода М. Ладыженский лишь через месяц решил доложить об угрозах Бочка в Москву. Несмотря на повинную челобитную Бочка, указ царя гласил: «Ямщика за ево воровство в Новосиле в торговый день на козле бить кнутом нещадно, чтоб ему и иным впредь неповадно было воровать, собою таких воровских слов затевать». В. Бочок со всей семьей и имуществом был сослан на службу в окраинный город Валки, построенный в 1646 г. и превращенный в место ссылки участников восстания в Москве, Курске и других городах⁷⁰.

Движение в Воронеже началось сразу же после того, как сюда докатились вести о выступлении в Москве⁷¹. Их принесли солдаты Андрея Лазарева, которые во время пребывания в Воронеже, по словам воеводы В. Т. Грязного, «хотели его убить досмерти». Челобитчики Орлова-городка драгун С. Киселев с товарищами привезли в город «с Москвы грабленова живота боярина Б. И. Морозова — золотнова платья полу» и рассказывали о событиях в столице.

Еще в октябре 1646 г. воронежские стрельцы, казаки и другие служилые люди по прибору составили челобитную с перечислением всех своих бед и требований. Эта челобитная, по-видимому, не сохранилась. Очевидно, в документе были жалобы на воеводу и местные порядки, поскольку он был послан не через съезжую избу, а с выборным человеком. Для этой миссии воронежцы выдвинули из своей среды бывалого полкового казака Герасима Кривушина («...ево посылали к Москве в челобитчицах полковые казаки и давали ему денег на подмогу»)⁷².

Воевода тоже послал жалобу в Разряд. Герасим успел передать челобитную воронежцев в Стрелецкий приказ, а сам вскоре попал в тюрьму. Он этот факт определенно связывал с действиями воеводы. Проскитавшись всю зиму и весну в Москве, так и не получив ответа на челобитную, отсидев в тюрьме, Кривушин собрался было ехать обратно, но тут-то и вспыхнуло московское восстание. Есть все основания полагать, что Кривушин принял в нем участие.

Возвращаясь из Москвы, Кривушин остановился в Ельце, рассказал там о московских событиях и, видимо, открыто призывал ельчан к восстанию. 11 июня вспыхнуло движение

⁷⁰ См. там же, лл. 473—474, 495.

⁷¹ Ход восстания впервые изложен в нашей работе «Воронеж в середине XVII в. и восстание 1648 г.».

⁷² ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 284, л. 304.

в близлежащем Козлове, затем в Талецком остроге. Воевода Ельца А. Хрущов, желая предотвратить развитие движения, захватил недовольных и сомнительных, с его точки зрения, людей и бросил их в тюрьму. Вместе с ними туда, после избития палками, попал и Герасим Кривушин.

Только по выходе из елецкой тюрьмы Герасим Кривушин прибыл в Воронеж. Он начал рассказывать повсюду о событиях в столице, призывая воронежцев последовать примеру москвичей: «Учинилась де на Москве смута большая, бояр де и всяких многих людей побили до смерти и дворы разграбили...» Эти рассказы взволновали весь Воронеж и послужили толчком для выступления горожан. Источники указывают, что движение в Воронеже началось 17 июня: «Как приехал с Москвы на Воронеж в 17 день тот полковой казак Гераська Кривушин и учал де рассказывать в торговые дни в ряду и по улицам многим людям всяких чинов, и приговаривать к себе заботчиков и всяких воронежских людей»⁷³. Характерно, что Кривушин рассказывал о московском восстании не только своим однополчанам и приборным людям, но и посадским.

В Воронеже распространились слухи о «грамоте» и «указе». Грамоту читали и передавали из рук в руки. Очевидно, это было «подметное письмо». Стрелец Гаврила Волюйский показал на допросе, что «есть грамота — воеводу и голов и шильников бить и грабить»⁷⁴. Таким образом, восставшие ставили ближайшей задачей расправу с представителями администрации, со стрелецкими и казачьими головами, а также с зажиточными посадскими людьми.

Относительно «указа» имеются очень неясные намеки в нескольких источниках. В доме сына боярского Богдана Книнского Герасим заявил: «Есть де указ не далече до русского лесу, (а) весь де указ за русским лесом». Из показаний Поликарпа Слотовского следует, что в этом «указе» якобы было написано: «воеводе будет перемена». Кроме того, в разговорах Герасим обмолвился: «Не далек де у нас указ — за русским лесом, а Петру де Толмачеву у нас указ будет и по сю сторону русского лесу». Возможно, что люди хотели верить какому-то новому «указу» царя, который бы облегчил их жизнь. Как бы то ни было, слухи об указе говорят об их наивной вере в возможность «добрых» постановлений со стороны царской власти.

⁷³ Там же, стб. 167, лл. 40—41.

⁷⁴ Там же, стб. 284, л. 303.

Помимо открытых выступлений перед народом, Герасим принялся готовить и более узкий круг «заводчиков». Пятидесятник полковой казак А. Камынин заявил: «Есть де на Воронежи в заговоре человек с шестьдесят». Эта цифра заговорщиков, по-видимому, преувеличена, так как в другом документе ясно говорится, что «Герасим Кривушин с немногими людьми с своими советники... выходили де на совет за город» (видимо, в дом Ивана Чеплыгина)⁷⁵.

Отдельные представители детей боярских хотели воспользоваться народным движением в своих целях: добиться повышения земельных окладов, денежных дач и прикрепления крестьян. К кружку Герасима Кривушина примкнули представители детей боярских Богдан Конинский и Прокофий Шишкин, у которых, видимо, были свои счеты с воеводой В. Т. Грязным и губным старостой С. Лихобритовым. Не даром в грамоте царю Грязной писал, будто Герасим «завод дурной заводил по наученью старых заводчиков и составчиков»⁷⁶.

Прокофий Шишкин был лицом, известным в Воронеже. Он имел поместную землю (230 четей) в деревнях и стапах Подонья. Бывал П. Шишкин осадным головой в Воронеже (1638 г.), участвовал в разделах поместных дач, был одно время откупщиком и т. д.⁷⁷ Другой представитель этой среды, сын боярский Богдан Конинский, имел землю и 5 крестьянских дворов в деревне Малышево. Он, видимо, был также лишь попутчиком, так как в 1652 г., т. е. после восстания 1648 г., его сделали головой Орлова-городка. Следовательно, он в противоположность главным участникам восстания не подвергался репрессиям⁷⁸. Его поведение было несколько странным. 25 июня Б. Конинский на торгу стал кричать стрельцкому голове Петру Толмачеву: «...тебя де хотят первого убить и животы твои (имущество, дом. — Е. Ч.) разграбить». Кроме того, накануне восстания он выдал Тимофею Потоцкому в присутствии двух лиц, которых он «только в рожн знает», раздумья Герасима: «...почать ли де бить или нет с больших костей»⁷⁹.

⁷⁵ Там же, стб. 284, лл. 299—300.

⁷⁶ Там же, стб. 167, л. 42.

⁷⁷ ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, Переписная книга по Воронежу за 1646 г., № 12285, лл. 168, 172, 177; Воронежские Акты, т. I, с. 153—155; т. II, с. 159.

⁷⁸ ЦГАДА, ф. 1209, Поместный приказ, Переписная книга № 12285, л. 168 об.; Воронежские Акты, т. III, с. 3.

⁷⁹ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 284, лл. 301—304.

Вернее всего, у Конинского были какие-то споры с подъячим Кошкиным и богатеями города Прибытковыми. В 1651 г. эти люди отомстили Конинскому за его заигрывания с повстанцами. Сохранилось челобитье, в котором он жалуется на З. Кошкина, М. Колесникова, И. и П. Прибытковых и других, которые пришли к нему на двор, связали его, 10 дней издевались и велели уйти в монахи, а землю отдать им. Кроме того, он был ограблен ими (взяты деньги, золото, жемчуг, платье, посуда и т. д.). Из числа этих людей двоих повстанцы хотели убить. Они-то, видимо, и считали себя личными врагами Конинского и Шишкина.

Как бы то ни было, но от начальных людей не укрылись ни совещания в доме Конинского в селе Устье и в доме Чеплыгина, ни выход 60 повстанцев за город. Особая осторожность, видимо, не соблюдалась Кривушиным: он выступал открыто в течение всей недели в торговые дни «в ряду и по улицам». Это привело к тому, что уже накануне выступления воевода был осведомлен о намерениях Кривушина и его сообщников.

Духовенство по отношению к повстанцам было настроено враждебно и приняло сторону воеводы и его окружения (священники Никита Девицкий, Сергей Троицкий).

Выше указывалось, что по городу распространились грамоты с призывом «воеводу и голов, и шильников бить и грабить». Эти «грамоты» до нас не дошли. Но из материалов следствия можно представить, что в них говорилось о том, что воронежцы не одиноки, что в Москве и повсюду «по городам де почали начальников с шильниками бить и вешать». Из грамот и призывов Кривушина можно сделать вывод об ограниченности целей повстанцев. Они не шли дальше враждебных действий против своих ближайших противников из местной администрации и хотели добиться смены воеводы и приказных, уничтожения голов и старосты, а также наказания богатых горожан — «лутчих людей», «барышников и шильников».

Выступление было назначено на 25 июня, на воскресенье, когда на торг съезжалось много народа. Уже 24, в субботу, определились планы восставших: они намечали свергнуть воеводу В. Т. Грязного, «убить досмерти» губного старосту С. Лихобритова, стрелецкого голову П. Толмачева, подъячего съезжей избы З. Кошкина, троцкого попа Сергия, а также Коровникова, Р. Рублева, М. Лыикова, И. Ключанского, И. Бородину и других, всего «посадских лутчих торговых лю-

дей человек с тридцать и больше», которых горожане называли «барышниками» и «шилльниками». 24 июня поздно вечером, видимо, все стало известно воеводе. Стрелец Гаврила Волуйский сообщил об этом сыну троицкого попа Сергия Антонию, который и передал это дальше. По приказу воеводы Гаврила был арестован, посажен «на ночь на стрелецкие ворота» и допрошен Петром Толмачевым.

25 июня началось восстание. С утра в городе происходили стихийные сборища и беспорядки. Намеченные для расправы люди стали разбегаться. Л. Худошин, встретив за острогом И. Ключанского, спросил: «Зачем де ты в город идешь, хотят де нас побить». Ключанской указывал, что Худошин «говорил те речи скорым делом, бегучи из города».

Обеспокоенные слухами и открытыми угрозами, в резиденции воеводы собрались стрелецкий голова Петр Толмачев, казачий голова Семен Поздняков, губной староста Сергей Лихобритов, «воронежские соборные попы и... посацкие многие лутчие люди» и долго держали совет, однако ни к какому решению не пришли⁸⁰. Когда воевода В. Грязной хотел собрать служилых людей «на смотр», было уже поздно. Служилая аристократия в лице сотников и пятидесятников не захотела вмешиваться в события. Грязной опасался, что, если собрать служилых на смотр, «тут и большая будет смута».

Весь день 25 июня воевода не решался выглянуть из съезжей избы. Он пробовал увещевать казачьих и стрелецких пятидесятников, чтобы они уговорили своих подчиненных — «не учинили смуты и смертна повиннова убийства». Однако последние проявили полную пассивность и ответили: «Нам де до того дела нет, а кто де станет делать, и нам де тех людей не унять».

Фактически 25 и 26 июня город был уже во власти повстанцев. События назревали с каждым часом. Атмосфера накалилась до предела. В ночь на 26 июня воевода В. Т. Грязной и стрелецкий голова П. Толмачев тайно покинули город с кучкой своих приверженцев. Вот здесь-то и проявилось единение служилых по отечеству и воеводы. Тот самый Толмачев, который несколько лет назад «ссорился» с воеводой Боборыкиным, теперь покидал город вместе с другим воеводой — В. Грязным. Думая прежде всего о собственном спасении, стрелецкий голова и воевода поспешили укрыться за стенами только что отстроенной крепости Коротояк. Служи-

⁸⁰ См. там же, стб. 167, лл. 55—56.

лое, население этого города получило различные торговые льготы, поэтому беглецы рассчитывали найти там хороший прием. Они не ошиблись. Дворянский гарнизон городка во главе с воеводой Даниилом Яковлевым принял беглецов и стал готовиться к подавлению движения в Воронеже⁸¹.

К сожалению, источники не освещают, что произошло в самом городе в течение 26—29 июня во время отсутствия воеводы и начальных людей. Дворяне и дети боярские не только не поддержали восставших стрельцов, казаков и посадскую бедноту, но и выступили против них. В июньские дни проявились противоречия между служилыми по отечеству и служилыми по прибору. Подавлением восстания занялись сын боярский Богдан Сукочев и казацкий голова Семен Поздняков. Они арестовали троих руководителей движения и посадили их в тюрьму, а «достальных де хотят сыскивать». В донесении коротоякского воеводы Даниила Яковлева говорится о том, что среди восставших не было единства и они не имели ясных целей: «...не у всех де у них такой завод и умысел на смертное убийство и на грабеж».

Отсутствие единства в ядре повстанцев — между Кривушинным, Конинским и другими — помешало им действовать быстро и решительно. Время было упущено. Этим воспользовались противники восстания. На помощь воронежским дворянам спешили 40 помещиков Коротояка и елецких переведенцев под командованием племянника воеводы жильца Даниила Денисьевича Яковлева. Он-то и прислал весть Грязному о том, что в городе раскол и шатание. Но беглецы опасались вернуться в мятежный Воронеж, пока за ними не приехал Богдан Сукочев с извещением об аресте главных руководителей движения. Только 29 июня, после четырехдневного отсутствия, В. Грязной и П. Толмачев вернулись в город.

Восстание было подавлено помещиками Воронежа, Коротояка и Ельца в самом начале. Начались следствие и расправа с повстанцами. Весь июль шли допросы и пытки в местной тюрьме. Отрывки допросных речей сохранились в архиве, в столбцах Разрядного приказа. В документе, относящемся к декабрю 1648 г., упоминаются 40 «тюремных сидельцев» воронежской тюрьмы, в числе которых названы Герасим Кривушин, Алексей Терновский и другие. Подчеркивается единодушие заключенных: «... в том де слове заперлись, потому ане меж себя друзья, одного города»⁸². К сожалению, до нас

⁸¹ См. там же, стб. 167, лл. 41, 58—59.

⁸² Там же, стб. 270, лл. 18—19.

не дошли материалы допроса Герасима Кривушина. Условия содержания в тюрьме были исключительно тяжелыми. С июня по декабрь людей морили «голодной смертью».

За расправу с восставшими царь «пожаловал Грязного своим государевым жалованьем, поместью и денежною придачею»⁸³, но в 1649 г. от воеводства он был освобожден. Видимо, город долго еще бурлил и проявлял непослушание. Так окончилась одна из многочисленных вспышек народного недовольства в 1648 г. в районе Белгородской черты.

Анализируя характер и ход восстания в Воронеже в июне 1648 г., можно сделать следующие выводы. Воронежское восстание имеет ряд общих черт с выступлениями в Талецком остроге, Козлове и других городах. Поводом к восстанию явилось известие об избииении бояр в Москве и движении в других городах. Восстание было направлено против представителей власти на местах — воеводы, стрелецкого головы и губного старосты, взимавших тяжелые налоги, творивших суд и расправу, вершивших иски и т. д. Все горожане выступали против воеводы и приказных людей. Но одновременно шла борьба и против «лутчих» посадских людей. К восставшим примыкали единичные представители дворянской оппозиции, однако это не усилило движение, а наоборот, ослабило его.

Последним по времени было движение в Сокольском остроге, который был центром Сокольского уезда и соответствующего отрезка Белгородской черты по р. Воронежу⁸⁴. К середине XVII в. на этом участке был создан укрепленный район. Примерно на 10 верст по р. Лесному Воронежу и на 6 верст по р. Семеновке тянулись в два ряда надолбы, земляные валы, строились башни, дубовые остроги, лесные засеки.

В Сокольском уезде возник ряд сел: Кузьминское, Ильино городище, Ситово (Лодыгино), Введенское, Глинище, слобода Семеновская, починки Филатовский, Грезновский, села М. Хомутец, Бел-Колодезь. Некоторые из этих пунктов были расположены на ногайской, восточной стороне реки Лесного Воронежа. Села были населены приборными служилыми людьми — драгунами, которые занимались главным образом

⁸³ Там же, стб. 272, л. 65.

⁸⁴ См. «Собрание материалов для истории западного края Тамбовской губернии и епархии». Тамбов, 1878, с. 7—11. На окраине г. Липецка, на берегу реки, сохранился район под названием Городишко. Здесь в XVII в. стояла крепость Сокольск.

сельским хозяйством: имели хлебные пашни, разводили скот⁸⁵.

Летом 1648 г. было приказано драгун ряда сел переселить на другую сторону реки. Все это происходило в страдную пору, при неослабевающей опасности татарских набегов. В результате переселения «который хлеб был снят, и тот весь не жат, пропал на поле, а к новому году не сеяно». Драгунские семьи были, таким образом, обречены на голод. Положение усугублялось притеснениями драгун воеводой и другими начальными людьми, особенно при распределении земли и дележе покосов за р. Воронежем. Это побудило драгун обратиться в Разряд с челобитьем «о своей скудности и земляной разделке».

Основной массе драгун противостояла группа в 6—10 человек (Ф. Деревянкин и другие), при содействии воеводы И. Ртищева осуществлявшая власть в Сокольском уезде.

События развернулись следующим образом. 1 июля 1648 г. в съезжую избу Сокольска явились драгуны во главе с Ф. Мозалевским и потребовали показать им все документы, присланные из Москвы. Затем решили написать царю челобитную. Для ее составления подьячий был насильно уведен драгунами на площадь. Воевода И. Ртищев бежал из съезжей избы. До самого вечера обсуждали драгуны свои нужды, собравшись на церковной паперти. В составленной ими челобитной говорилось об их «скудности», несправедливой «земляной разделке» и пр.

На следующий день в острог пришла весть о волнениях служилых людей в окрестных селах — Ильином городище, Глинищах, Лодыгине, Ситове и др. В остроге был слышен звон колоколов, в которые разрешалось бить лишь «для пожару и для татарского приходу, а не для своего совету». Набатный звон раздавался несколько дней из многих сел и разносил по всей округе весть о волнениях сокольских драгун.

Инициатива в этих действиях принадлежала небольшой группе драгун (около 10 человек). Это были, по выражению воеводы, «ведомые воры»: Г. Золотарев, П. Овчинников, Н. Федорищев, Н. Жерин, С. Богомоллов, Л. Назаров, Т. Москаль-Яковлев, Т. Кошкин, И. Чуркин и воскресенский поп Иван. Впоследствии воевода И. Ртищев, капралы и некий Заворуй уверяли, что эти люди решили «ни в каких делах

⁸⁵ ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 185, лл. 9—114.

не слушать» воеводу и начальных людей, «побить (их) до смерти и животы их разграбить».

Рано утром 3 июля жители окрестных сел были оповещены десятскими — явиться в город «в круг». Уклонившихся грозили избить ослопьем. Примерно в час дня со всех сторон к острогу стали двигаться большие толпы людей. Они стремительно приближались к городу с пищалями, рогатиными и ослопами. Видя это, воевода И. Ртищев и начальные люди Сокольска спрятались в острожной башне, где хранились казна, ружья, знамена и барабаны.

Восставшие окружили башни нового города, группами по 20—50 человек проникали в новый город, т. е. фактически без боя овладели им, но «вошед в город, постояв, пошли из города». Кровопролития не произошло. С просьбой выдать бежавшего подьячего к воеводе был послан С. Богомолов. Переговоры ни к чему не привели. На следствии воевода утверждал, что драгуны его «звали... на площадь к себе в круг и подьячева для убойства прошали». Драгуны по-прежнему «круги збирали и во всяких делах Ивану Ртищеву отказывали, что им его, Ивана, и драгунских начальных людей ни в чем не слушать». Вместо бежавшего подьячего их челобитные писал поп Аверкий из села Ситова. Воевода продолжал отсиживаться в башне, время от времени отправляя донесения в Москву.

Почти две недели городом управляли драгуны. Лишь 15 июля воевода Доброго городища И. Кайсаров получил из Москвы указ о ведении сыска в Сокольске и 25 июля прибыл в город.

Кайсаров вел сыск по всем правилам следственного дела. Обыскные речи были взяты со всего населения Сокольского уезда. Помимо сыскных и обычных речей собирались так называемые доездные речи. Снятие доездных речей прошло не везде гладко. Поп Иван из Глинниц скрылся, поп Карп из Козмодемьянска отказался прочитать документ, сказав: «То де дело не мое — драгунское». Поп Аверкий и дячок Леонтьев из Ситова за участие в бунте были поставлены перед воеводой.

В своих расспросных речах восставшие отрицали какие-либо злостные умыслы и пытались доказать, что в колокола били потому, что собирались мостить мосты «для сенной и хормной возки», идти на покос.

Все обвиняемые участники восстания были заключены в тюрьму в Добром городище, где томились больше трех меся-

цев. Наконец, в ноябре 1648 г. после их челобитья с просьбой пересмотреть дело, чтобы им «вконец не погибнуть и голодною смертью не умереть», был прислан царский указ о том, чтобы выпустить на поруки 10 человек, поскольку «убойственное дело до них не дошло». Заключенным был объявлен царский указ о том, «чтобы они впредь к приказным людям скопом и заговором не приходили и в государевых делах приказных людей слушали».

Движение драгун в Сокольском уезде следует поставить в прямую связь с событиями в Козлове. Воевода Сокольска Ртищев вместе с добренским воеводой Кайсаровым помогал Р. Боборыкину, изгнанному из Козлова в июне, подавлять движение. Не случайно драгуны так насторожились после поездки Ртищева в Козлов. Они считали, что воевода ездил с доносом на них. Было ясно, что воеводы окрестных городов помогают друг другу подавлять недовольство служилых людей. Ртищев не отрицал своего участия в деле Р. Боборыкина, что лишний раз подтверждает наше предположение о совместном походе воевод к Козлову в последних числах июня.

Как уже указывалось в § 1 данной главы, в условиях колонизации черноземного дикого поля приборные люди, как правило, подвергались эксплуатации со стороны представителей феодального государства на местах. Таким образом, в основном велась борьба против натиска феодального государства и против воевод и их приближенных. Воеводы с помощью служилой верхушки пытались чисто феодальными методами закабалить служилых людей и использовать их труд в собственном хозяйстве. Против этого более или менее единодушно выступала основная масса гарнизона. Однако в ходе восстаний выявились и противоречия внутреннего характера.

Движения на юге были непродолжительными (от нескольких дней до 2—3 недель) и подавлялись местными или присланными из Москвы воинскими силами. В силу двойственного положения приборных людей их выступления против государственной власти были недостаточно решительными и результативными. Как правило, к ним примыкали и представители других слоев населения (например, посадские люди). В ряде случаев в их выступлениях принимали участие и представители оппозиционно настроенных детей боярских, что выливалось в борьбу против отдельных лиц из среды администрации и ослабляло наступательный дух восставших.

Одновременно шла обычная для феодального строя борьба между богатыми и неимущими людьми.

Несмотря на это, как нам кажется, не следует слишком преуменьшать значение этой борьбы. О том, насколько правительство было обеспокоено положением в крепостях Белгородской черты, свидетельствуют репрессии против восставших: военные действия против них, казни, наказания кнутом, массовые пытки, смена воевод и т. д.

§ 4. Волнения среди детей боярских и беломестных казаков

На юге служилые люди несли службу не только в городе, но и на сторожах, отстоявших от города. Поскольку в основном они жили в уезде и главным их занятием было земледелие, непрерывные переводы по службе с одного места на другое отрицательно сказывались на состоянии их хозяйств. Очень остро стояла и проблема рабочей силы. Об обеспеченности служилых людей по отчеству крестьянами можно судить по отрывку из книги сбора четверикового хлеба по Елецкому уезду за 1650 г.⁸⁶ Здесь за 415 помещиками было записано 490 крестьян. Среди помещиков были дети боярские (384), их родственники (21), поместные казаки (3) и 7 вдов. Самые состоятельные из них имели до 10 крестьян. Более половины помещиков стана вообще не имели крестьян. Та же картина наблюдалась и в Засосенском стане. Таким образом, в Елецком уезде многие помещики обрабатывали землю силами своей семьи и фактически считались однодворцами. Градация в обеспечении жалованьем детей боярских, служивших от 2 до 5 лет, т. е. «новики», колебалась от 50 четей земли и 3 руб. 50 коп. до 200 четей земли и 7 руб. Неслужилые «новики» верстались поместьями от 150 четей земли и 6 руб. денежного жалованья до 40 четей и 2 руб. 50 коп. Правительство стремилось провести хотя бы юридическую черту между служилыми людьми по отчеству и крестьянами, строго предписывая «неслужилых отцов и детей, и холопей, и мужиков не верстати»⁸⁷. Эта фраза косвенно свидетельствует о том, что в состав детей боярских на юге попадали крестьяне и даже холопы.

⁸⁶ ЦГАДА, ф. 210, Разрядные вязки, в. 1, л. 85. К сожалению, текст поврежден, дело обрывается на 34-м листе. Полный список людей, внесших хлеб, имеется по Елецкому стану и частично по Засосенскому.

⁸⁷ ЦГАДА, Разряд, Дела десятиен, 1649, кн. 88, лл. 2—2 об., 5—5 об.

В уезде имелась и другая группа феодалов. Плодородные земли юга привлекали московских и выборных дворян и бояр. Они увеличивали свои владения в Елецком и смежных уездах. Например, слободы, выселки и деревни боярина И. Н. Романова имелись в Калужском, Лебедянском, Ряжском, Мещевском и Елецком уездах. Как пишет Е. Д. Сташевский, боярин И. Н. Романов был грозой мелких помещиков юга. Он расширял свои владения не через освоение пустых земель, а путем захвата чужих владений и насильственного вывоза крестьян. В челобитной елецких помещиков 1628 г. говорится, что от владений боярина Романова «ни пройтить, ни проехать ни в которой город, ни посадским людям с товарами не мочно проехать по дорогам, и из деревни в деревню, ни в город для нужи, отнюдь проехать не мочно»⁸⁸. Очень важным пунктом челобитной является указание на разорение мелких помещиков: «...и те дети боярские пошли жить в ево боярскую вотчину, а иные, наша братья, от их же разоренья и насильства пошли розно». В этом отношении представляет интерес дело ливенского городского казака А. Яковлева, который заявил в 1625 г.: «...государь их не жалует, велит из-за них крестьян вывозить. И их есть в заговоре с 500 человек. И кто из них крестьян вывозит, и они у тех вотчины выжгут, а крестьян высекут. И найдут себе и нового государя»⁸⁹.

Выше мы уже указывали, что рядовые служилые люди южных городов подвергались феодальным методам эксплуатации со стороны государства и его представителей на местах. Это в какой-то степени относилось и к детям боярским.

Наиболее тяжелыми в середине XVII в. были сборы елецких денег («с живущей четверти» по 28 алт. в год) и ямских (по 32 алт. 4 д.)⁹⁰.

Все жители города и уезда, включая дворян, служилых людей по прибору и бобылей, вносили четвериковый хлеб «для осадного времени» в казенные житницы: по 1/2 четверика ржи и 1/2 четверика овса с каждого двора. Со служилого населения Елецкого уезда эпизодически собирали струговые деньги (для постройки судов, на покупку мешков для

⁸⁸ Сташевский Е. Д. К истории колонизации юга. (Великий боярин И. Н. Романов и его слободы в Елецком уезде). — «Древности». Труды археографической комиссии имп. Московского археологического общества, т. III. М., 1913, стб. 245.

⁸⁹ ЦГАДА, Разряд, Владимирский ст., стб. 62, лл. 261—263.

⁹⁰ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 229, лл. 16—17.

отправки продуктов на Дон и пр.). Тяжесть целого комплекса натуральных и денежных сборов и повинностей в пользу государства усугублялась произволом воевод, старост, целовальников и других представителей администрации. Все это питало оппозиционные настроения отдельных групп городских дворян. В их выступлениях не было ничего антифеодального. Наоборот, это была борьба за вхождение в класс феодалов и распространение на них соответствующих сословных привилегий.

Несколько раньше, чем в других городах юга, начались волнения в Ельце. В апреле 1647 г. в Москве была подана челобитная царю от детей боярских, казаков, пушкарей служилых и жилацких людей города. В этой челобитной служилые люди, преимущественно «мелких статей», обвиняли небольшую группу ельчан, по-видимому окладчиков, в том, что они помогали воеводе грабить служилых людей.

В середине 50-х годов в Ельце наиболее близко к воеводам И. Ф. Леонтьеву, князю Г. Д. Долгорукому, А. В. Хрущову, сменявшим друг друга, находилась группа людей, включавшая детей боярских, — поместного казака, подьячего приказной избы и двух представителей духовенства. Во главе этой группы стоял помещик из дворовых детей боярских, названный первым в разборной десятне Ельца, Д. Снетин. Он владел одним из самых больших поместий в 190 четей земли (оклад 300 четей), получал 14 руб. жалованья и имел 8 крестьян⁹¹.

Производя разверстку податей, указанные лица не включали себя в списки, произвольно завышали сборы с основной массы служилых людей. По 1 алт. собирали «в ящик», т. е. в свою пользу. При сборах хлеба сборщики увеличивали меру (кадушку «в два верха») и излишек муки ссыпали отдельно «для своей бездельной корысти». Из леса, привезенного служилыми людьми и крестьянами для ремонта городских стен, Д. Снетин и другие окладчики строили себе хоромы.

Через группу Д. Снетина елецкие воеводы получали подношения деньгами, хлебом, баранами, ветчиной и т. д. Эти добавочные натуральные сборы взимались с населения «нешадным правожом». Для работы на своем дворе воевода сгонял детей боярских, дворников и крестьян. Их заставляли

⁹¹ ЦГАДА, Разряд, Дела десятиен, 1649, кн. 88, л. 8.

молоть муку, печь хлебы, сушить сухарн, варить пиво, чистить конюшни, вывозить навоз.

Сведения о повинностях населения и действиях местных властей дает челобитная ельчан, отправленная с большим трудом в Москву в 1647 г. В заключительной части этой челобитной говорится: «И от тово Дмитрея Снетина с товарищи, и съезжей избы от дьячка, и от попов чинитца им разорение, пуше воинских людей... От их разорения крестьяне их розошлись в новые города, а иные по боярским вотчинам. А Елецкий де уезд от них запустел»⁹².

Борьбу против местных властей и их сторонников возглавили рядовые дети боярские. Хотя они стремились лишь оградить себя от произвола более «сильных» людей, их требования упорядочить налоги, ликвидировать чрезвычайные сборы, пресечь злоупотребления воевод и приказных людей были близки и другим слоям населения.

На основании полученной челобитной из Москвы был назначен розыск по делу Д. Снетина. Его вел дворянин из Рязани С. С. Вердеревский⁹³. В результате 27 мая 1647 г. Д. Снетина «с товарищи» после содержания в елецкой тюрьме было приказано поселить в новом Царев-Алексееве городе. Лишь подьячего С. Мартынова для денежных отчетов взял в свой полк В. В. Бутурлин⁹⁴. Но, видимо, эти действия были временными, так как в разборной десятине на 1649 г. в качестве окладчиков упоминаются те же лица.

На этом волнения в Ельце не прекратились. Во главе всех «заводных дел» стал сын боярский Василий Насонов, которого еще в 1640 г. товарищи Д. Снетина К. Аносов и Ф. Олябьев перехватили по дороге в Москву как челобитчика и, избив, держали некоторое время в тюрьме. После ареста Д. Снетина Василий Насонов стал собирать вокруг себя недовольных. Группами человек по 20 они ходили «на Ельце по улицам, и по базару, и по уезду». Характерно, что служилые люди решили установить контакт «с городовыми людьми», очевидно с посадскими. Казачий голова И. Буженинов и подьячий Федоров доносили воеводе, что в башне над Новосильскими воротами острога систематически собирались многие люди «для скопа и заговора». На основании этих сообщений трудно определить, о чем конкретно велись разговоры в башне. Обвиняемые В. Насонов, В. Пашков, казаки

⁹² ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 229, лл. 13, 22, 127.

⁹³ ЦГАДА, Разряд, Приказной ст., стб. 561, лл. 484.

⁹⁴ ЦГАДА, Разряд, Дела десятен, 1649, кн. 88, лл. 7, 8, 21, 41 и др.

С. Мочалов, С. Сапрыков, И. Логинов говорили, что ходили туда читать составленную ими челобитную, уверяли в своей лояльности, даже целовали крест, чтобы «царю ни в чем не изменить». Однако по приказу воеводы Г. Д. Долгорукова В. Насонов с товарищами были схвачены, без суда и следствия посажены в «чеши и в железа». В челобитной они писали, что «со всякой нужи и тесноты помирают голодом»⁹⁵.

Летом 1648 г. в Елец пришла весть о московском восстании. Есть основание полагать, что первые сведения о нем привез воронежский казак Герасим Кривушин. В отписке воронежского воеводы В. Т. Грязного об этом говорится следующее: «Да тот де полковой казак Гераська ехал с Москвы на Елец, учал говорить также де дурные слова, и на Ельце воевода Алексей Хрущов тово полкового казака Гераська за те ево дурные слова бил батоги и держал в тюрьме четыре дни»⁹⁶. А. В. Хрущову удалось предотвратить открытое выступление; наказав нескольких недовольных плетями и палками, он бросил их в тюрьму.

Новая волна недовольства поднялась в связи с выборами представителей Ельца для участия в Земском соборе, назначенном на 1 сентября 1648 г. 13 августа 1648 г. князю Н. И. Одоевскому была прислана царская грамота о выборах двух человек от «всяких чинов людей» и одного от посадских для земских дел с предписанием читать ее в торговые дни перед всеми людьми. Как обычно, в грамоте сообщалось, что выбирать следует людей «добрых и смышленных, кому твои государевы и земские дела за обычай»⁹⁷.

Воевода А. Хрущов и стрелецкий голова И. Буженинов провели выборы делегатов от Ельца — детей боярских Д. Е. Шилова и окладчика Г. С. Перцова, бывшего из семьи, близкой к ненавистному горожанам Д. Снетину. От посадских людей был выбран С. Федоров.

Самоуправство головы и воеводы вызвало возмущение в городе. 16 августа Михаил Андреев, Василий Насонов, Емельян Карлов предъявили составленную от лица служилых людей города «заводную запись», которую предложили подписать и избранному на собор Д. Шиллову. Через 5 дней М. Андреев и В. Насонов были брошены в тюрьму, а воевода послал в Москву подробные донесения.

Служилые люди, в свою очередь, отправили челобитную

⁹⁵ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 229, лл. 19—20, 197.

⁹⁶ Там же, стб. 167, л. 42.

⁹⁷ Там же, стб. 275, лл. 136—178.

от детей боярских и поместных казаков, в которой изобличались преступления воеводы, стрелецкого головы и подьячего съезжей избы С. Мартынова. Челобитчики выдвигали умеренные требования: сменить городское начальство, разобрать вопрос с «заводной записью», выпустить из тюрьмы Андреева и Насонова. Важным пунктом челобитной был протест против подложных выборов представителей на Земский собор. Горожане возражали против выдвижения сторонников Д. Снетина — детей боярских Д. Шилова и Г. Перцова. Так как горожане не хотели согласиться с избранием этих лиц, воевода, по словам служилых людей, «к тому выбору уездных попов заставил руки прикладывать сильно, а не по нашему велению».

Таким образом, в челобитной, составленной детьми боярскими, содержались жалобы на злоупотребления более сильных феодалов, сманивавших у них крестьян и работников. Ельчане хотели избрать своих представителей на Земский собор, требовали справедливого суда и прекращения злоупотреблений воеводы, головы и приближенных к ним окладчиков. Хотя эта программа и выставлялась от лица «всего города», естественно, она отражала прежде всего интересы служилых по отечеству.

Челобитная была переслана в Москву в сентябре 1648 г., когда там уже собрался Земский собор для составления Уложения. 13 октября в Елец пришло предписание переслать в Москву «заводную запись». Еще в 1646 г., в период борьбы горожан с окладчиками (Д. Снетиным и др.), детьми боярскими М. Андреевым и В. Насоновым был составлен документ, который противники называли «заводной записью». Характерно, что для ее составления им пришлось уехать от бдительных глаз воеводы в другой город — Оскол, где они и писали ее «заочно». Во время волнений 1648 г. вновь возник вопрос об этой записи, в которой были сформулированы требования служилых людей города Ельца и уезда.

«Заводная челобитная» начинается перечислением 403 имен и фамилий детей боярских и поместных казаков Ельца, от лица которых она составлена⁹⁸. Затем следует текст записи. В ней говорится: 28 ноября 1646 г. упомянутые 403 человека «во всех место товарищев своих всево города и всево Елецкого уезду, поговоря промеж себя полюбовно...», выбра-

⁹⁸ В связи с этим нельзя согласиться с утверждением С. М. Троицкого о том, что в елецких волнениях якобы участвовали небольшие группы местных служилых людей. — «Вопросы истории», 1962, № 10, с. 141.

ли 27 человек из своей среды «для государева и для городового всякого дела». Рассмотрение этого списка показывает, что в него были включены не только городские дети боярские, возглавившие волнения в городе (Андреев, Насонов, Карлов, Семенов), но и представители обеспеченных детей боярских (Телегин, Морев, Родионов и др.). Выборные были уполномочены ведать «городом», посылать челобитчиков в Москву, руководить военной службой ельчан, т. е. имели функции комиссии окладчиков.

Перед нами дворянский проект местного управления, построенного на более широкой основе. Недовольные деятельностью «выбора» служилые люди Ельца пытались создать свое управление, в котором руководящая роль принадлежала городским детям боярским. Действуя через своих людей, они стремились отеснить привилегированную группу и занять ее место. Особый пункт предписывал противостоять воеводе и начальным людям: «А будет кто станет из нашей братьи (служилых людей. — Е. Ч.) на тех выборных детей боярских или на свою братью воеводам сорничать и всяким начальным людям, и нам тово сыскать промеж себя». С виновного полагалось брать штраф в размере 100 руб. В отношении избранных они давали следующие обязательства: «...во всем нам их слушать и ни в чем не подавать», «во всем их не выдать и подмогу им ко всякому делу нам давать».

Однако обстановка в стране осенью 1648 г. изменилась. Наиболее острые вспышки недовольства, имевшие место летом в Москве и на периферии, были подавлены. В Кремле заседал Земский собор, вырабатывавший Уложение. В этих условиях правительство не только не удовлетворило требования ельчан, но даже не сменило воеводу. В ответ на это в Ельце начались новые волнения. В декабре 1648 г. воевода жаловался на неповиновение сына боярского Павла Пилюгина, говорившего воеводе «невежливые слова». А вслед за ним и другие служилые люди, по словам А. Хруцова, «смотря на его, Павликово, воровство... меня, холопа твоего, не слушают»⁹⁹.

В июне 1649 г. кто-то ночью поджег торговые ряды. Пожар начался с лавок и погребов, в которых лежал порох. Из-за сильного ветра сгорели все лавки, 93 двора посадских людей, таможня, кабак и другие помещения.

⁹⁹ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 275, лл. 214—216.

Так как в Ельце против местных властей и их сторонников в основном выступали дети боярские, то сыск с «заводной записи» не дает возможности точно определить позицию приборных людей — стрельцов, пушкарей, затинщиков, казачков. Можно предположить, что если даже приборные люди сочувственно относились к событиям, связанным с обвинением воеводы и головы, то все же активной роли в движении они не играли. В документах нет указаний и на участие в волнениях посадских людей.

То обстоятельство, что движение в Ельце развертывалось в среде служилых людей по отечеству, наложило отпечаток на его ход и определило умеренность требований ельчан. Елецкие волнения — типичное проявление недовольства служилых людей действиями местной администрации и комиссии окладчиков.

Хотя «заводную запись» не одобрили в Москве, в Ельце на 1649 г. была выбрана компромиссная по составу комиссия окладчиков. В нее вошли не только бывшие окладчики (Д. Снетин, Г. и И. Перцовы), но и выдвигаемые в местное управление дети боярские (из списка В. Насонова и М. Андреева). Желая поддержать детей боярских, правительство прислало в марте 1649 г. для раздачи служилым людям Ельца и Ливен денежную казну (по 7 руб. на человека). В сопроводительном документе говорится следующее: «А которые держатца воровства и пропивают на кабаках, и зерную играют, и табак держат, и тем государева жалованья давать не велено»¹⁰⁰. На этом волнения в Ельце прекратились.

Близким по характеру к событиям в Ельце было движение осенью 1648 г. в другом южном городке — Ливнах, небольшой крепости, основанной в 1586 г. на левом (высоком) берегу среднего течения реки Быстрой Сосны¹⁰¹.

Вокруг Ливен были расположены 13 сторожей (наблюдательных пунктов). Судя по дозорной книге 1615 г., город состоял из Малого острожка, в котором помещались 4 церкви, разрядная изба, рынок с лавками и полками, 8 кузниц, кабак, а также склад оружия, и Большого острога с четырьмя слободами — Стрелецкой, Пушкарской, Ямской и Каза-

¹⁰⁰ ЦГАДА, Разряд, Дела десятен, кн. 88, 1949, лл. 1—7.

¹⁰¹ См. Пясецкий Г. Исторический очерк г. Ливен и его уезда в политическом, статистическом и церковном отношении. — «Труды Орловской ученой архивной комиссии, 1893 год», вып. 3—5. Орел, 1893, с. 43, 76, 112.

чей. Несколько на отлете помещалась Беломестная слобода. У реки теснилась слобода нпших.

По данным переписной книги по Ливнам за 1646 г., в уезде насчитывалось 17 сел и 42 деревни. Из-за трудностей заселения и постоянной опасности крымских набегов в Ливнях в 1615—1620 гг. была обработана лишь седьмая часть пашни. Так же как и в Елецком уезде, на двух помещиков здесь приходилось в среднем по одному крестьянину или бо-былю.

В середине XVII в. к Ливнам было приписано 1236 служилых людей: детей боярских — 902, полковых и беломестных конных казаков — 219; кроме того, здесь жили 58 конных черкасов и 85 пеших стрельцов и др.¹⁰²

Ливнами, как и Ельцом, управляла небольшая группа детей боярских — 17 человек (Алексей Ефанов «с товарищи»), которые, будучи окладчиками, распоряжались собираемым в казенные житницы хлебом, городским бюджетом, помогали воеводам в разборе судебных дел. Судя по датам назначения воевод (Ф. М. Бояшев — 1642 г., Д. Ф. Колтовский — 1645 г., Ф. А. Лодыженский — 1647—1648 гг.)¹⁰³, эта группа управляла Ливнами в течение нескольких лет и успела натворить немало бед.

Волнения в Ливнах начались в сентябре 1648 г., т. е. в момент открытия заседаний Земского собора в Москве. 3 сентября сын боярский П. Руднев поссорился с воеводой Ф. А. Лодыженским и заявил ему: «...нынеча величество ваше вершилося». Этой фразы было достаточно, чтобы воевода приказал схватить Руднева и отвести на допрос в съезжую избу. По дороге Руднев обращался к жителям города, крича: «Суда де, ливенцы, не подайте»¹⁰⁴. Воевода тут же стал допрашивать его о восстании. И хотя Руднев, продолжая ругать воеводу, ни в каких злостных умыслах не признался, его бросили в тюрьму. Тогда в знак протеста против действий воеводы в съезжую избу «с большим невежеством», по выражению Лодыженского, явилась группа детей боярских во главе с О. Зубцовым. В донесении воеводы в Москву действия Зубцова «с товарищи» были названы «воровским за-

¹⁰² ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 275, лл. 112—112а.

¹⁰³ См. Барсуков А. П. Списки городовых воевод и других лиц воеводского управления Московского государства XVII столетия по напечатанным правительственным актам. СПб., 1902, с. 127.

¹⁰⁴ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 275, л. 36.

водом». Ф. А. Лодыженский высказывал опасения, как бы «от их озорничества какова дурна не учинилось».

Сыск о «бесчестьи» ливенского воеводы было поручено вести князю Д. П. Львову и дьяку Анисиму Трофимову. Им предписывалось наказать виновных кнутом и отдать на поруки. Несмотря на эти меры, волнения в Ливнах и близлежащих острожках не прекращались, отмечались случаи неповиновения по службе, отказ явиться на вызов воеводы.

12 января 1649 г. во время выборов кабацкого и таможенного головы и целовальников дети боярские не пожелали принять навязанного им кандидата и выбрали «из обычных людей». Служилые люди бурно высказывали недовольство, не хотели никого слушать и выборы называли незаконными. Для сыска в Ливны был прислан из Ельца дворянин Г. Гуляницкий. Однако дети боярские не приняли сыщика, отказались дать ему «обыски» (т. е. показания) и, таким образом, «государева указа не послушали, учинились сильны»¹⁰⁵.

Расследование дела, очень запутанного, показало, что в городе имело место злоупотребление в сборе соляной пошлины. Во время переговоров о различных городских делах шла речь и о том, что воевода «не по государеву указу соль на них правил, а слушал ушников»¹⁰⁶.

Волнение в Ливнах в основном происходило в среде детей боярских, требовавших участия в управлении городом своих выборных людей. Как показывают материалы следствия, дети боярские во время выступлений не привлекали другие разряды служилых людей.

* *
*

В первые десятилетия существования городов и уездов Белгородской черты в государстве шла ликвидация последствий интервенции и формировалась налоговая система. На юге в сошное письмо были положены двory как крестьян, так и служилых людей. В пользу государства с них взимали натуральные и денежные сборы и привлекали к работам по строительству и ремонту укреплений.

Движущими силами волнений в Ельце и Ливнах были

¹⁰⁵ Там же, стб. 275, лл. 326—328.

¹⁰⁶ Там же, л. 346.

служилые люди по отечеству (дети боярские), не только жившие в городе, но и приписанные к нему. Самые обеспеченные владели 8—10 крестьянами, но таких были единицы («выбор»). Основная масса не имела крестьян и обрабатывала землю силами своей семьи.

При недостатке зависимого населения более крупные феодалы и начальные люди (воеводы, головы, окладчики) стремились различными способами использовать труд свободных служилых людей. Отсюда — непрерывные конфликты и челобитья в Москву от рядовых служилых людей. Выступления в Ельце и Ливнах были проявлением недовольства различных групп служилых людей, требовавших организации своего местного управления, прекращения финансовых и судебных злоупотреблений воевод и приказных людей.

§ 5. Связь волнений в южных крепостях с восстанием украинского народа под руководством Б. Хмельницкого

В исторической литературе уже указывалось на тот большой международный резонанс, который имело народно-освободительное движение украинского народа под предводительством Богдана Хмельницкого. Его влияние на движение в южнорусских уездах исследовалось Б. Ф. Поршневым, М. Н. Тихомировым, В. А. Голобуцким, А. К. Косименко, Ф. П. Шевченко, автором настоящей работы и другими.

Особенно сильно оно повлияло на движение жителей пограничных с Украиной крепостей, расположенных на крайнем юго-западном отрезке Белгородской сторожевой черты. Такие пункты, как Бобрин, Хотмыщск, Карпов, Короча, а также выдвинувшиеся в дикое поле форпосты Чугуев и Валуйки, были населены детьми боярскими и приборными людьми-сведенцами из других городов. Гарнизон г. Бобринка, например, составляли житомирские люди, переведенные сюда из Стародуба, Рославля, Чернигова, Рыльска, Мценска, и стрельцы, посланные из Кром, Брянска и других городов¹⁰⁷.

Здесь было много выходцев с Украины и пришельцев с Дона. Большинство лиц, прибывших с юга, участвовало в боях с «крымскими царевичами», наблюдало жизнь донских казаков, сталкивалось с «литовскими воровскими черкасами».

¹⁰⁷ ЦГАДА, Разряд, Севский ст., стб. 137, лл. 236—238.

Они приносили в южные крепости рассказы о безбоярской жизни «казацких республик», а также сведения о ходе освободительной войны на Украине. Эти известия находили глубокий отклик и реальное проявление в городских движениях служилых людей Бобрика, Хотмышска, Карпова, Корочи, Валук и Чугуева.

Против кого же выступали жители этих крепостей и как происходили здесь восстания?

На южном участке Белгородской черты первым началось движение в крепости Короча, построенной в 1638 г. на р. Короче. Население города состояло из служилых людей, причём пятую часть их составляли пришедшие с Украины «черкасы»¹⁰⁸. Короча была на юге центром торговли с Украиной. Годовые торговые обороты города доходили до полутора тысяч рублей¹⁰⁹. Сюда ехали купцы из более северных городов, Ельца, Яблонова, Белгорода. Обмен шел в основном скотом, лошадьми, предметами сельскохозяйственного производства (пшеница, овес, лен, конопля, мед). Украинское население торговало солью, рыбой, дегтем.

Столкновение внутри корпораций служилых людей началось во время устройства земляного вала между Корочей и Яблоновым, который должны были сооружать полковые казаки Сетной, Афонасовской и Горковской полян.

Недовольство части детей боярских и полковых казаков вызывали воевода Н. Воейков и «лутчие» люди Корочи—дети боярские И. Бакшеев, Г. Рязанцев, Е. Смоляников, А. Биркин, пушкар Л. Лубенцов, С. Мишустин, черкасский сотник Я. Цыгулев, атаман Е. Агарков и другие. Характерно, что «пушские бунтовщики» (около 20 чел.) устроили в степи «круг, и скоп, и заговор». Судя по следственному делу¹¹⁰, руководили этим кругом дети боярские Тимофей Гревцов, Лука Негбин, казачий пятидесятник Иван Мигунов. Сборища недовольных происходили в течение трех дней. На них, по словам воеводы, «лаяли и короченских лутчих людей и его, Микифора, хотели побить досмерти».

Участники круга были настроены воинственно: они «тишком, в ночи хватали» не примкнувших к ним детей боярских, вели в круг и избивали ослопьем. Этот факт подтверждает нашу мысль об отсутствии единства даже внутри определенных групп служилых людей. На кругу были выбраны чело-

¹⁰⁸ См. Багалея Д. И. Указ. соч., с. 206.

¹⁰⁹ ГБЛ, Музейное собр., д. 9988, л. 579—639.

¹¹⁰ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 274, лл. 89—95, 170—171.

битчики в Москву: Т. Гревцов — «неслуживый сын боярский, вор и завотчик», И. Ватулин, С. Чепурной. Как видим, во время волнений круг обсуждал намерения восставших, карал противников движения, составлял челобитные и другие документы, выбирал челобитчиков.

Другая часть детей боярских, черкас, стрельцов и пушкарей подала челобитье против «бунтовщиков и воровскому умыслу составщиков». Отсутствие единства среди короченцев привело к тому, что воевода послал за «завотчиками» дьячка, двух знаменщиков и трех есаулов, а затем добился присылки сыщика. Следствие по делу короченских служилых людей началось в марте, незадолго до бурного лета 1648 г. Сыск вел яблоновский воевода Ф. Леонтьев. В результате в мае 1648 г. Гревцов, Негбин и Мигунов были биты кнутом, Чепурной, Ватулин, Токарев и другие (14 человек) наказаны батогами.

Как показали события, в июне 1648 г. в другом окраинном городке — Бобринке влияние известий о «московском разорении» сказалось не только в создании казачьего круга. Здесь, как и в других пограничных пунктах, злоупотребления администрации проявлялись особенно часто. Так, воевода Бобринка К. Ушаков использовал детей боярских на сельских работах в своем хозяйстве, препятствовал свободной торговле с Литвой и Украиной, которая к середине XVII в. велась очень оживленно¹¹¹.

Воеводу поддерживала группа «лутчих старых людей», официально назначенных К. Ушаковым для ведения различных финансовых и хозяйственных дел. С помощью этих лиц воевода притеснял недовольных: «вымучивал записи», т. е. брал письменные обязательства в том, что на него не будут жаловаться в Москву, сажал в тюрьму, держал в колодах или в «железо ковал»¹¹². Все это вызывало недовольство отдельных групп служилых людей, проявившееся в то время, когда сюда дошли слухи о московском восстании и в доказательство разгрома боярских дворов демонстрировались золотые сосуды, цепи и кубы «московского грабежу».

Но, установив связь событий в Бобринке с восстанием в Москве, нужно признать, что не меньшую роль сыграла территориальная близость города к Украине, объятой в тот мо-

¹¹¹ См. сб. «300 лет воссоединения Украины с Россией», т. 1. М., 1954, № 9, с. 19, 58, 245 и др.; ЦГАДА, Разряд, Севский ст., стб. 137, л. 405.

¹¹² ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 316, лл. 11—23.

мент восстанием. Один из участников движения в Бобрике Е. Долженков тайно принимал в лесу на пасеке «неявленных литовских людей» и распускал слухи о мнимом «указе» царя, якобы предписавшем отдать Литве три города, в том числе и Бобриск. У другого служилого человека — Р. Курского во время обыска были обнаружены «неведомого письма воровские грамоты», спрятанное в крест письмо, написанное латинскими буквами, и другие документы иноземного происхождения. Свиток «литовский» был спрятан в табаке, тайно привезенном из Гадяча, «еретические книги» были обнаружены в подушках и т. д. К сожалению, следственные дела не раскрывают содержания всех этих свитков, грамот и книг. Но эпитет «воровские» свидетельствует о том, что это были политические документы, а указание на их «литовское» происхождение позволяет определить их адрес — они попали с территории Украины, на которой в тот момент развертывалось широкое народное движение.

Влияние событий на Украине на настроение населения южных районов России проявлялось и в организации власти в городах в форме казацкого круга. Так, воевода обвинял одного из наиболее последовательных участников движения в Бобрике Г. Петрищева в том, что он «в день и в ночах ходил казацкими кругами и скопом, и умышлял убойственное дело»¹¹³.

Против окладчиков и воеводы выступили сведенцы из Рыльска и Новгород-Северского. В городе произошли большие беспорядки. 1 июня 1649 г., когда Р. Курского посадили в тюрьму, Петрищев призвал на помощь служилых людей из Новгород-Северского и не подчинился приказу воеводы. Как сообщали каратели, он напустил на них «своих скопщиков и заговорщиков». Однако в решающий момент часть гарнизона не поддержала восставших: брянские и кромские стрельцы во главе с О. Алтуховым, а также мценские дети боярские во главе с Н. Овсянниковым и Т. Ачкасовым выступили против Петрищева и его товарищей. Во время уличного боя между сторонниками и противниками Петрищева прибыл воевода Ушаков с оставшимися «караульными людьми». Тогда Петрищев «закричал своим скопщикам, чтоб воеводу ослопами и камнем прибили против московского разорения»¹¹⁴. Это напоминание о московском восстании сыграло

¹¹³ ЦГАДА, Разряд, Севский ст., стб. 137, л. 236.

¹¹⁴ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 316, л. 72.

свою вдохновляющую роль. Бой со сторонниками воеводы продолжался до тех пор, пока их не отбили дети боярские из Мценска. Дело кончилось победой сторонников воеводы. Петрищева арестовали брянские стрельцы и пытали в башне. «Убояся муки и пытки», он подал повинную челобитную, но затем, очевидно, сбежал из города, так как на смотре 1649 г. его уже не было.

Непоследовательным оказался и Р. Курский. Он и братья Долженковы написали с окладчиком Ф. Борозниным и другими «мировую» челобитную, в которой просили «челобитье... и мир записать», так как они, «поговоря меж собой, помирились». Так же мирно кончились у Р. Курского и переговоры с воеводой: К. Ушаков объявил, что он ему не истец. Все же Курский был выслан в Путивль, а братья Долженковы и другие бунтовщики — в Олешню¹¹⁵.

В еще большей степени этот «дух казачества» и влияние безбоярской формы правления нашли отражение во время волнений в крепости Карпове в июле 1648 г.¹¹⁶ Крепость Карпов была построена в 1647 г. на левом берегу притока Днепра р. Ворсклы. Она состояла из дубового острога с воротами и 8 глухими башнями, вокруг стены был выкопан трехметровый ров¹¹⁷.

О том, как развернулись события в этом городе, говорится в перечневой выписке об извете, подкинутом в октябре 1650 г. в Аптекарский приказ боярину И. Д. Милославскому. Автором доноса был сосланный в Карпов из-под Москвы сын боярский Иван Хлыновской. Ссылка не помешала ему занять привилегированное положение в крепости. Он числился дворовым дворянином, имел высший оклад (550 четей земли и 12 руб. жалованья), захватил под свою усадьбу лучшее место в городе и землю за городом на р. Ворскле. Считая себя человеком «великородным» и пользуясь поддержкой воеводы, он презрительно называл остальных служилых людей страдниками и грозил им «пыточными» делами¹¹⁸.

Группу, противоположную Хлыновскому, возглавлял А. Ф. Покушелов. Его имя известно по Донским делам 1646 г., где он фигурирует как бывший белгородец, атаман вольных лю-

¹¹⁵ См. там же, стб. 316, лл. 3, 41, 51.

¹¹⁶ Документы о волнении в Карпове опубликованы в «Актах Московского государства», т. II, № 444.

¹¹⁷ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 242, л. 3.

¹¹⁸ См. там же, стб. 258, л. 108; стб. 78, л. 101—102.

дей, а затем станичный атаман донских казаков (см. § 2 наст. гл.).

15 июня 1647 г. Покушелов приехал в Коломенское, а затем в Москву в качестве станичного атамана донских казаков. В 1648 г. Покушелов в Карпове служил в городовых детях боярских с окладом 250 четей и жалованьем 8 руб. Но когда до окраинного Карпова докатились вести о событиях в Москве, Покушелов оказался в центре событий.

Служилые люди Карпова, хотя и имели некоторые льготы, связанные с поселением в новом городе, были обеспечены далеко не равномерно. В то время как Хлыновской и лица, близкие к воеводе, владели поместьями от 300 до 350 четей, рядовым стрельцам отводили под дворовые места участки размером 4×5 саж., так что им негде было «погребить выкопать» и некуда выпустить скот¹¹⁹. Покосами Хлыновского (4 тыс. копен) можно было обеспечить хозяйства 50 рядовых служилых людей. Вот почему, когда в Карпове начались волнения, приборные служилые люди и частично дети боярские стали заводить «круги» против него.

Движение в Карпове началось, по-видимому, между 9 и 24 июля 1648 г. Время волнений в Карпове определяется в документах так: «На Москве де в то время не утвердилось, а в Куреск сыщик по государеву указу про убийственное дело по то время сыскивать не прислан». Поводом послужил инцидент, происшедший в доме воеводы И. Вердеревского. А. Покушелов публично объявил, что стрелецкий и казачий голова Я. Свиштунов «прислан в головы от вора» Моисея Рылеева, чело века боярина Б. И. Морозова, за взятку в 15 руб.¹²⁰ Антиморозовские настроения проявились и по другому поводу. Покровский поп Иван говорил Хлыновскому, что он напрасно «осуждается с ними, со всем городом, и всех их называет свиньями, а стоит за изменников, за Бориса Морозова». Спор достиг в доме воеводы такой остроты, что Покушелов кинулся на Я. Свиштунова с ножом. С этого момента борьба вылилась в уличные беспорядки. Сторонники Покушелова в течение пяти недель заводили «круги».

А. Покушелов, М. Гринев и их сторонники открыто говорили на площади перед городскими воротами: «...только б де

¹¹⁹ См. там же, стб. 78, л. 102.

¹²⁰ ЦГАДА, Московский ст., стб. 226, ч 1, л. 14. М. Рылеев был дворецким Б. И. Морозова; убит во время разгрома двора 2 июня 1648 г. в Москве (см. гл. II).

¹²¹ Там же, стб. 226, л. 11.

они в то время, как учинилось смятение, были на Москве, и они б де весь боярский корень повывели»¹²¹. Это заявление позволяет судить о степени недовольства служилых людей порядками, созданными Б. И. Морозовым, об их решимости уничтожить боярскую правящую верхушку. И. Хлыновской возразил «скопщикам», что «они про бояр такие речи говорят не делом, и в Московском де государстве без великих людей быть не уметь! Которое де окресное государство без великих людей может стоять?». Но Покушелов ответил ему, что «на Дону и без бояр живут, а в Литве де черкасы панов больших побили и повывели»¹²². Хлыновской пробовал возразить: «Как де мужику великим человеком быть? Всегда де наш брат, мужик, — свинья!» Но стрельцы, пушкари, дети боярские и драгуны заставили его замолчать.

Из материалов следствия видно, что в Карпове «сход и совет был и в круг сбиралась» стрельцы (Готовцев, Лихарев), пушкари (Банщик, Д. Кузнец), дети боярские (Кистенев, Бредихин, Золотарев), драгуны (Сабельников и др.). Как видим, антибоярские настроения проявляли разные слои служилых людей, антиморозовские призывы подхватывали и приборные люди¹²³. Инцидент в Карпове — свидетельство влияния украинских событий на настроение и действия населения южных крепостей.

Волна всеобщего брожения и неповиновения властям довольно быстро докатилась до передового форпоста — Чугуева, основанного в 1638 г. украинскими черкасами. В августе 1648 г., в момент выборов на Земский собор, здесь начались волнения гарнизона против воеводы Я. Волконского. Причем брожением служилых людей умело воспользовался голова чугуевских стрельцов и казаков Г. Пасынков. Он, по словам Я. Волконского, «с чугуевцы со всякими служилыми людьми у двора своего всякие заводы заводит и составные умыслы умышляет», в результате чего воевода был отстранен от управления. В городе создан «заводной круг», который отправлял челобитчиков в Москву, чинил «всякие промыслы», обсуждал жалобы на воеводу¹²⁴. Настроение в городе позволило Г. Пасынкову придти в съезжую избу и разговаривать с воеводой, держа палку в руке. Не дожидаясь, пока чугуевцы приведут свои угрозы в исполнение, воевода сам пожелал уйти со своей должности.

¹²² Там же, л. 11—12.

¹²³ См. Абсолютизм в России..., с. 58.

¹²⁴ ЦГАДА, Разряд, Белгородский ст., стб. 259, л. 294.

Такой же характер носили волнения в крепости Царев-Алексеев: служилые люди, недовольные правлением воеводы С. Протасова, сгруппировались вокруг казачьего и стрелецкого головы, который якобы не велел «стрелецким и казачьим пятидесятникам и рядовым стрельцам и казакам воеводу слушать ни в чем»¹²⁵. Служилые люди перестали высылать людей на вал в караульную службу, возить лес, молотить хлеб, встречать гонцов и т. д. Такая форма протеста часто встречалась в те годы в южных городах. В этих случаях борьбой руководил не круг, а какой-либо авторитетный человек, иногда лицо официальное (голова), пользующееся случаем досадить воеводе.

Своеобразно проходило движение в Хотмышке. Эта крепость, построенная в 1641 г. на р. Ворскле, была одним из крайних западных пунктов на Белгородской черте. Тревожно было в гарнизоне летом 1648 г. Все посеы служилых людей уничтожила саранча. Между стрельцами и пушкарями шли споры о размежевании земли.

В этой беспокойной обстановке 30 июля 1648 г. до воеводы С. Н. Болховского дошел слух о том, что служилые люди города хотят его «камением убить». Эти сведения принес воеводе подьячий съезжей избы А. С. Котунин, который снискал себе дурную славу у хотмышан: за какие-то темные дела он был изгнан из Рыльска, затем приписал себе «двух мужиков убитых» и на этом основании ему прибавили оклад в 50 четей и 2 руб. жалованья. От имени детей боярских, стрельцов, казаков, пушкарей и воротников на него была подана челобитная, в которой служилые люди объявили слова Котунина «оглашением», ложью и уверяли воеводу, что «во всем городе и в уезде ни у какова человека, и нигде такова воровскова умыслу, и заводу, и заговору ни с кем не бывало, и ни у ково такова слова не слыхали».

Но вскоре обнаружилось, что их заверения не соответствуют истинному положению вещей. В том же году дети боярские били челом на Тимофея Милкова, обвиняя его «в вордовстве и в заводе»¹²⁶. В конце июня 1648 г. Милков побывал на Украине и хорошо знал, что там происходит. В документах, присланных из Хотмышка в Москву, содержалось прямое указание, что государевым делам чинится «завод и боруха... не от больших людей!».

¹²⁵ Там же, стб. 294, ч. II, лл. 503—506.

¹²⁶ Там же, Белгородский ст., стб. 270, л. 451.

Недовольство части служилых людей вызвал царский указ о запрете скоморошских игр и о необходимости посещать церковь. Вину за издание этого указа Милков и его товарищи возлагали на представителя в Земском соборе Г. Малышева, который одно время был стрелецким и казачьим головою в Хотмышке. На торгу «при многих людях» они обсуждали указ и наивно утверждали, что это дело рук Г. Малышева. Хотмышане, таким образом, выдвигали принцип ответственности отдельных делегатов Земского собора за постановления, изданные собором в целом.

* * *

*

Подведем некоторые итоги. В рассматриваемое время южная окраина продолжала осваиваться государством. Она интенсивно заселялась беглыми людьми, прибывавшими из центра и с юго-запада (черкасами). За короткое время было основано более 20 крепостей, что влекло за собой перераспределение земли на юге, вызывало споры между отдельными категориями служилых людей, крестьянами, новоявленными помещиками и государственной властью. Чрезвычайно острым был крестьянский вопрос. Крестьян на юге не хватало: их рекрутировало государство, набирало в военные гарнизоны или в полки, формируемые для отправки на юг. Служилые люди на поместном праве без рабочих рук находились на положении крестьян. Крестьяне боролись против перераспределения земли, против тяжелых государевых налогов и повинностей (городовой, судовой и пр.), против возвращения к своим феодалам. Формы борьбы крестьян были те же, что и в других районах государства.

Немноголюдные города юга были не только военно-административными и экономическими центрами, но и составляли организацию служилых людей, живших фактически в уездах, но приписанных к городу и имевших там осадные дворы. Землю за службу они получали не индивидуально, а корпоративно и все сильнее подвергались феодальной эксплуатации со стороны государства. Они платили натуральные сборы, денежные, работали на десятинной пашне, строили укрепления. Непосредственными проводниками феодальной политики были воеводы, поэтому в первую очередь против них и выступали служилые приборные чины.

Противоречивое положение служилых людей по прибору заключалось в том, что формы их комплектования и эксплуатации со стороны государства сближались их стяглыми людьми, а служебные функции и сословные права (для некоторых разрядов) — с классом феодалов. Поскольку в значительной части городов юга служилые люди составляли основную часть населения, их борьба за землю, борьба против попыток их вторичного закрепощения и использования их труда воеводской администрацией, против произвола воевод и приказных, против роста налогов и повинностей приобретала антифеодальный характер, так как объективно была направлена против распространения крепостничества на новые территории и категории населения. Формы власти во время городских волнений устанавливались по образцу казачьего круга: на общем собрании решались вопросы управления, суда, составлялись челобитные. Конечно, эта борьба не была и не могла быть последовательной, что объясняется двойственной природой служилых людей.

В несравненно большей степени эта непоследовательность характеризовала выступления служилых людей по отечеству, поскольку их главной целью было стремление войти в состав класса феодалов и расширить свои сословные права. Их выступления в большинстве случаев вызывались недовольством действиями воеводы и администрации.

Изучение архивных документов убеждает в несостоятельности попыток преуменьшить размах и значение движений в крепостях юга в 1646—1649 гг. Не подтвердилось и утверждение П. П. Смирнова об одностороннем направлении борьбы посадских людей на юге — против служилых слобод. В волнениях 1646—1649 гг. принимало участие население как городов, так и уездов. Наиболее сильными были восстания с участием крестьян и низов посада. Основной движущей силой восстаний были различные категории служилых людей, главным образом служилых людей по прибору.

Идеология народных масс во время движений в южных городах выражалась как в приговорных записях, так и в устной форме. Изучение волнений в некоторых крепостях юго-западного участка Белгородской сторожевой черты показало их связь с восстанием в Москве и с народно-освободительным движением на Украине.

ДВИЖЕНИЯ КРЕСТЬЯН И ПОСАДСКИХ ЛЮДЕЙ В ПОМОРЬЕ В 30—40-х ГОДАХ XVII в.

§ 1. Поморье в середине XVII в.

Поморье, занимавшее север Европейской части России от Заволжья до Белого моря и от Заонежья до Урала, существенно отличалось от других частей страны. Занятия сельским хозяйством переплетались здесь с охотой, морским, соляным и другими промыслами и торговлей. В Поморье фактически отсутствовало помещичье и боярское землевладение и главенствующее положение занимали черные земли. В устьянской волости и Мезенском уезде было только черносошное крестьянство, а в Каргопольском, Кеврольском, Яренском, Кайгородском, Чердынском и Тотемском уездах оно составляло 96—98% населения¹. Сравнительно небольшие города Поморья не имели в своем составе сколько-нибудь значительного числа постоянных служилых людей, и их поселение целиком состояло из посадских людей. Феодалом в Поморье выступало государство, взимающее феодальную ренту в форме всевозможных сборов, налогов и повинностей как с посадского населения, так и с черносошных крестьян. То обстоятельство, что феодалом в Поморье выступало государство, а олицетворением феодального гнета как для горожан, так и для крестьян была воеводская администрация, создавало известное единство всех категорий населения Поморья в борьбе с ростом налогового гнета и произволом воевод и приказных. В этих условиях выборные органы в городах и волостях нередко становились зачинателями и организаторами этой борьбы.

¹ См. Богословский М. Земское самоуправление на русском севере в XVII в., т. I. Приложение II. М., 1909.

Судя по «Росписи...», составленной в 1637 г., в городах и уездах Поморья было следующее количество дворов и людей²:

| Населенный пункт | Город | | Уезд | | Примечание |
|---------------------------|--------|------------|--------|------------|--|
| | дворов | чел. м. п. | дворов | чел. м. п. | |
| Устюг | 689 | 838 | 7084 | 9458 | |
| Соль Вычегодская | 293 | 430 | 4076 | 6146 | |
| Тотьма | 215 | 145 | 2180 | 3168 | |
| Устьянские волости | | | 969 | 1459 | |
| Чаронда | 44 | 79 | 1847 | 2542 | |
| Архангельск | 717 | 1090 | | | |
| • Двинские черные волости | | | 3216 | 5574 | +45 дворов и 47 человек бобылей |
| Погосты | | | 140 | 286 | Крестьяне и бобыли |
| Корцов посад | 40 | 83 | | | » |
| Кевроль и Мезень | | | 2521 | 3932 | +132 двора и 12 человек бобылей |
| Чердынь | 304 | 318 | 2509 | 3592 | +67 юрт и 81 чел. татар, остяков. Черемисы и мордва — 4 чел. |
| Соль Камская | 333 | 520 | 373 | 523 | +22 двора и 22 человека бобылей в городе |
| Кайгородок | 125 | 154 | 861 | 1024 | +5 дворов и 5 человек бобылей в городе |
| Орлов-город и уезд | | | 156 | 310 | |
| Вятка (5 городков) | 707 | 732 | 2892 | 5946 | +567 дворов и 673 человека татар, остяков, чувашей в уезде |
| Яренск | 54 | 55 | | | |
| Вымьский уезд | | | | 2839 | |
| Каргополь | 146 | 233 | 2241 | 2722 | |
| Заонежские пого- сты | | | 6014 | 9740 | +505 дворов и 518 человек бобылей |

² ЦГАДА, ПДСЛ, 1637, д. 57, лл. 2—3. Эти цифры не сходятся с данными М. Богословского (см. Земское самоуправление..., т. 1, с. 123—124, сн. 2).

Сведения «Росписи...» показывают относительно небольшую населенность поморских дворов, особенно бобыльских. Так, на 3694 двора в городах Поморья приходилось 4604 человека мужского пола, то есть всего по 1,25 человека мужского пола на двор. В уездах их было немногим больше: на 38 402 крестьянских двора приходилось 57 884 человека мужского пола, то есть 1,5 человека на двор.

Исследователи отмечают, что в XVII в. в условиях освоения Поморья феодальным государством в северном землевладении происходили очень важные процессы: наблюдался рост монастырского и церковного землевладения, менее крепкой становилась складническая система общинного землевладения, выделялась парцеллярная крестьянская собственность. При долевом землевладении «крестьянство имело возможность свободно продавать, покупать, обменивать, дарить и т. п. свои земельные участки»³. Крестьянская верхушка Поморья приобретала черные земли путем покупки и заклада, брала оброчные угодья (лесные участки) на льготных условиях и т. д.

Разорившиеся крестьяне превращались в половников или разбегались. Как установил А. Ц. Мерзон, за вторую четверть XVII в. количество половников в 629 станах Устюжского уезда возросло на 88%⁴. Но этот факт не дает оснований говорить о капиталистическом характере расслоения в первой половине XVII в., как считает Н. В. Устюгов. Половничество издавна являлось одной из феодальных форм эксплуатации. Беглые крестьяне в России не образовывали новых классовых групп и на новых местах вновь попадали в сферу феодальной эксплуатации.

Крестьяне в Поморье вели борьбу в нескольких направлениях: против духовных вотчин, которые теснили черные земли; против черных «вотчинников», вышедших из общины и стремившихся войти в класс феодалов; и против администрации, осуществлявшей феодальное угнетение со стороны государства.

Захват черносошных земель духовенством и черными «вотчинниками» встречал бурную реакцию поморского крестьян-

³ Устюгов Н. В. К вопросу о социальном расслоении..., с. 61; его же. К вопросу о земельных переделах на русском Севере в середине XVII века. — «Исторический архив», т. 5. М., 1950, с. 40 и след.; Мельник Л. Г. Имущественное и социальное расслоение крестьянского и посадского населения Поморья в XVII в. Канд. дисс. Киев, 1959, с. 100.

⁴ См. Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Рынок Устюга Великого в период складывания всероссийского рынка (XVII век). М., 1960, с. 354.

ства, которое выражало свой протест не только в мирных формах. А. П. Мерзон отмечал, что 21 человек из числа зажиточных крестьян Устюжского уезда захватили черные земли и обратили их бывших владельцев в половников, т. е. подвергли феодальному закабалению. Уходом из деревни разбогатевшие крестьяне автоматически слагали с себя долю различных налогов и служб и фактически становились вне крестьянской и посадской общин⁵.

Но главным направлением классовой борьбы, объединявшей все группы крестьян Поморья, была борьба против феодального государства и его представителей (воевод, сыщиков и пр.) на местах. В этой борьбе крестьян поддерживало торговое-ремесленное население посадов.

Поморье в XVII в. являлось перекрестком важнейших переселенческих и торговых потоков: от Архангельска через Устюг к Вологде и Ярославлю шел северный торговый путь, а с запада на восток пролегалла дорога в Сибирь и на Дальний Восток. Начавшееся складывание внутреннего рынка, с одной стороны, и отсутствие дворянского землевладения — с другой стимулировали более высокие темпы общественного разделения труда, оживление торговых оборотов, а следовательно, более быстрое, чем в районах помещичьего землевладения, выявление экономических полюсов как в городе, так и в деревне.

В городах Поморья были развиты металлообработка, судостроение, винокурение, переработка зерновых культур. В 20-х годах в ремесленном производстве и промыслах Устюга Великого было занято 600 человек из 853, т. е. подавляющее большинство горожан.

Хотя посадские люди составляли одно сословие, по экономическому положению они делились на группы. В первой половине XVII в. была заметна имущественная дифференциация горожан. Из владельцев 689 тяглых дворов Устюга Великого в середине XVII в. около 2% составляли «лучшие» люди, 13,4% — «средние», 40,3% — «молодые» и 44,4% — «худые» и «добре худые»⁶. Как видим, основную массу населения составляли две последние группы.

Большим бедствием для тяглых миров Поморья был вызов состоятельных лиц в Москву в привилегированные сотни и «избывание» ими тягла.

⁵ См. Бахрушин С. В. Московское восстание., с. 122.

⁶ См. Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч., с. 315, 325, 327.

Посады в целом, как и уезды, тяготились налоговым гнетом со стороны государства. Поморье было той областью, доходы с которой почти целиком поступали в руки казны. С началом Смоленской войны во второй четверти XVII в. они возросли вдвое. К 40-м годам сумма податного оклада, например в Устюге Великом, достигла огромной цифры — 60 тыс. рублей и косвенных сборов — 13 тыс. рублей. То же было и в Тотьме⁷.

Сплошная цепь чрезвычайных сборов привела население после Смоленской войны к сильному финансовому напряжению. Отчасти это понимало и само правительство. Так, в 1643 г. недоимки стрелецких денег в Соли Вычегодской за 1638—1642 г. собирались с рассрочкой в течение 10 лет. В 1645 г. данные и оброчные деньги разверстали на 6 лет, а недобор в Усолье в 1647 г. — на 40 лет⁸. Однако, несмотря на эти меры, шла катастрофическая убыль дворов. По «Росписи» 1646 г., в Устюжском уезде исчезло 78 деревень (269 дворов).

Наступило явное несоответствие между возрастающими поборами и подорванной платежеспособностью населения, которое усугублялось стихийными бедствиями, неурожаем, голодом и сопровождалось жесточайшим выколачиванием недоимок воеводой и его административно-финансовыми агентами. Применяя в качестве основной формы сбора недоимок правож и используя его для огромных поборов в свою пользу, воеводская администрация не считалась с органами и традициями мирского самоуправления и боролась с «мирским самовольством»⁹.

Борьба жителей Поморья против растущего финансового и феодального гнета со стороны государства проходила в самых различных формах. Прежде всего она проявлялась в подаче бесконечных челобитных с требованием уменьшить подати, упорядочить службы, с жалобами на воевод и подьячих, переписчиков и др. Существенную роль играла такая форма протеста населения против налогового гнета, как бегство в Сибирь, на восток и юго-восток. Отказы от выполнения повинностей, противодействие администрации, сыскам выливались иногда в открытые столкновения с отрядами стрельцов, воеводами и их пособниками. Немаловажное значение имело в Поморье разбойничество, при этом надо учитывать, что имел мес-

⁷ См. Колесников П. А. Из истории борьбы вологодских крестьян в XVII в. Вологда, 1957, с. 25.

⁸ См. Базилевич К. В. Мятеж в Устюге Великом в 1648 г. — «Ученые записки ин-та истории РАНИОН», т. 5. М., 1928, с. 273.

⁹ Богословский М. М. Указ. соч., т. II. М., 1912, с. 281.

то и обычный грабеж. Разбойниками становились обедневшие посадские люди, крестьяне, ярыжные, которые грабили проходящие по рекам суда, останавливали на дорогах обозы, делали налеты на торговых людей.

Наконец, протест против нарушения самоуправления воеводами, против непрерывно растущего налогового гнета со стороны государства находил выражение и в открытых восстаниях.

Как справедливо отметил исследователь Поморья А. А. Введенский, одной из форм классовой борьбы крестьян и посадских людей было так называемое одиначество — составление одиначных (или приговорных) записей о единстве действий во время борьбы за землю с духовными феодалами или с «сильными людьми» — с воеводами и администрацией¹⁰.

Наиболее распространенной формой борьбы было бегство. В 30-е годы XVII в. бегство из Поморья приняло массовый характер. Так, за период с 1625 по 1645 г. запустело пять сольвыгодских волостей, убыло 516 дворов крестьян и половников, 10 дворов бобылей, ушли 779 человек.

Когда в 1646 г. в Соль Вычегодскую к воеводе Степану Елагину пришло предписание о том, чтобы все денежные доходы «на усольцах на посадских людех и на волостных крестьянх собрать, а на ослушниках доправить безо всякого мотчания и поноврки...»¹¹, в волость вместе с выборными людьми были посланы стрельцы. Но в ряде мест они не обнаружили населения. В Ущечкой волости, например, «все крестьяне разбрелись врознь и править доходы отнюдь не на ком, потому что деревни все пусты». То же самое наблюдалось в Антроповой слободе и Лальской волости. В Покровском, Никольском и Пречистенском приходах оставшиеся крестьяне даже «не отбивались» от сыщиков, так как с «живущего» заплатили, а с пустых земель им платить было нечем, они также намерены были уйти.

Крестьяне указывали на различные причины бегства: хлебный недород, тяжелое сошное письмо, сибирская ямская гоньба и т. д. Бежали в основном на восток и юг — на Вятку, в Казанский уезд (Кукарка) и в Сибирские города¹². Небольшая часть беглых оседала в ближайших волостях и в хозяйствах гостей, а также на монастырских посадах дворниками, скры-

¹⁰ См. Введенский А. А. Классовая борьба и «одиначество» в Поморье в XVI—XVII веках. — «Вопросы истории», 1955, № 5, с. 118—121.

¹¹ ЦГАДА, ПДСЛ, 1646—1647, д. 52, л. 23.

¹² См. там же, лл. 6—9, 53.

валась у беломестцев. Лишь немногие из бежавших поступали в приборные люди стрельцами и сторожамн.

В грамоте 1647 г. говорится: «В прошлых годах в Руси из Поморских городов, с Устюга Великого, от Соли Вычегодской, из Перми Великой, с Вятки, с Кевроли, с Мезени, с посадов и из уездов сошли в Сибирь посацкие люди и многие пашенные крестьяне с тяглых своих жеребьев: от хлебного недороду и от бедности, с женами и с детьми и денежного и хлебного оброку в государеву казну не платят»¹³. По своему имущественному положению это были несостоятельные люди. Интересно указание на обеспечение некоторых беглых: хлеб им выдавали «помесячно хозяева, у ково они в половниках живут». Следовательно, уже в XVII в. намечались черты такой формы оплаты труда, которая впоследствии получила название месячины.

Таким образом, в середине 40-х годов бегство из Поморья было массовым. Но правительство упорно требовало уплаты всех налогов, даже с пустых жеребьев. Накапливались огромные суммы.

Не менее острое недовольство вызывал кормленщический характер воеводской власти. Приезжая в город, воевода требовал обычно денежный подарок (так называемое въезжее — часть посошного хлеба, собираемого путем разверстки с волостной крестьянской «сохи»), не гнушался и праздничных приносов, а также сборов «всядневных харчей» и прочих натуральных поборов, которые были тяжелы для населения. Протест против поборов составлял основное содержание многих выступлений. Нет никаких оснований, как это делали Н. Оглобин и др., считать подобные выступления обычной борьбой с плохим администратором.

Против феодального административного произвола в 30-х годах XVII в. единодушно выступали все слои населения как в городе, так и в уезде. Показателен случай, происшедший в Чакульском погосте Яренского уезда. В своей челобитной крестьяне Сумерской волости жаловались царю, что приказный человек Дмитрий Мякинин взял с них «въезжего» 60 руб., «да сверх того с них же правжем емлет кормы рожь и ячень, пшеницу, и яловищу, и бараны, и масло, и яйца, и рыбу, и лошадам овса, и сено. суды судит у себя во дворе без старост и без целовальников», а их отсылает. Пристава и люди Мякини-

¹³ Там же, № 14.

на берут у крестьян насильно платье «и иное, что попадет». За челобитья он сажает в тюрьму на 5—7 дней. Позвав на обед крестьян, Мякинин брал с них поклонное, подвергал аресту. За выкуп из тюрьмы они платили от 1 до 6 руб. В «деловую в работную пору» он загонял к себе на двор людей и требовал с них «поровенную» в размере 15 руб. Особым нападкам Мякинина подвергался староста Аникей Семенов, которого он бил ослопьем и взял с него в качестве выкупа из тюрьмы 20 руб. От произвола и насилия этого присланного из Москвы приказного человека «они, Сумерские волости крестьяне, вконец погибают и совсем до основания разорены, бредут врознь, и у многих у них пашня залегла»¹⁴. Жалоба не дала результатов, так как приказный использовал противоречия внутри общины и привлек на свою сторону часть доносчиков — Г. Ларионова и других.

В декабре 1636 г. яренскому воеводе Федору Елизарову представители местного управления Чакульского погоста земский судейка В. П. Титов, староста Никифор Ульянов-Байдит и другие подали челобитную на крестьян Якова Корякина, М. П. Меньшикова и еще на 23 человека того же погоста о том, что 20 февраля 1636 г. они напали на бывшего воеводу Ивана Кропотова и «к воде водили, и в тюрьму сажали, и двух человек его в воду посадили». Они конфисковали его имущество и разделили между собой. Боясь наказания, земские власти общались, что они «в том воровском заводе с ними не были» и что «своровали де они то своим умыслом».

Присланный из Устюга стрелец Бажен Гаврилов повез М. П. Меньшикова в Яренск для дознания. Но в Пустыньском погосте на Плесе (деревень — 54, крестьянских дворов — 150, бобыльских — 22) родные братья Меньшикова — Федор, Василий и Михаил «с иным своим племенем и заговорщижи» отбили его, а самого стрельца чуть было не утопили. Донеся об этом царю, воевода Елизаров опасался, что и «впредь от которых воров стрельцом учинитца убивство»¹⁵.

Выступления против воевод и их помощников неоднократно происходили в городах. А. Ц. Мерзон описал случай, происшедший в городе Устюге Великом в апреле 1632 г. Возмущенные поведением воеводы князя Дмитрия Львова посадские люди напали на судно, привезшее для него из Вологды продукты и деньги. Они ограбили «людишек» воеводы и отняли у

¹⁴ ДАИ, т. III, № 65.

¹⁵ ЦГАДА, ПДСЛ, 1637, д. 5, л. 2.

них 500 руб.¹⁶ В мае движение против воеводы возобновилось: толпа устюжан двинулась к съезжей избе с намерением расправиться с ним. О действиях восставших Д. Львов сообщал в Москву.

Характерно, что это движение возглавляли земские судьи П. С. Кабаков и П. Н. Попов и крупные торговцы посада М. Обухов, В. Бубнов, Г. Гулин и другие. Но вскоре они договорились с воеводой Д. Львовым о возмещении убытков за разгром его имущества и подписали «мировую челобитную». Этим объясняется столь мягкое решение по делу в Москве: главарей велено было отдать на поруки, а двоих прислать в Москву. Выбор пал на второстепенных лиц — Д. Килькина и И. Нестерова.

Довольно сильные волнения произошли на Вятке в 1635 г., в момент смены воеводы Хлынова, Орлова и Котельнича В. Чевкина Г. И. Волынским. Воеводы не только собирали с населения государевы посешные налоги, но и взимали множество других поборов в свою пользу: въезжее, праздничное, «вседневных харчей, пивных варь, винных браг», конские кормы, дрова и т. д.¹⁷ Г. И. Волынский привлек к управлению целовальников, которые непосредственно ведали сборами с населения. Возмущение вятчан вызывали «товарищ» воеводы служилый человек Матвей Рябинин, взявший со старост «начетных денег» 300 руб., и подрядчик Данило Калсин — «ябедник» и пособник воеводы, а также некоторые богачи (например, К. Нестеров).

Против этой группы выступили посадские люди и крестьяне окрестных уездов. Они ожидали присоединения каринских татар и остяков, с которых воеводы также брали взятки и кабалы. Но служилые люди в этих событиях участия не принимали. «Мы и сами от мирской молвы убежали», — говорили они.

Как и в других местах Поморья, «воровской завод» возглавила мирская верхушка: старшинами были земский староста Трифон Перетолчин, хлыновский староста Федор Вшивцов, земский дьячок Петр Русский, земские старосты Иван Суетин и Денис Шерстнев. Земские старосты силой увозили людей с правежа, так как пристава хотели избить последних до смерти. Узнав, что воеводам не положено брать «въезжее», народ потребовал, чтобы еще не уехавшие из Хлынова бывший воевода

¹⁶ См. Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч., с. 367—368 (ПДСЛ, 1637, д. 14, л. 51).

¹⁷ См. Оглоблин Н. Н. Народная смута на Вятке из-за «кормления» воевод. — «Исторический вестник», т. VI, 1892, с. 166.

В. Чевкин и подьячий Д. Одинцов возвратили деньги. Под угрозой расправы они вернули 400 руб.

Но восставшие разгрозались. 20 декабря жители явились к воеводе и потребовали, чтобы пристав А. Самсонов шел с ними к собиравшему «начетные деньги» (300 руб.) М. Рябинину. Услышав об этом, Рябинин с Калсиным бежали со своих дворов и спрятались в соборе. Воевода не стал за них вступаться. Толпа отправилась к собору. Перетолчин, Вшивцов и «лутчше люди» О. Васнецов, С. Суетин, В. Буторин взяли дубовый кряж и высадили двери. Посадские люди В. Ярков и И. Кормщиков-Удалой нашли Калсина, вытащили его из храма и убили, бросив тело в ров, окружавший стены города. Рябинина посадили в земскую избу под арест. Через 5 дней он вернул незаконно взятые 300 руб. и был отпущен. Но его двор, а также имущество Чевкина, Одинцова и соборного протопопа Ивана Бекетова было разграблено.

Когда бывший воевода Чевкин и подьячий Одинцов проезжали Котельнич, их задержал земский староста Спиридон Волков и потребовал, чтобы они предъявили «платежные памяти» о возвращении взятых у мира 200 руб. въезжих денег. Их и здесь посадили под арест и держали до тех пор, пока из Хлынова не привезли требуемые документы.

Хотя восставшие протестовали лишь против явно незаконных действий и поборов бывшей администрации, в августе 1635 г. на Вятку были отправлены сыщики князь И. А. Дашков и дьяк Д. Карпов, которые сослали в ссылку руководителя движения Т. Перетолчина (видимо, в Илимск).

Устюжское и вятское волнения — типичные примеры общего выступления против феодальной администрации, когда руководили движением представители мирской верхушки.

Население Поморья враждебно встречало различных чиновников, присылаемых из Москвы для проведения сыска и выполнения различных административных поручений. Так, в 1636 г. в Кайгородке прогнали («выбили») сыщиков, а воеводу заперли на его дворе. Пример кайгородцев стал известен в поморских волостях^{17а}. Сольвычегодец Т. В. Кривонос сказал: «Добры де мужики — кайгородцы, что оне долго у себя сыщикам жить не дают — выбивают вон, а здесь бы де также отказали б!» Отказывая в подаче обыскных речей присланному из Устюжской четверти Акинфому, усольцы говорили: «Так в Кайгородке сыщика вон выбили, не дорожися де и ты сыском

^{17а} См. Александров В. А. Народное движение в Кайгородке в середине 30-х годов XVII в. — Русское население Поморья и Сибири. (Период феодализма.) М., 1973, с. 60—71.

своим». 14 июня 1636 г. к Акинфову явились земский староста Пахтусов, посыльщики всех волостей, посадские люди «с великим шумом» и потребовали указ о сыске. Во всяких повторных обысках ему отказали 49 представителей посада, 14 посыльщиков от волостных крестьян и 1 всеуездный староста, при этом они «учинились сильны и лаяли его всякою неподобною лаею»¹⁸.

Устюжского подьячего Петра Калашникова, присланного с десятью стрельцами, усольцы бойкотировали, угрожали ему смертью, так что «стрельцы по тех ослушников ходить не смеют». В 1637 г. в Никольской, Деденской и Дмитровской сошках Устюжского уезда «мужики своровали и дворов своих переписывать не дали»¹⁹.

Не кажется случайным убийство тотемского пристава Д. Кускова крестьянином Березовой слободки Д. Серюковым, а также таможенного головы в Тотьме солевара Н. Мясникова. То и дело слышались «непригожие речи» и про самого царя²⁰.

Летом и осенью 1639 г. в Вологодском крае прокатилась волна открытых выступлений. Это объяснялось тем, что в уезды были разосланы досмотрщики для выявления пустых земель и рассыльщики для сбора недоимок стрелецких денег и вызова крестьян на правеж в Тотьму. Крестьяне оказали организованное сопротивление агентам воеводы, которых из ряда деревень попросту изгнали. Воевода А. Большов получил из Москвы строжайшее предписание: взять на 3 дня в тюрьму по 3—4 человека от волости, добиться выплаты недоимок любым путем, вплоть до битья батогами на правеже.

Отправка приказных людей в тотемские волости дала обратные результаты. В Стрелецкой волости крестьяне во главе с Федором Агафоновым избили рассыльщика С. Иванова. Агафонов был позже наказан кнутом. «Денежным доходом сбор стал», так как всеуездный староста Е. Самойлов увел с правежа всех крестьян и заявил, что они будут ждать нового воеводу²¹. Выступление крестьянских посыльщиков было поддержано тотемскими посадскими людьми, за исключением «лутчих» людей.

Таким образом, в движении вологодских крестьян против сыщиков: 1) проявилась их солидарность с посадскими людьми

¹⁸ ЦГАДА, ПДСЛ, 1636, д. 53, ч. 1, л. 14—15.

¹⁹ Там же, 1637, д. 57, л. 3.

²⁰ См. Колесников П. А. Указ. соч., с. 34.

²¹ См. там же, с. 36 (ЦГАДА, ПДСЛ, 1639, д. 45, ч. 1—2, лл. 89—90, 388—390, 535—546).

ми; 2) руководили движением представители выборной верхушки.

В середине 40-х годов начали проводиться повальные сыски беглых крестьян из черносошных заонежских волостей Новгородского уезда и Сомерского Старополя Старорусского уезда. Дело в том, что крестьяне покидали свои тяглые участки и уходили в монастыри и к светским феодалам. Когда в 1645 г. правительство распорядилось вывести крестьян Кижского погоста из Климецкого монастыря и взять штраф задержание беглых, монастырские власти не подчинились этому²². В 1646 г. по уездам Новгородской четверти стали проводить повторный сыск, который шел с большим трудом.

Летом 1647 г. вновь проводился сыск крестьян заонежских погостов. Дворянин В. Д. Золотарев получил для его проведения 37 подвод, десятки стрельцов, подьячих и «наплечных» мастеров. Он властно и жестоко требовал для постоев в уездах и на посадах тяглые дворы, большие кормы, не учитывал сроков ухода крестьян и т. д. Олонецкий погост новгородского архиепископа он записал как город, подчиненный царю. Он отписывал стрельцов и бобылей Сумского острога, разгонял «наемных и обетных людей-трудников» Соловецкого монастыря, работавших в его вотчинах солончарями и дровосеками, а с монастыря требовал штраф задержание беглых²³. Монастырские власти писали в челобитной, что в монастыре никогда не было крепостных крестьян и «живут люди все пришлые.., а приходят, государь, оне по своему обещанью, для исцеления, кто на сколько лет жить обещаетца в трудах, а иные, государь, от бедности для прокормления и наймов». Учитывая эти доводы, правительство разрешило не брать с монастыря «зажилых денег», но крестьян, служивших в стрельцах при Сумском и Соловецком острогах, приказало вернуть в Заонежские погосты²⁴.

С лета 1646 г. шел сыск беглых крестьян и в районах Устюжской четверти, куда был послан дворянин Л. А. Микулин. Он прибыл сначала в Тотьму, где поссорился с воеводой А. Головинным из-за сбора недоимок по налогам. Оба «держали недоимщиков неделями в тюрьме, приказывали приставам не потворствовать, а бить батогами покрепче»²⁵. Население Тотьмы, доведенное до отчаяния, подступило 12 декабря

²² См. Смирнов П. П. Посадские люди., т. II, с. 110.

²³ См. там же, с. 113 (ПДСЛ, 1648, д. 39).

²⁴ ДАИ, т. III, № 33.

²⁵ Колесников П. А. Указ. соч., с. 42.

1646 г. «к съезжей избе скопом». Они ругали Микулина и грозили ему убийством, а всех стоявших на правеже освободили. К съезжей избе пришли свыше 100 человек, причем много «худых людей». Всех их велено было предержать 3 дня в тюрьме.

В декабре у тотмичей произошло еще несколько столкновений с сыщиком. 12 декабря они отказались идти на правеж, а 22 декабря поленом выбили окно в доме, где он обосновался. Осилить посадских людей было трудно, потому что у одного посадского человека живет ярыжных одних варнишных человек десятка по три и по четыре, окромя братья и детей, и племянников».

Спрогивление переписчику оказывали и тотемские крестьяне. Крестьянин Федор Агафонов, уже наказанный кнутом в 1639 г., возглавил движение в Стрелецкой волости, где крестьяне отказались платить недоимки и идти на правеж. Тогда стрельцы арестовали Агафопова. Поскольку он был зажиточным, с него взяли недоимку, «а те судные крестьяне оплачивались после, а иные кабалу на себя давали»²⁶.

Но и эти меры помогали слабо. В Важском и Устюжском уездах стали создаваться крестьянские отряды. Так, в Ромашевском стане отряд в 100 человек во главе с Иваном Сверчковым, Дементием Михайловым и Василием Максимовым отбил шенкурских приставов, выделенных в помощь тотемским, которые отказались участвовать в поимке беглых крестьян, не выделили понятых и не дали подвод. В Илезской волости «хотели убить» приставов, присланных искать беглых крестьян. Рассыльщики жаловались на повальное бегство крестьян.

Не менее трудной оказалась и деятельность «сыщика» Л. А. Микулина в самом Устюге и в уезде. В первом полугодии 1647 г. он не смог приступить к сыску крестьян. А затем обнаружил 13 человек, живших на посаде, в стрельцах и на монастырских подворьях. Но за них никто не давал поруки «за их скудность». Тогда Микулин почел за лучшее отправить обнаруженных беглецов в тюрьму. Не ограничившись этим, он стал посылать рассыльщиков на розыски в Сибирь, на Лену. Но тут уж возмутились сами рассыльщики: они говорили, что дорога туда и обратно вместе с поисками займет полжизни, беглецы могли умереть за это время, а «киной збрел от бедности и кормитца лет двадцать и больше»²⁷.

²⁶ Там же, с. 43—44.

²⁷ Смирнов П. П. Посадские люди., т. II, с. 113—114.

В 1648 г. происходил сыск беглецов в Соликамском уезде и в Чердыни. Воевода Перми П. К. Елизаров вывез из Вознесенского, Пыскорского монастырей и от Строгановых большое количество черносозных крестьян (по данным М. А. Дьяконова, 143 семьи — 414 чел.)²⁸. Их недоимки по государевым сборам взыскивались с принявших их землевладельцев. Лиц, ранее продавших свои оброчные дворы, селили в Усольском (в Обвенском, Инвенском и Косвенском станах) и Кунгурском уездах²⁹. Итоги сысков в Перми показывают, что сюда бежали в основном крестьяне: из 552 семей было 510 семей крестьян и бобылей³⁰. За прием беглых вотчиннику заплатили штраф в размере 1500 руб. Лишь богатейшему солепромышленнику Григорию Никитникову на его Зырянском промысле удалось удержать 46 человек с уплатой за них всех податей и повинностей.

Повсеместные иски по вновь составленным в 1646 г. переписным книгам заставляли население вести неустанную борьбу против сыщиков и их помощников на местах. Эта отчаянная борьба велась иногда в виде подачи протестующих челобитных, «одиначных» записей, иногда методом индивидуального террора, вызывала и массовые выступления.

§ 2. Движения в Соли Вычегодской

Город Соль Вычегодская был одним из крупных торгово-промышленных центров Поморья³¹. По данным «Росписи городом и посадским людям», в Соли Вычегодской на посаде было 293 двора (430 чел. м. п.), а в уезде — 4076 дворов (6146 чел. м. п.)³². В 1636 г. с Усольского посада и уезда в недоимке государству значилось 5145 руб. 4 ал., за ее взысканием следил воевода Ф. Головачев. Его самоуправство раздражало население³³. Он не признавал жалованных грамот царя, расходовал мирские деньги, по своему произволу вы-

²⁸ См. Дьяконов М. А. Очерки из истории..., с. 61—62.

²⁹ См. Смирнов П. П. Посадские люди..., т. II, с. 117.

³⁰ АМГ, т. II, № 367.

³¹ О событиях, развернувшихся в Соли Вычегодской в 1636 и 1648 г., рассказывают материалы сыска, сохранившиеся в ЦГАДА, в фонде 141 Приказных дел старых лет (ПДСЛ).

³² ЦГАДА, ПДСЛ, 1637, д. 57, лл. 2—3. По данным П. П. Смирнова, количество посадских дворов в Соли Вычегодской уменьшилось по сравнению с концом XVI в. на 8,5%. — Смирнов П. П. Города Московского государства..., с. 83.

³³ См. Базилевич К. В. Мятеж в Устюге Великом в 1648 г., с. 276.

пускал разбойников из тюрьмы, «и крестьян всех разогнал, и животы вымучивал». Жалуясь на воеводу, челобитчики выступали от всего посада и уезда, говорили, что он «всякие обиды, и насильства, и продажи посацким людям и волостным крестьянам чинит...»³⁴

Если верить отписке Головачева, события на посаде развернулись следующим образом. Три брата Гогунинных (крупные торговцы солью), земский староста Семен Стрекаловский, посадские целовальники Дмитрий Ферапонтов, Трофим Мясник, целовальник Почезерской волости Иван Зубок и другие 12 февраля составили против Головачева «одиначную» запись. В ней говорилось, что усольцы решили убить воеводу, а двор, на котором он жил, сжечь. «Как убьют его, Федора, и будет на них за тот их завод государева опала или какое наказание, и им, по той своей одинашной записи, друг за друга стоять, и никому никою не в чем не выдать... кто станет сказывать не по ним, и им де побивать тех людей»³⁵.

Восставшие приставили 60 нанятых ими ярыжек сторожить воеводу на его дворе. На другой день, 13 февраля, на колокольнях церковей «во все колокола всполох били», затем собравшаяся толпа отправилась к воеводе. Люди шли «с луки, и с пищали, и с ослопы, и с камением, и с бревны, и со смолою, и с огнем, и с топоры»³⁶. Начался разгром воеводского двора. Разобрали ворота, хоромы обложили соломой и зажгли, выломали двери у сеней, повалуши и горницы. Воеводу приводили к присяге, конфисковали все его имущество— лошадей, пищали, сабли, узду, седла, платье, деньги, сосуды для варки питья и 300 руб. денег, говоря при этом: «Которые де мы деньги давали, те и взяли».

В трапезной Воскресенской церкви собрались «на совет усольцы, посадские люди и волостные крестьяне»³⁷. О составе совета говорилось: «А на совете... сидят: староста Семен Стрекаловской, да посадские и околородные целовальники и волостные посыльщики, и мирских сидит в избе много». Это свидетельствует о том, что против воеводы выступили все слои посада и уезда. Дмитрий Ферапонтов принес взятые воеводой у мирских людей кабалы на 120 руб., которые были тут же уничтожены³⁸.

³⁴ ЦГАДА, ПДСЛ, 1638, д. 61, л. 52.

³⁵ Там же, 1636, д. 53, ч. 1, л. 14; 1638, д. 61, лл. 49—50.

³⁶ Там же, 1636, д. 53, ч. 1, л. 4.

³⁷ Там же, лл. 5, 6, 10.

³⁸ См. там же, д. 5, ч. 1, лл. 12, 13, 575.

События принимали серьезный оборот. Видя это, Андрей и Петр Строгановы выступили посредниками. В результате была составлена «мировая запись», которую писал дьячок Максим Жучок при послухе посадком человеке Иване Нарыгине — доверенном лице Строгановых, которого пригласили, «чтоб убойство и дурно б какое не учинилось»³⁹.

Наличие нанятых людей, составление записей, участие Строгановых как посредников показывает, что инициаторами движения были выборные лица посада и уезда. Однако во время движения проявилась и неприязнь «меньших» людей к «луччим»: «Говорят де молотчие мирские люди, хотя де с нас государь велит в разбойном вершенье—казни (имеются в виду события летом 1636 г. — *Е. Ч.*) и в Федорове деле Головачева по гривне взять пени, и мы де тех завогчиков выдадим, кои де то дело завели!»⁴⁰ Это высказывание посадского человека Дмитрия Бушуева свидетельствует о том, что «молодые» люди имели свои интересы.

Однако когда дело дошло до сыска, население единодушно бойкотировало его. Волостные крестьяне говорили: «...много де таких обысков на Москве валяется под лавкою. Здоров бы де был многой мир — послали де мы к Москве шестьсот рублей, ино де и тем быть под лавкою обыском». Под влиянием этих настроений разрубные целовальники отказались прислать к сыщику площадных дьячков для переписки обысков. Такое единодушие объясняется тем, что протест назревал во всех слоях населения как в деревне, так и в городе и свидетельствует о том, что внутрисословная борьба имела второстепенное значение и не могла воспрепятствовать общим проявлениям недовольства.

Еще более сложное дело произошло в Соли Вычегодской в том же 1636 г. Сын головы московских стрельцов Федор Левашов приехал на воеводство в город 14 февраля 1636 г., в день восстания сольвычегодцев против воеводы Федора Головачева. Он объявил жителям, что послан на воеводство за заслуги в Смоленской кампании, поэтому «велено вам, мирским людям, меня, воеводу, за смоленскую службу кормити и харчи всякие носить на двор по вся дни»⁴¹. Собрав представителей мирских властей, он объявил им, что за полгода

³⁹ Там же, д. 53, ч. 1, лл. 5, 12. В сб. Города феодальной России (М., 1966) номер дела на с. 226, сн. 7 указан ошибочно.

⁴⁰ Там же, л. 14.

⁴¹ Там же, д. 25, ч. 1, л. 9.

доправит «по указу» 150 руб. «на приезд», 15 руб. на однорядку к Великому дню, а на праздник Петра и Павла — 3 «вари пивные» (по 8 четвертей каждая). Это обошлось посаду в 25 руб. Посадские носили на двор воеводы купленные на базаре хлеб, рыбу, мясо, дрова, лучину (что обошлось в 27 руб.), возили воду с реки. Таким образом, расходы населения на подношения воеводе за полгода выразились в сумме 213 руб. Из доходов, собранных в Ратмеровской волости, воевода самовольно взял 40 руб., так что данные и оброчные деньги оказались в недоплате.

Воевода вызывал раздражение не только алчностью, но и тем, что нарушал торговые правила и притеснял мирские власти. Он поощрял таможенных и кабацких откупщиков, которые брали произвольную пошлину (не по уставной грамоте), развозили вино по волостям и продавали его с надбавкой (по 2 руб. за ведро) и т. д. Воевода отбирал и опечатывал вино, купленное в государевом кабаке на Устюге. В угоду откупщикам он запрещал горожанам даже делать квас и торговать им на рынке. Вместо 12 приставов «по приговору» держал 20 и т. д.⁴²

Обо всех этих действиях Левашова сольвычегодцы сообщали в челобитной, поданной в Устюжскую четверть. В конце ее помечено, что в результате злоупотреблений воеводы «крестьяне из Усольского уезда бредут врозь и твоя государева отчина пустеет»⁴³. Система, при которой воевода чувствовал себя безнаказанным правителем, а откупщики — хозяевами в округе, вызвала всеобщее возмущение, и это объединяло интересы разных слоев посада и волости.

Как уже говорилось, после Смоленской войны усилилось разбойничество, вызванное налоговым гнетом. Разбойники нападали на торговых людей города и деревни: «Около Соли Вычегодской посаду и в уезде ходят многие воры, разбойники, крестьян мучат и головы секут, и животы грабят, и дворы жгут... и по дорогам многих людей имают...»⁴⁴. Разбой дошел до того, что к 8 июля, ко времени большой ярмарки, когда в Соль Вычегодскую со всего Поморья съезжались купцы, город оказался окруженным отрядами разбойников.

В это время в сольвычегодской тюрьме находились восемь разбойников. Решение вопроса об их судьбе⁴⁵ было лишь

⁴² См. там же, лл. 9—12.

⁴³ Там же, л. 14.

⁴⁴ Там же, ч. 2, л. 612.

⁴⁵ ЦГАДА, ПДСЛ, 1636, д. 25, ч. 1, л. 393; ч. 2, л. 606—609.

поводом для выступления против администрации, которая оказалась неспособной обеспечить минимальную безопасность населения. Чувствуя назревавшее недовольство в уезде и городе, руководители земских учреждений в лице всеуездного выборного старосты С. Я. Стрекаловского, разрубных целовальников Дмитрия Ферапонтова, Трофима Мясника из Андреевского прихода, Никифора Бобровского, приказчика вологодского архиепископа Ерофея Тараканова, посадского Андрея Яровой и гостинной сотни крестьянина Лальской волости Петра Паламошного взяли руководство движением в свои руки. Позже Левашов так объяснил их поведение: «Будет де в съезжую избу не пойдешь, инде быть великому дурну не токма что над тобою, ино и нас де каменем побьют»⁴⁶. Эта фраза, много раз повторенная во время следствия (и некоторыми отрицаемая), объясняет, почему «лучшие люди» стремились отвлечь от себя гнев народа и удержать в своих руках местное управление.

Пришедших к воеводе возглавляли «мирские добрые люди и волостные». Среди выборных лиц, кроме упомянутых, были представители посада: Иван Протопопов, Семен Кашин, Андрей Яровой⁴⁷ и др. Они потребовали, чтобы воевода шел в съезжую избу, показал им статейные книги об уголовных делах, также допросы разбойников и пыточные речи, но тот отказался. Тогда Петр Паламошный предупредил его: «Будет де в съезжую избу не выедешь, и розбойников нам вершить не дашь, и статейные книги не покажешь и быть де у нас великому дурну!»⁴⁸. Это заявление подействовало на воеводу, и он отправился выполнять их требование.

Староста Семен Стрекаловский тем временем ходил по посаду и собирал подписи под челобитной, требовавшей казни разбойников, сидевших в тюрьме. Когда крупный лальский торговец Михаил Емельянов, находившийся в доме откупщика Мокнева, а также Федор Ворунаев и Степан Семенов захотели приложить к челобитной руку, к ним отправились горожане, грозя «посадить их в воду». Воевода принял челобитную, «чернил ее и подправлял», отдал переписать, устно распорядился о составлении росписи колодников и их «покаивании».

Казнить разбойников шел, по словам подследственных,

⁴⁶ Там же, л. 417.

⁴⁷ См. там же, л. 446.

⁴⁸ Там же, ч. 1, л. 397.

«весь мир — был де миру у Соли съезд»⁴⁹. Одних колодников повесили на берегу р. Вычегды, на Старом городище, других — по московской дороге, у Убогого дома⁵⁰.

Когда в Москве узнали о сольвычегодских событиях, дьяк Пантелей Чириков доложил о них царю Михаилу Федоровичу прямо «в комнате» как об особо важном деле. 7 сентября 1636 г. из Устюжской четверти в Соль Вычегодскую был послан для сыска сначала Осип Хлопов, а затем мелкопоместный дворянин А. Ф. Акинфов с 20 стрельцами⁵¹. 10 стрельцов он должен был набрать в Устюге и там начать сыск, но устюжане отказались давать показания. Открытое сопротивление сыску возглавил крестьянин Андропьевой слободы Усольского уезда Алексей Захаров. Во главе посадских людей и крестьян он пришел к Акинфovu и стал кричать, что Ф. Левашов сам велел повесить разбойников⁵². Сыщик оказался настолько изолированным, что ему не с кем было отправить в Москву документы о неудавшемся сыске.

Сыск, проведенный Акинфовым в самой Соли Вычегодской, также не дал особого эффекта. Было ясно, что воевода Левашов под напором мирской верхушки дал согласие на казнь разбойников «словом», т. е. устно. Пришлось ограничиться тем, что более 20 человек усольцев были отданы на поруки устюжским стрельцам во главе с Лазарем Качаловым⁵³.

Так закончилось дело о казни усольских разбойников «без указа». Оно показало, что посад и уезд действовали совместно. В этих событиях ярко проявилась тактика мирских властей: чувствуя недовольство населения, прекрасно осознавая степень угрожавшей им опасности, они постарались отвлечь его от себя. Стремление состоятельной верхушки действовать «ото всего мира», «ото всего мирского совету» и держать в своих руках все мирские дела (включая карательные) характерно для движений в Поморье в середине 30-х годов XVII в., когда расслоение северного «мира» еще не влекло за собой возникновения классовых групп и были возможны более или менее единодушные выступления против феодальной администрации.

49 Там же, лл. 42, 441; ПДСЛ, 1638, д. 61, л. 40.

50 ЦГАДА, ПДСЛ, 1636, д. 25, ч. 1, л. 21; ч. 2, л. 480.

51 См. там же, лл. 3, 16.

52 См. там же, л. 59.

53 См. там же, л. 583.

9 июля 1640 г. сольвычегодскому воеводе Шаховскому подал челобитную ямской староста Усольского уезда Карп Цирков от лица всех посадских людей и волостных крестьян. В ней говорилось, что есть в уезде у духовенства, у монастырей, в Соли Вычегодской и Устюге, у вологодского архиепископа и устюжского протопопа, у торговых людей гостиной и суконной сотен Захарова «во многих волостях вотчинные их деревни и всякие уголья и промыслы», но крестьяне этих вотчинников находятся в лучшем положении, чем черные и волостные люди, так как они освобождены от многочисленных государственных «служб». А поскольку последние разверстываются на весь уезд без изъятия, то получается, что посадские люди и волостные крестьяне «от тех частых служб, что за их деревни обслуживают, обнищали и одолжали великими долгами»⁵⁴.

В указе, присланном в ответ на челобитную, говорилось, что со всех вотчинных деревень всякие подати и ямские отпуски необходимо брать и выбирать на службы из крестьян и половников «из добрых людей, кому можно верить ровно, с нашими волостными крестьяне вместе, чтоб никто ни за ково не платил и в избыле бы никто не был». Но на практике этот указ не выполнялся.

Таким образом, крестьяне и посады Поморья вместе выступали против привилегированного землевладения духовенства и верхушки торговых предпринимателей, требовали равного распределения государевых служб и повинностей. К этим требованиям прибавилось сильное недовольство денежными поборами и непрерывными сысками.

В феврале—марте 1648 г. при воеводе А. И. Большове в Соль Вычегодскую был направлен целовальник Фаддей Буторин и пристав Антон Ожегов для выяснения причин все возрастающих недоборов в казну. Таможенный голова московский торговый человек суконной сотни Федор Меженинов в 1646 г. по сравнению с 1644-м недобрал половину таможенных, кабацких и банных пошлин⁵⁵. Сам голова объяснил такое уменьшение сборов падением торговых оборотов (из Сибири — вывоз меха, с Вятки — хлеба, из Вологды — соли, с Устюга и Двины — рыбы). Действительно, соляные промыслы в Соли Вычегодской уменьшились: уже в 1640 г. из

⁵⁴ ЛОИИ СССР. Сольвычегодские акты, 1640, д. 16, лл. 2—3.

⁵⁵ ЦГАДА, ПДСЛ, 1648, д. 8, л. 68.

14 варниц топились лишь 6, остальные стояли «впусте за скудностью»⁵⁶.

Еще более впечатляющую картину нарисовали обыскные люди, которые объясняли недоборы тем, что «в миру стала скудность большая... от ямских дальних прогонов, и от вытного тяжелого письма, то немерного смертного правежу, что правят государевы доходы, и в ямские прогоны, и за пустые деревни сполна — от того многие крестьяне разбрелись врозь по городам с женами и с детьми...». Привоз хлеба уменьшился из-за недорода, а тех крестьян, которые все же приезжали в город, «на правеже емлют, и от тех больших правежей крестьяне врозь бредут и деревнишка свои в пусте мечут»⁵⁷.

История запустения Усольского уезда изложена в челобитной сольвычегодского старосты Богдана Шулеповского. Еще в 1625 г., во время описания Иваном Благим и подьячим Василием Архиповым, на посад и уезд были наложены «сверх прежнего письма многие выти и лишние оброки». Писцы писали в выть по 6—8—10—12 дворов, и это казалось тяжелым. В 1646 г. в результате описания, проведенного Богданом Приклонским и подьячим Осипом Трофимовым, выявилась убыль дворов. Иван Чирков и подьячий Григорий Белой обнаружили 1079 пустых дворов. За 1647—1648 гг. их количество увеличилось. Невзирая на это, Б. Г. Приклонский считал в выти уже по 4—5—6 дворов, в результате чего разверстка налогов на двор увеличилась: «И против того вытного оклада наших земель нет, потому что у нас земли плохие, и места тесные меж болоты, и реками мечет и песками засыпает, и пашен прибавить негде, и хлеб позябает»⁵⁸.

Кроме того, с выти брали на сибирскую ямскую гоньбу по 30 руб. Несмотря на то, что крестьяне отказывались платить за издавна пустующие дворы, воевода посылал устюжских стрельцов и приставов, которые для сбора недоимок «достальных крестьянишек скот побрали, и продавали, а деньги имали» в казну. На 1648 г. недоимки за пустые волости и деревни составили 8 тыс. руб. данных, оброчных и стрелецких денег.

От имени крестьян и посадских людей в челобитной выдвигались следующие требования: сравнять вытные оклады Поморья с подмосковными (дворцовыми, патриаршными и митрополичьими) землями; снять лишние оброки и «наваль-

⁵⁶ Там же, 1640, д. 47, л. 13.

⁵⁷ Там же, 1648, д. 8, лл. 38, 52.

⁵⁸ Там же, д. 36, лл. 20, 24.

ные выти»; не взимать прямые налоги с пустых волостей и деревень и за беглых крестьян; освободить от выплаты за недоборы верхотурского головы сольвычегодца К. Гогунина.

Протест против усиливающегося налогового гнета со стороны государства, который усугублялся злоупотреблениями должностных лиц, объединял крестьянство и низы посада. Особенно ярко это проявилось во время восстания в Соли Вычегодской в июле 1648 г.

Еще в феврале 1648 г. по указу царя в Соль Вычегодскую был послан Федор Приклонский с наказом доправить на «огурщиках» налог ратным людям на жалованье, не собранный полностью за предшествующие 2 года⁵⁹.

Приклонский ничем не отличался от других сборщиков податей. Он взял «в почесть» 20 руб. «по мирскому заручному приговору, на слове, что было ему, Федору, сверх тех денег с посаду и с волостей не имать»⁶⁰. Но, невзирая на это, он продолжал собирать налоги не только в казну, но и в свою пользу. Так, с Алексеева стана он взял 10 руб. государственных денег, а 10 руб. «на себя вымучил»⁶¹.

На посаде и в уезде зрело недовольство. В этот момент из Москвы вернулись двое крестьян — свидетелей, а возможно и участников московского восстания в июне 1648 г.: Прон Кривошеин из Антроновой слободы и Бажен из Покровского прихода Вилегодской волости. На посаде они рассказывали, что в столице «всех посекли». Эти известия падали на благодатную почву⁶².

21 июня площадной дьячок Данило Хайминов явился на двор к Федору Приклонскому и заявил ему, «бутто на Москве... государевых бояр и служилых людей всех посекли». В присутствии целовальника Петра Ушакова и Федора Сосны Приклонский обрушился на Хайминова за эти слова. Но Хайминов «учал ему грозить смертью и, пошед, молвил — то ж де учинят они над ним, как прещ того учинили над воеводою над Федором Головачевым. И воеводе Олексею Большову, за то, что на них государевы доходы правил, также от них будет смертное убивство»⁶³. Дворы воеводы Алексея

⁵⁹ ЦГАДА, Приказные дела новой разборки (ПДНР), 1648—1649, д. 955, л. 55.

⁶⁰ ЦГАДА, ПДСЛ, 1649, д. 41, л. 10.

⁶¹ Там же, л. 8.

⁶² См. Базилевич К. В. Указ. соч., с. 279—280.

⁶³ ЦГАДА, ПДНР, 1648—1649, д. 955, л. 56.

Большова и Федора Приклонского всю ночь были в осаде.

Таким образом, можно считать, что восстание в Соли Вычегодской началось уже 21 июня. С утра 22 июня город оказался в руках восставших. Прежде всего они освободили с правее волостных посыльщиков: Ратмеровской слободы — Зота Иванова, Лальского погоста — Федора Аникеева, Антроповой слободы — Степана Матренина, Пачезерской слободы — Кузьму Иванова, Вилегодской волости — Панфила Иванова, Алексеева стана — Федора Сосну. Затем все собрались к съезжей избе и стали обсуждать вопрос об отобрании у Приклонского поднесенной «почести». Этот вопрос обсуждали всеуездный староста Богдан Шулеповский, площадной дьячок Данило Хайминов, освобожденные с правее волостные посыльщики, двое приехавших из Москвы крестьян и др.

Крестьянин Бажен сказал, что Федор собирает деньги для Бориса Морозова. Собравшаяся толпа (около 100 человек) отправилась ко двору сборщика. Первым делом у него отобрали деньги, государев указ о сборе налога, поручные записи, целовальничий выбор, записные книги, прогонные деньги, росписи и все «передрали»⁶⁴. Самого его сильно избили и бросили через забор. Очнувшись, он бросился бежать к дому князя С. И. Шаховского.

С. И. Шаховской — писатель и историк первой половины XVII в., автор многочисленных «посланий» к духовным и светским лицам, «слов», повестей о «смутном времени», церковных молитв и песнопений — находился в это время в Соли Вычегодской в ссылке. Его биография полна противоречий: то он шел против Шуйского, то выступал против тушинцев, в 1610 г. стал «перелетом», был у Сигизмунда, сражался вместе с Пожарским против Лисовского, затем был на воеводствах, в посольствах. В 40-х годах после воеводства на Тереке он оказался в Москве и участвовал во встрече датского принца Вольдемара, в 1644—1646 гг. опять попал в опалу, был сослан в Усть-Колу, затем в Устюг Великий и, наконец, в Соль Вычегодскую. Ожидалась его отправка в Якутск, но в 1648 г. ему разрешили «побыть у Соли», а затем, после непродолжительного пребывания в Москве, отправили в Томск⁶⁵. Этот опальный князь провел большую часть своей

⁶⁴ ЦГАДА, ПДСЛ, 1649, д. 41, лл. 2—9.

⁶⁵ ГБЛ, ф. ОИДР, д. 227, лл. 41—42. «Копия со списка князя Семена Шаховского Домашней записки».

жизни в темницах и далеких ссылках и был настроен враждебно к Романовым.

По его поведению в какой-то мере можно судить о позиции представителей боярства, оппозиционного правящей династии. Он поддержал сборщика подати Федора Приклонского, предоставил ему убежище в своем доме и не выдал восставшим. Но одновременно с этим он угощал и, очевидно, расспрашивал свидетеля московского восстания Бажена, который говорил о Федоре Приклонском, что он «денег збирает на изменника, на Бориса Морозова»⁶⁶. Очевидно, с такой оценкой временщика Шаховской был внутренне согласен и ждал момента, чтобы воспользоваться общим недовольством и вновь приблизиться ко двору.

И действительно, когда к власти пришли родовитые бояре, противники Морозова, Шаховского вызвали в Москву. Но, как только удалось справиться с первым шквалом восстаний и Морозов был возвращен в столицу, Шаховского отправили в очередную ссылку — на сей раз в Томск.

Тем временем Приклонский получил защиту от Строгановых. Он пробрался к собору и заперся там, куда за ним также приходили повстанцы. Воспользовавшись правом неприкосновенности, которое давало пребывание в церкви и дворах крупных вельмож, мать Федора Строганова Матрена приказала своим людям не выдавать его на том основании, что «та церковь — строенье их!» В ту же ночь он с трудом ушел «таем в лотке» по Вычегде, а затем «пеш» добрал до Москвы, принеся известие о восстании в Соли Вычегодской.

Преследовали Федора Приклонского, по-видимому, в основном крестьяне и черные посадские люди. В своей челобитной на имя царя он подчеркивал, что за ним приходили «без посадских целовальников и без лутчих людей».

Посадско-крестьянское движение в Соли Вычегодской было не только городским. В нем участвовали и приехавшие в город жители Окологородной волости, Двинского, Яренского и Тотемского уездов. Таким образом, как и в восстании 30-х годов, в этом движении посадские и крестьяне вели борьбу совместно против усиливающегося налогового пресса и злоупотреблений сборщиков. Представители выборных властей в лице старосты Б. Шулеповского пытались захватить руководство движением в свои руки.

⁶⁶ ЦГАДА, ПДСЛ, 1649, д. 41, лл. 1—10

§ 3. Июльское восстание 1648 г. в Устюге Великом

Движение в Устюге Великом 8—9 июля 1648 г. не раз являлось предметом научного исследования. Его, как и восстание в Соли Вычегодской, описал С. М. Соловьев; ему посвящены уже упоминавшаяся статья К. В. Базилевича, несколько страниц в монографии А. Ц. Мерзона. И хотя ход движения более или менее выяснен, необходимо вернуться к вопросу о его движущих силах, проследить историю подавления, определить его место в общей цепи городских восстаний.

По четвертному сметному списку с Устюга следовало собрать за 1633—1641 гг. данных и оброчных денег 5407 руб. 12 ал. 6 д. Но было собрано всего 199 руб. 17 ал. 1 д. Стрелецких денег также причиталась за 7 лет огромная сумма — 8419 руб. 21 ал. 2 д., но собрана была лишь половина. Недобрано было и за сибирские хлебные запасы⁶⁷.

Для взимания налогов сборщики сплошь и рядом привлекали воинские силы. «Подьячий с приписью» — товарищ воеводы, присланный из Москвы, Анисим Михайлов отвечал за сбор налогов и недоимок, начиная с 1646 г. С особой жестокостью он взимал с населения налог за сибирские хлебные запасы («...большим жестоким правожом, а на ночь мечет в тюрьмы»). Так же безжалостно он собирал недоимки и весной 1648 г. Мирские власти решили собрать деньги и поднесли ему «почесть» в размере 260 руб., но и после этого правож продолжался прежним порядком. Тогда решено было отобрать у него «почесть». Этот вопрос обсуждался в первых числах июля и решался 8 июля на всеуездном совете, собравшемся перед праздником и большой ярмаркой. В совете участвовали 17 представителей волостных людей (от 11 волостей вместо 42), случайно оказавшихся в городе. По своему положению эти люди были различны: одни представляли «лутчих людей», другие — крестьян. Так, Нечай Алексеев (Утмановская волость, Усольский уезд) заявил собравшимся: «Хотели де вас в воду миром посадить, а вы де здесь, в судебне!»⁶⁸. Но по вопросу об отобрании «почести» мнение было единодушным — деньги у Анисима Михайлова отобрать. Состав совета и его ход свидетельствуют о том, что он имел мирные цели. Совет послал крестьян Анисима Рош-

⁶⁷ ЦГАДА, ПДСЛ, 1642, д. 50, л. 209—211; ПДНР, 1648—1649, д. 955, л. 3.

⁶⁸ Городские восстания..., с. 148.

жина из Верхопушемской волости и Потапа Климовского из Ерогодской волости взять обратно «почесть» у Анисима Михайлова, но деньги он им не вернул. Таким образом, заседание не имело того значения для начала восстания, которое ему придается в ряде исследований.

8 июля произошло еще одно событие, на которое до сих пор не обращалось достаточного внимания, но которое послужило последним толчком к началу восстания, — приезд из Москвы в Устюг торгового человека Федора Печацына, который рассказал о событиях, происшедших в столице в начале июня. Братья Печацыны принадлежали к «лутчим» посадским людям. Ф. М. Печацын скупал хлеб в уезде и торговал им. Он вел торг в бассейне Двины и Печоры, в Сибири и Архангельске «отъезжими товарами»⁶⁹. По-видимому, Печацын оказалсь в Москве по своим торговым делам. Его рассказ произвел на устюжан ошеломляющее впечатление и был мгновенно подхвачен в городе. Житель Нововышлого стана Игнатий Яхлаков «носил бумагу согнута, а говорил во весь мир, что де пришла государева грамота с Москвы, а велено де на Устюге по той государеве грамоте 17 дворов грабить»⁷⁰.

Безуспешность миссии Анисима Рошкина была, по-видимому, истолкована крестьянами и посадскими людьми как сговор и предательство их интересов некоторыми членами совета. На другой день, 9 июля, устюжский кузнец Моисей Чагин, Игнат Яхлаков, Александр Бабин, Василий Шамшурин в съезжей избе требовали от земских судеек прямого ответа на вопрос: «Есть ли у них помысел такой, чтоб у Анисима взять деньги?». А участника совета Федора Волкова выволокли и хотели утопить. С трудом вырвались из рук восставших земский судейка Иван Бубнов и ружный староста Иван Мотохов, донесшие воеводе, что «волнуютца многие неизвестные черные посадские и уездные люди». Волнения на посаде не прекратились и после появления на площади воеводы М. В. Милославского, которого оттеснили к съезжей избе. «Воевода велел ворота в приказе запереть, и ворота заперли, и миром стали звон сполошной звонить. А мирские люди к приказу приступили и ворота у приказу стали ломить».

Город был объят восстанием. Гулко раздавался тревожный звон «сполошного» колокола. У церкви возникали ко-

⁶⁹ Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч., с. 685.

⁷⁰ Городские восстания., с. 143.

роткие, но яростные схватки: одни бросались унимать «сполох», другие, наоборот, оберегали вход на колокольни: «... а звонят де робенки малые, неведомо чьи!»⁷¹. Во главе с крестьянином Сухонского Черного стана Иваном Вороном все бежали ко двору Анисима Михайлова.

Участь Анисима Михайлова была решена. Не найдя его, восставшие разгромили его двор и отправились к воеводе, который был найден в доме подьячего Ивана Пушкарева, и потребовали от него выдачи Анисима Михайлова. Два раза его водили к обрыву и грозили утопить в реке. Жenu и тещу воеводы «приводили ко кресту». Наконец, при обыске воеводского двора Михайлов был найден. Моисей Чагин, Терентий Мясник, Иван Белый, Михаил Решетов выволокли его из горницы, убили в сенях и тело бросили в Сухону.

Стали искать подьячего Григория Похабова. Еще в ноябре 1642 г. земские устюжские посольщики Степан Кузьмин, Ефим Мосеев и другие подали челобитную на подьячих Владимира Никитина, его зятя Дмитрия Федотова и племянника Гаврилу, на Алексея Попова, его зятя Григория Похабова и племянника Прона⁷², в которой сообщали, что в 1628 г. эти подьячие были отставлены за то, что они «всем мирским людям чинят убытки». Это выражалось в том, что подьячие владели многими тяглыми деревнями, а платили, в лучшем случае, половину податей и то «из земских розметов», служб с этих деревень не служили, а на посадах держали обеленные дворы, за сибирские запасы собирали «многие деньги». С уезда они брали «подможные деньги» по 18—20 руб., а также «корыстовались» от составления описей, наказных памятей, ямских подводных отпусков и т. д.

В 1640 г. мирские люди хотели убить и посадить в воду Похабова, за что горожан били кнутом⁷³. Требования посольщиков сводились к следующему: отставить этих подьячих, заставить их платить налоги вместе с миром, выбирать подьячих погодно от службы и платить им из так называемых «пищих» денег. Эти условия касались также таможенной и ямской служб. Таким образом, устюжане единодушно выступили против нарушения старинных мирских обычаев о ежегодной выборности служащих, против алчной приказной бюрократии.

Подьячий Григорий Похабов, или, как его называли, «мень-

⁷¹ ЦГАДА, ПДСЛ, 1648, д. 98, л. 23.

⁷² См. там же, 1642, д. 50, л. 44.

⁷³ См. там же, л. 6.

шой воеводишка», сильно досадил устюжанам за 23 года пребывания в съезжей избе. Сын стрелецкого сотника, он вместе с родственниками занимался ростовщичеством и держал в кабале многих устюжан. Об этом он сам говорил в своей челобитной: «Отца моево Ивана и мои, Гришкины, письма и письмяные крепости и кабалы подрали и разнесли. А сколько каких писем, и крепостей, и кабал, и тово ныне вскоре не упомяаю». Неудивительно, что, узнав о восстании, он сразу же бежал из дома к Троицкому монастырю, затем переправился на Волгу, прибыл в Москву и первым рассказал о событиях в Устюге⁷⁴. Вот как рисует разгром двора Похабова его дворовой Филипп Михайлов: «И его, Григорьевы, хоромы секут, и окнами животы его бросают, и несут врозь, а иное ломаное, битое и драное мечут у его, Григорьевы, избы... и тот анбар разграбили ж»⁷⁵.

Кроме него из города скрылись и другие подьячие. Беглецы по несколько дней бродили в окрестных лесах и монастырях. Впоследствии об этих скитаниях рассказывал подьячий съезжей избы Прокопий Минеев: выскочив из избы по звону колокола, он и другие подьячие увидели бегущих людей, которые «бежучи, говорят: быют в колокола для того, копятца итти на подьячево Онисима Михайлова. И я, Пронька, и товарищи мои, Ярофей и Онтон, услыша такие речи, объял меня, Проньку, страх. И переехали за реку, за Сухону, и лесом прошли в Троицкий монастырь, на Гледень». Проскитавшись в лесу, он «тайным обычаем» пришел к воеводе М. В. Милославскому⁷⁶. Этот воевода был прислан в Устюг незадолго до восстания. По-видимому, он еще не успел досадить жителям города, поэтому восставшие оставили его в живых. Однако двор воеводы был разгромлен: «И ворота выломали, и на дворе сени, и клетки, и чуланы, лючкие все разломали, и животы ево разграбили...» Всего Милославский потерял имущества на 345 р. 13 ал. 2 д. 20 золотых и 15 ефимков⁷⁷.

Имеющееся исследование А. Ц. Мерзона и Ю. А. Тихонова по экономической истории Устюга Великого в XVII в. позволяет конкретнее, чем раньше, представить состав лиц, которые подверглись репрессиям со стороны восставших⁷⁸. Например, Меркурий Обухов с сыновьями занимался торговлей

⁷⁴ См. Базилевич К. В. Указ. соч., с. 283.

⁷⁵ ЦГАДА, ПДСЛ, д. 87, л. 65; Городские восстания..., с. 137.

⁷⁶ ЦГАДА, ПДСЛ, 1648, д. 87, лл. 40—41.

⁷⁷ См. там же, л. 64; ПДНР, д. 955, л. 258.

⁷⁸ См. Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч., с. 181—194.

с Сибирью. Через скупщиков он отправлял туда сукно, холсты, а оттуда получал пушнину. Он владел деревнями в Устюжском уезде (на 950 руб.), что позволяло ему продавать хлеб и скот, а также кузницами. Хлеб он скупал в прилегающих волостях. Свои торговые операции он широко вел и в уездах (на Волге). В 1643—1644 гг. продал в Устюге пушнины на 2250 руб. Такие, как он, «богатые люди и горланы, и ябедники живут, смеючись, и богатеют без меры»⁷⁹. В 1632 г. он участвовал в разгроме имущества воеводы князя Д. Львова, а во время восстания 1648 г. сам стал объектом нападения, но у него пропало имущества всего на 22 руб. 2 ал. 2 д.⁸⁰

Василий Бубнов также был крупным купцом, скупавшим хлеб и промышленные товары в городах и уездах. Он владел кожевенной мастерской, в которой работали наймиты. Бубнов торговал сибирской пушниной и вне Устюга. Его торговые обороты год от года увеличивались (за 20 лет примерно в 2—3 раза). Будучи сборщиком налогов, он «украл мирских сборных денег» свыше 2 тыс. руб.⁸¹ Семья Бубновых вызвала такое возмущение восставших, что ее члены вынуждены были скрываться в своих деревнях.

Бывший площадной дьячок Григорий Губин (один из самых состоятельных устюжан, владелец винокурни, на которой применялся труд наймитов) по подрядам поставлял вино в городские кабаки. Он участвовал в движении 1632 г., а в 1648 г. сам оказался объектом расправы.

Дмитрий и Иван Котельниковы, чьи дворы были разгромлены, также принадлежали к верхушке торгового мира, имели «свои деревни» в уезде, торговали хлебом. У них пропало имущества на несколько сот рублей. У всех перечисленных лиц повстанцы отбирали, уничтожали или уносили кабалы.

Следует отметить, что самые крупные купцы — Босые, Усовы и другие — во время восстания скрылись из города в окрестные монастыри, но их дворы остались нетронутыми. Очевидно, это можно объяснить тем, что они несли службу в Москве и не сталкивались с местным населением при разверстке налогов.

⁷⁹ АПД, т. II, вып. I, с. 378; Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч., с. 683.

⁸⁰ ЦГАДА, ПДНР, д. 955, л. 259.

⁸¹ См. Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч., с. 667, 670, 677.

Таким образом, репрессии восставших рядовых тяглецов были обращены против воеводской администрации, подьячих и части «лутчих» людей, связанных с распределением податей. Об этом можно судить по челобитной Милославского и Арсеньева: «Да и посацких, государь, лутчих людей дома разграбили и животы их поносили, и хоромы изломали и иссекли... и всех, государь, лутчих и средних людей разгоняли врознь и хотят побить до смерти»⁸². Еще более четкое представление о движущих силах восставших дает челобитная кабацких целовальников Мартемьяна Константинова с товарищами: «Волостные и посадские худые и мо́лотчие многие люди, собрався с топорами, и с ножи, и с вязьём, и с деревьём и лутчих людей посадских и гостинной сотни торговых людей всех разгоняли, и животы, и всякие запасы пограбили и рознесли без остатку».

По своему составу устюжское восстание было посадско-крестьянским. В нем участвовали, по словам московского солдата Льва Шаропова, «волосные и устюжане мелкие статьи и черные люди, а лутчие и средние статьи люди, сказывают, те в то время бегали же». Среди посадских людей в восстании участвовали «молодые» и «незнаемые», т. е. «худые» люди. Это были ремесленники: плотники, шапошники, пуговичники, кузнецы, а также каменщики, мясники, колодезники, мелкие торговцы (их список приведен в статье К. В. Базилевича)⁸³.

Значительно меньше внимания в литературе уделено участию в восстании крестьян. А между тем инициатором убийства Анисима Михайлова был крестьянин Утмановской волости Ф. В. Ногин. Он в 1622 г. в качестве посыльщика Нижнего конца Утмановской волости стоял на правее. Он выступал в судебно во время обсуждения вопроса об отобрании «почести» и, очевидно, стоял за убийство А. Михайлова задолго до восстания. Уже утром 9 июля он скрылся из города.

О роли Федора Ногина свидетельствует и случайно найденное в деревне Строшково письмо к нему брата Федора Ильина, который предупреждал его: «А большаки («лутчие». — Е. Ч.) и воевода, и все посадские люди несут на тебя кручину, и писать хотят на тебя, будто ты такое дело завел, да и збежал. Так ты доспел не гораздо, что было домой

⁸² ЦГАДА, ПДНР, 1648—1649, д. 955, лл. 3, 4, 25.

⁸³ См. Базилевич К. В. Мятеж в Устюге Великом в 1648 г., с. 289—290.

не ездить»⁸⁴. В сентябре 1648 г. Федор Ногин был схвачен и 18 декабря повешен.

Самое живое участие в развернувшихся на посаде событиях принял крестьянин Нововышлого черного стана Иван Ворон. Вместе с крестьянином с Петровского Усольского уезда Данилой Скрыпиным он участвовал в разгроме дворов воеводы, Г. Похабова и др. «А в распросе и с пытки Ивашко Ворон на себя и на товарищей своих ничево не говорил, а пытан и огнем жжон накрепко. И он ничево не говорил, языка не допытались», — сообщал И. Г. Ромодановский⁸⁵. И. Ворон скончался в тюрьме от пыток. Это было уже после того, как сыщику поднесли «почесть», чтобы он поменьше лютовал. Устюжане помнили о гибели И. Ворона и не простили этой смерти Ромодановскому⁸⁶.

То, что многие указывали на участие «незнаемых людей», как раз и свидетельствует об участии в восстании крестьян неизвестных на посаде. Все они съехались в Устюг на ярмарку («...волостные люди на мелких плотах, и в лотках с хлебом и со всякими крестьянскими товары в приезде были») ⁸⁷. Участников восстания, по показаниям подсудимых, было от 2 до 5 тысяч. Во время сыска было опрошено крестьян, полowników и бобылей 4817 человек⁸⁸.

Сложен вопрос о позиции стрельцов во время устюжского восстания. Единицы устюжских стрельцов участвовали в разгроме дворов. Некоторое участие в восстании принял отряд холмогорских стрельцов (34 чел.), пльвших из Вологды после похода на «двинских разбойников и становщиков». Кое у кого из них были найдены «грабленные» вещи. Но многие «устюжские стрельцы и приставы... и в разбеге были»⁸⁹. Об этом же свидетельствуют и показания стрелецкого сотника К. Я. Маркова. Во время восстания его оттолкнули, говоря: «Отойди де ты от нас, покаместа жив». Стрелец Иван Кострома говорил на следствии, что он просидел 9 июля дома и «вытти вон не смел», особенно после того, как пришла жена пятидесятника Михаила Воропаева и сказала, что «муж ее бит на смерть и привели де кровава» за то, что он, пытаясь вступить за Милославского, оттолкнул подступившего к

⁸⁴ Городские восстания., с. 159—160.

⁸⁵ Там же, с. 163.

⁸⁶ ЦГАДА, ПДНР, д. 955, л. 229.

⁸⁷ Там же, д. 955, л. 4.

⁸⁸ ЦГАДА, ПДСЛ, д. 87, л. 209.

⁸⁹ ЦГАДА, ПДНР, д. 955, л. 5—7.

воеводе Ивана Белоусова. Другой стрелец Андрей Хохлов вместе с Богданом Ворониным кинулись унимать «сполох», но их били палками и кирпичом, настигнув в конце Красного моста у поварни. Стрелец Василий Чицын сообщил стрельцу Андрею Федорову, что собравшиеся у воеводского двора люди «нашу де братью стрельцов побивают»⁹⁰.

Видимо, неравное положение стрельцов, не составлявших однородной массы в экономическом отношении, по-разному сказалось во время восстания в Устюге. Поэтому в адрес стрельца Маркова летели угрозы: «Станешь де збираца стрельцами и с оружием и мы де вас всех побьем и в воду посажаем». Когда воевода М. В. Милославский выехал на площадь и Василий Шамшурин схватил под уздцы его лошаадь, близкие воеводе стрельцы «по его велению» посадили Шамшурина в съезжую избу в колоду⁹¹. Когда же воевода побежал от восставших через задние ворота огородами, некоторые стрельцы (Даниил Харюков и др.) помогали ему — «тын разламывали, куда бежать». Стрельца Карпа Филиппова, помогавшего воеводе бежать из съезжей избы, ударил Терентий Мельник, сказавший: «Бейте стрельцов до смерти!» Вместе с воеводой он бежал на двор к стрелецкому сотнику, у которого они сидели под сенями «все то время»⁹². Часть стрельцов охраняла съезжую избу. Впоследствии стрельцы участвовали в приводе повстанцев к сыщику для следствия. Таким образом, небольшая часть стрельцов примкнула к восстанию, другие сохраняли нейтралитет, третьи бежали и прятались от восставших, некоторые пытались защищать воеводу и помогали подавлять выступление силой.

О позиции духовенства и отношении к нему восставших в нашем распоряжении имеется мало материалов. Известно, что во время разгрома дворов «лутчих» людей повстанцы «иконы колололи», срывали с них дорогую оправу, разгромили имущество попа⁹³. Многие духовные лица во время восстания покинули город (например, соборный протопоп Владимир) или отсиживались в церквях и монастырях, другие потом усердно участвовали в сыске и наказании восставших. Отдельные представители низшего волостного духовенства примкнули к восстанию.

⁹⁰ ЦГАДА, ПДСЛ, 1648, д. 121, л. 1. Это же подтвердил отсиживавшийся дома стрелец Яким Башаровский (лл. 7—9, 14).

⁹¹ Городские восстания..., с. 141, 165.

⁹² ЦГАДА, ПДСЛ, 1648, д. 121, л. 15.

⁹³ ЦГАДА, ПДНР, д. 955, л. 258.

Вызывает сомнение общепринятая датировка восстания одним днем. Движение, видимо, не ограничилось 8—9 июля. По 3—4 дня люди прятались в лесах и монастырях. Воевода и подьячие некоторое время опасались появляться в съезжей избе. Лишь 4 августа Милославский решился сообщить в Москву о случившемся.

История сыска по восстанию до сих пор не освещалась в литературе. Некоторые участники восстания вернулись к прежним занятиям, другие сочли за лучшее скрыться. До прибытия в город сыщика бежали 7 человек. В указе И. Г. Ромодановскому говорилось о необходимости казнить предводителей: «А велено их перевешать по дорогам от города в полуверсте и возле Сухоны-реки, и на виселицах велено их держать дён по 5—6 и больши, штоб на то смотря, иным устюжаном и иным таким вором неповадно было так воровать». В Тотьме был схвачен лишь Иван Сыскин «да по язычным молкам Устюжского уезда и из станов и из волостей немногие люди». Несмотря на то, что в сыске Ромодановскому помогали и присланные московские и местные стрельцы, пристава, воевода, администрация и «лутчие» люди, устюжане бойкотировали его. Ромодановский писал, что устюжане отказываются давать показания; сыск шел с большими затруднениями и крайне медленно⁹⁴.

Большинство крестьян отвечало на все вопросы односложно: «не ведаем», объясняя это удаленностью волостей от города, пребыванием на пашне, в лесу, на сенокосе, на струге с хлебом и т. д. В тех случаях, когда объяснить так было нельзя, утверждали, что ушли из города после заутрени и не были свидетелями восстания, ссылались на соседей, складников, попутчиков и т. д. Вскоре Ромодановский сообщал царю: «Посадские, государь, люди — устюжане, в сказках и обысках своих... лгут., пишут неправду, будто ничего не знают»⁹⁵.

Ромодановский проявил себя как жестокий палач. Сыск он сделал массовым: были допрошены жители 19 волостей, 12 станов. Кары применялись самые тяжелые. Более 100 человек «на пытке пытаны, и огнем зжены, и кнутьем биты», в том числе 2 «жонки». Из них 8 человек «мучали не по вине — напрасно». Во время пыток присутствовали лица, понесшие материальный ущерб от повстанцев. В тюрьме люди

⁹⁴ См. там же, д. 955, лл. 54—55, 245.

⁹⁵ ЦГАДА, ПДСЛ, 1648, д. 136, лл. 23, 37, 38, 54, 224.

содержались в тяжелых условиях: пятеро умерли от пыток и «от угару»; кроме того, скончалась 1 женщина⁹⁶.

Поскольку крестьяне не являлись на допрос и разбежались, в волости и станы были посланы отряды стрельцов во главе с сотником Б. Тайдаковым. Фактически в Устюге было введено нечто вроде военного положения. Одновременно И. Г. Ромодановский заставлял мирских людей «помириться» с подьячим Григорием Похабовым, но они категорически отказались. Всех приезжавших в город задерживали и после 10—15-дневного заключения в тюрьме подвергали допросу.

Стремясь смягчить действия карателя и оправдать невиновных от пыток и наказаний, посадские люди дали князю огромную «почесть» — 600 руб., кроме того, «на весь двор 50 рублей, окромя мелких припасов». Особую «почесть» поднесли сыщику уездные жители в виде «хлебов, и калачей, и всяких кормов, и денег». Не оставались в стороне и прибывшие стрельцы. Во главе с сотником Б. Тайдаковым они «вымучили на них грабеж и насильством взяли, и в кормах, и в подводах убытков им стало 186 руб. 3 ал. 3 д.». Такова картина беззастенчивого вымогательства «сыскающей» команды с посадского и крестьянского населения.

Жестокие методы ведения сыска вызвали возмущение устюжан. Они писали в Москву: «И в тех подводах, и в корме, и в налогах великих побибли, и впредь государевых четвертных доходов собирать не с кого, и государевых служб служить за них будет некому»⁹⁷.

Присланный для расследования стольник Н. А. Зюзин ничего не изменил в порядке ведения сыска; быть может, только ускорил его завершение. В результате полугодового сыска 18 декабря 1648 г. состоялась казнь четырех руководителей восстания: Федора Ногина («на усть Юга и Сухоны»), Терентия Мясника («по Сухоне-реке на берегу против того места, где они были, убив, подьячего Анисима Михайлова в воду бросали»), Ивана Солдата («на Сухоне-реке, на Жилкине») и Василия Шамшурина («по большой дороге Усольской и Сибирской»). 12 человек приготовили к смерти, «покаивали», одевали в смертное платье и ...везли обратно в тюрьму. 50 человек были наказаны кнутом.

Жестокость сыска была отмечена и устюжским летописцем, который в целом неодобрительно отнесся к восстанию.

⁹⁶ ЦГАДА, ПДНР, д. 955, лл. 215, 224, 226, 270.

⁹⁷ Там же, лл. 221, 222, 227, 228.

Он пишет, что в Устюг «был послан сыщик немилостивый, князь И. Г. Ромодановский, вскоре, не испытав без языку, мучил от великой ярости: с приезде в другой день шесть человек замучил до смерти, а четырех повесил, а осужденных возили, с ними же двадцать человек покаивались и в смертном платье все были»⁹⁸. Летописец упоминает и о том, что спустя почти год после восстания семьи устюжан и холмогорских стрельцов, примкнувших к восстанию, были сосланы на Симбирскую черту. Но осуществил это не сын боярский Н. А. Зюзин, как отмечено в летописи, а тот же И. Г. Ромодановский. Не совсем точно указано и число ссыльных: не 50, а 57 семей устюжан и не 25, а 34 семьи стрельцов.

Не совсем ясна судьба руководителя восстания Моисея Чагина. В статейном описке Ромодановского говорится, что он сбежал, а летопись указывает, что он был казнен.

Волнения в Устюге продолжались и зимой 1649 г., но они приняли иной оттенок. После разрома посадско-крестьянского движения Ромодановский вступил в конфликт с верхушкой города, а также со стольником Н. А. Зюзиным. В январе—марте Ромодановский проводил сыск в Соли Вычегодской. В это время Зюзин освободил часть сидевших в тюрьме людей и даже принял к себе на службу «иных мастеровых людей». Вернувшись в Устюг, Ромодановский вновь посадил в тюрьму 50 человек, а в «волости по крестьян разослал солдат и стрельцов и упрожал им пытками и казнь»⁹⁹.

В городе и уезде обстановка вновь обострилась. На сей раз инициативу в свои руки взяла посадская верхушка. Гость Василий Гусельников вступился за своего брата Гурия, которого Ромодановский потребовал сковать и привезти в Устюг, а гостиной сотни братья Босые были возмущены тем, что сыщик взял к себе во двор их беглого крестьянина Алексея Мезенца. Таким образом, создалась оппозиция Ромодановскому со стороны устюжской верхушки, которую поддерживал и земский судейка Семен Мыльник. Ссора произошла 1 апреля на пиру у воеводы, где собрались сыщики, гости, судейки, избранные на 1648—1649 гг. на различные должности посадские люди и другие. Когда Андрей Босой обратился к Ромодановскому с вопросом: «Для чего де ты людей наших подговариваешь?», тот высокомерно ответил: «Что де

⁹⁸ Титов Н. Н. Летопись Великоустюжская. М., 1889, с. 61—62.

⁹⁹ ЦГАДА, ПДНР, д. 955, лл. 296, 298, 300.

ты, мужик, меня позоришь? А меня де и бояре не лаивали! А твое де бесчестье и увече знаю, што 20 рублей заплатить — не дорога». Затем он обратился к Милославскому: «Вели де такова дурака выслать вон!» А. Босой был избит людьми Ромодановского.

Позже события, по описанию Ромодановского, развернулись следующим образом. Братья Василий и Андрей Босые, вознесенский поп Федор, их люди, «да с ними посадские и уездные люди устюжане, собрався воровски, человек с двести и больши, и дворишко, государь, мое осадили, меня, холопа твоего, хотели убить до смерти и вкинуть в воду. И ныне, государь, они ж, Василий и Андрей да земский судейка Сенька Мыльник советуют и заводят большой мятеж, и ныне я, холоп твой, от их воровского заводу сижу в осаде с людьмишками, боясь от них смертного убивства»¹⁰⁰.

Восстания не произошло, да братья Босые и не стремились к этому. 6 апреля Н. А. Зюзин прислал 50 стрельцов, которые «сопнали» Ромодановского со двора¹⁰¹. Он сделал свое дело, и его дальнейшее пребывание в городе могло вызвать новый взрыв недовольства.

18 апреля из Устюга «на черту в новые города и в Симбирские пригородки» (в Юшальский, Тогаев, Уренской) были отправлены 34 холмогорских стрельца с женами и с детьми и 57 человек «устюжан посадских и уездных доставных ссылочных людей... с женами и с детьми и со всеми животы». Конвоировали их 20 устюжских стрельцов. Маршрут был таков: на гребных судах они плыли от Вологды до Белого озера, затем Шексной и Волгой до Ярославля, а оттуда через Нижний Новгород и Казань на Симбирскую черту. Среди неполных списков сосланных упомянуты 10 человек посадских, 13 крестьян, в основном участников заседания в судебно, 6 стрельцов, 1 дьячок, 1 ярыжный из Ярославля и 3 «жонки»¹⁰².

Итак, экономико-географическое положение обусловило особенности социального развития края. Хотя в этом районе страны было более заметно имущественное расслоение, однако его сущность оставалась феодальной. Верхушка торговых людей стремилась врати в класс феодалов, а обедневшая часть населения попадала в сферу феодальной эксплуатации. Сколько-нибудь значительных классовых групп, характерных

¹⁰⁰ Там же, лл. 304, 339.

¹⁰¹ См. там же, л. 306.

¹⁰² См. там же, д. 955, лл. 322, 324.

для будущего буржуазного строя, в рассматриваемое время в Поморье не было. По замечанию А. Ц. Мерзона, господство феодальной системы приводило к росту налогового бремени, отсутствию безопасности на торговых путях, частым неурожаем, дезорганизации хозяйственной жизни русских городов, вызванной жестоким правящим, грубым произволом правительственной и таможенной администрации, тяжестью устаревшей системы налогового обложения. Поэтому города в Поморье развивались медленно.

В XVII в. происходило энергичное освоение края феодальным государством. Этот процесс шел по нескольким направлениям. Борьба населения против усиления феодального гнета, против налогов и лиц, проводивших политику правительства, объединяла жителей посадов и уездов. Формы классовой борьбы против государственного гнета были разнообразны: легальные (челобития в Москву) и полулегальные (составление одиначных записей), бегство в Сибирь, противодействие воеводам, сыщикам, сборщикам податей, наконец, открытые выступления. Эти выступления зачастую возглавлялись выборными лицами из местных органов управления. Такая тактика «лутчих людей» посада и уезда особенно ярко проявилась в ряде восстаний в Соли Вычегодской и Устюге Великом.

Значение поморских восстаний конца 40-х годов XVII в., не осложненных выступлениями представителей дворянской оппозиции, заключалось в острой совместной борьбе жителей посадов и уездов против феодального государства и его представителей на местах. И хотя внутрисословное имущественное неравенство уже приводило к обособлению «лутчих людей» и выступлениям против них, все же генеральным направлением борьбы оставалось антифеодальное.

103 См. Мерзон А. Ц., Тихонов Ю. А. Указ. соч., с. 316.

НАРОДНЫЕ ДВИЖЕНИЯ В ГОРОДАХ СИБИРИ В 30—40-х ГОДАХ XVII в.

§ 1. Русское население Сибири во второй четверти XVII в.

С образованием Российского централизованного государства, усилением феодального гнета и оформлением крепостного права тяга крестьян и посадских в Сибирь усилилась; кроме того, в Сибирь правительство переводило пашенных крестьян, посылало и вербовало служилых людей, отправляло в ссылку и на поселение. Количество стихийных переселенцев было неизмеримо больше, чем переведенцев, в частности, это наблюдалось в 40-е годы XVII в.¹ Основная масса переселенцев двигалась из центра и Поморья.

С конца XVI — начала XVII в. в Сибири развертывается строительство крепостей, городков и острогов. Хотя строительство новых городов направлялось правительством, всю работу по их созданию выполняло пришлое и коренное население. Сибирские города — «это или опорные пункты в определенных областях сбора ясака, или преимущественно охранные заставы и большие ямские станции на путях связи Западной Сибири с центральной Россией, или, наконец, оборонительные остроги для защиты местного «ясачного» и переселенческого населения от нападений кочевников...»². Некоторые из этих крепостей, как и на южной окраине, вскоре стали центрами сельских округ, местом развития ремесла и торговли. Многообразием функций опорных пунктов русской колонизации Сибири определялся и состав их насе-

¹ См. Александров В. А. Русское население Сибири XVII — начала XVIII в. (Енисейский край). М., 1964, с. 296 (далее — Русское население Сибири...).

² Сергеев В. И. Основание городов Западной Сибири (до середины XVII в.). Канд. дисс. М., 1962, с. 300.

ния. Это были прежде всего служилые люди (немногие — «по отечеству» и значительно более многочисленные — «по прибору»), пашенные крестьяне, посадские (оброчные или жилецкие люди), гулящие люди, дьяки и подьячие, духовенство, приезжие торговцы или их приказчики. Таким образом, в числе горожан находились люди, совмещавшие занятия служилого человека, ремесленника и хлебопашца.

Большинство дореволюционных ученых исследовало правительственные мероприятия по эксплуатации промысловых богатств Сибири. Труды В. И. Шункова, В. Н. Шерстобоева, З. Я. Бояршиновой, В. А. Александрова, М. М. Громыко и других советских историков акцентируют внимание на крестьянской колонизации и развитии земледелия в Сибири.

Особенность развития феодальных отношений в Сибири заключалась в том, что, говоря словами Маркса, «государство здесь — верховный собственник земли»³, а у крестьян была та же «несвобода, которая от крепостничества с барщинным трудом может смягчаться до простого оброчного обязательства»⁴. Основной формой землевладения в Сибири была перенесенная сюда из Поморья разновидность складнической долево́й или, как она здесь называлась, повальная система. Суть ее заключалась в том, что первоначально земля расчищалась под пашню целым сообществом, затем каждый получал свою долю — пай, который можно было обменять, заложить, продать и т. д. Такое положение способствовало скапливанию земель у крестьянской верхушки. Оно препятствовало настоятельным попыткам правительства прикрепить крестьянина к его доле⁵. В Сибири имелись и частные земельные владения, но они не были для нее характерны. Путем пожалований, вкладов, перекупов и захватов формировались и земельные владения монастырей в Сибири.

Большая часть освоенной земли принадлежала государству, а крестьяне, обрабатывавшие ее, назывались государевыми. Все они обязаны были за пользование участком земли обрабатывать государеву десятинную пашню. Этим они как бы прикреплялись к тяглу, что было узаконено в 1636 г.

Собственная запашка допускалась в определенных размерах. Так, в 1648—1649 гг. деловые люди, занимавшиеся же-

³ Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 25, ч. II, с. 354.

⁴ Там же, с. 353.

⁵ См. Александров В. А. Русское население Сибири., с. 298—299; его же. Особенности феодального порядка в Сибири (XVII в.) — «Вопросы истории», 1973, № 8, с. 53, 57.

лезным делом под Тобольском, пахали на себя «на жеребий по семи десятин без трети в поле, а в дву потому ж...». С остальной земли — «с лишних их пашен велено взять на государя выделной хлеб пятым снопом», т. е. 1/5 урожая⁶. Таким образом, урожай на собственной запашке также ставился под контроль. Приказные люди следили за поведением крестьян, их верованиями, развлечениями, но особенно за тем, чтоб у них «воровских бунтов, и кругов, и драк, и убойств, и краж» не было бы, а также «шатости и измены»⁷.

Наиболее распространенной формой борьбы крестьян против феодального гнета как в центре Руси, так и в Сибири было бегство в новые районы. Были случаи, когда, испытав тяготы по освоению необжитого края, крестьяне стремились вернуться назад⁸.

Довольно распространенной формой борьбы крестьян против отработочной ренты и вообще против феодальных форм эксплуатации было неповиновение и невыполнение повинностей. Так поступили в 1648 г. пашенные крестьяне Тагила, которые, как следует из документа, «з государевы десятинные пашни государева хлеба не молотят». Воевода предписывал тагильским пашенным крестьянам зерно урожая 1648 г. «молотить безо всякого мотчанья, чтоб государеву хлебу истери не было» и «чтоб в крестьянском непослушании государеву делу порухи некакие не учинилося». Но они подьячим «отказали, государева указу и тобольских памятей не послушали, учинилися сильны, подвод им не дали, и на пашни свои не пустили»⁹.

Помимо использования труда государевых крестьян, в Сибири практиковался наем людей для сельскохозяйственных работ (особенно ввиду малочисленности крестьянских семей), однако этот наем не свидетельствовал о наличии буржуазных отношений, а наоборот, имел сугубо феодальный характер¹⁰.

Таким образом, при всем своеобразии комплектования и развития крестьянского населения в Сибири пути и формы

⁶ ЛОИИ СССР, ф. 28, Верхотурская воеводская изба, карт. 4, д. 70, сст. 1.

⁷ АИ, т. IV, № 35, 1842, с. 124—126.

⁸ ЛОИИ СССР, ф. 28, Верхотурская воеводская изба, карт. 4, д. 70, сст. 26; ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 307, л. 469.

⁹ ЛОИИ СССР, ф. 28, Верхотурская воеводская изба, карт. 4, д. 70, сст. 1, 41—42.

¹⁰ См. Шунков В. И. Очерки по истории земледелия Сибири. М., 1956, с. 376—379.

его борьбы имели то же направление, что и на юге, и в Поморье, — антифеодальное, причем борьба велась не против отдельных вотчинников, а против феодального государства и его представителей на местах. Имела место и внутрисословная борьба, вызванная определенной степенью экономической дифференциации земледельческого населения Сибири.

Как установил В. И. Сергеев, уже в первое столетие своего существования города Сибири развивались по-разному. Одни разрастались в большие посады и становились центрами обширных сельскохозяйственных районов (Туринск, Томск). Некоторые слободы превращались в торговые центры (Ирбит, Тюмень) или становились пунктами промышленного производства (в Верхотурье — судостроение, в Кузнецке — железоделательное производство, в Таре — добыча соли). Другие, как Мангазея, исчезли совсем. Третьи, игравшие роль опорных пунктов в объясаченных волостях (Пелым, Березов, Сургут), теряли эти позиции. Отдельные острожки со временем становились селами или просто поселениями (Сосновский, Кынырский, Вагайский, Каурдатский). В 1633 г. из четырех основных городов Западной Сибири первое место по количеству посадского населения занимала Тюмень (209 чел.), второе — Тобольск (75 чел.), дальше стояли Туринск (35 чел.) и Верхотурье (30 чел.). Всего в этих городах жило 349 человек посадских¹¹.

Роль ремесел, различных промыслов и торговли в городах постепенно возрастала. В связи с развитием хлебопашества в Сибири в городах развивалось мельничное дело, винокурение. Появились и обычные для города ремесленники: кузнецы, плотники, бочкари, кадочники, кожевники, сапожники, свечники, мыльники, серебряники. В далеком Енисейском крае сложились, например, такие отрасли производства, как железоделательное, кожевенное, мукомольное, судостроительное, соляное и т. д.¹²

Обмен товарами производился как с жителями ближайшей сельской округи, так и с местными жителями, торговавшими скотом, пушниной, кожами. Большое значение в Сибири имела и транзитная торговля приезжих торговых людей, которые занимались скупочными операциями. Наиболее ходовым предметом торга в Сибири был хлеб. Учитывая неравномерность развития отдельных районов Сибири, торговые люди на Лене, по займам около Усть-Куты и Чичуйского

¹¹ См. Сергеев В. И. Указ. соч., с. 120.

¹² См. Александров В. А. Русское население Сибири., с. 299.

волока окупали у пашенных крестьян «всякие хлебные запасы за долг дешевою ценою», в Якутске же продавали его дороже, «промеж собою зговоряся». Таким образом, Сибирь позволяла приезжим торговым людям развернуть свою деятельность не только в области промыслов, но и в сфере перекупных неэквивалентных операций¹³. На этой торговле, а также на вывозе пушнины на Русь (за что платили десятую пошлину) быстро росли (и часто разорялись) целые торговые фамилии. Особенно это относилось к поморским купцам.

Хотя местные посадские люди платили оброк «по животом и по промыслом, а не с пашен», многие из них занимались хлебопашеством. В некоторых сибирских городах (Верхотурье, Туринск) до 1621 г. для посадских людей действовали определенные льготы: они не платили оброков с пашен и промыслов, но за это несли различные таможенные службы в Тюмени, Мангазее, Тобольске. С 1621 г. посадские люди стали платить оброк от 30 коп. до 3 руб. С 1624—1625 гг. с посадских пашен стали взимать «выдельной пятый сноп», а также таможенные пошлины. После 1623 г. значительно увеличились посадские службы.

В отношении торговли действовали иные ограничения: во-первых, разрешалось торговать только в городе, а не «по юртам»; во-вторых, с местным населением нельзя было торговать до взноса ими ясака в государственную казну. Служилым людям разрешалось вывозить на Русь мехов не более, чем на 50 руб. Всем лицам, занимающим административные посты, запрещалось промышленять и торговать во время выполнения служебных обязанностей и посылать для этой цели своих людей в ясачные волости. Кроме того, в Сибири была запрещена торговля оружием и некоторыми изделиями из железа.

Хотя в Томске насчитывалось примерно 30 дворов посадских людей, половина их всегда несла всевозможные службы (у денежной, хлебной, соболиной и прочей казны). Все они платили тяжелые подати, часто в натуральной форме: десятую рыбу, с торгов — мех, на «баню» делали по 50 веников, с 1 руб. платили оброк, с лошадей — по гривне и пошерстного — 8 д., с калмыцких торгов — с 1 руб. по 1 ал. 6 д. От этого «немерного тягла» люди уходили из Томска, но всевозмож-

¹³ ЛОИИ СССР, ф. 160. Якутская воеводская изба, карт. 11, д. 38; См. Города Сибири (экономика, управление и культура городов Сибири в досоветский период). Новосибирск, 1974.

ные сборы оставались, причем их платили и за выбывших лиц¹⁴.

Как и служилые люди, посадские выражали недовольство управлением, сетовали на «воеводское насилие и на продажи». Характерно, что воеводы и приказные претендовали даже на труд чужих наймитов — ярыжек, которых посадские люди нанимали для выполнения разных государственных повинностей (за 12 руб. в год). С владельцев ярыжек брали налог: по 1/2 пуда хмеля, 1/2 ведра смолы, 50 веников; их привлекали к казенным работам в страдную пору и т. д. Доминирующими мотивами в требованиях посадских людей было облегчение государственных повинностей, протест против натуральных сборов, изменение системы разверстки податей, протест против феодальных форм управления и злоупотреблений «приказных людей», т. е. в основном те же, что и в других районах Российского государства.

Пестрая по своему экономическому положению группа служилых людей занималась и сельским хозяйством, и ремеслом, и торговлей. В Сибири, как и в центре, служилые люди обеспечивались жалованьем крайне неравномерно.

Ю. Я. Сулешов, один из первых русских «прибыльщиков», ввел в 1624—1625 гг. новое правило обеспечения служилых людей: те, кто имел пашни, лишался хлебной части жалованья. Эта мера хотя и стимулировала создание новых заимок, починков, деревень, но не прекратила подвоза хлеба из Европейской части России. Таким образом, попытка перевести служилых людей на земельное обеспечение и лишить их хлебного жалованья или значительно уменьшить его была сделана задолго до московского восстания 1648 г. Б. И. Морозов, проводивший подобную меру в отношении южных гарнизонов в конце 40-х годов, не был первым. Как видим, повод для недовольства служилых людей появился еще в конце 20-х годов XVII в.

Учитывая трудности доставки хлеба в начальном этапе развития хлебопашества в Сибири, эта мера центрального правительства больно задела интересы служилых людей. Земельный участок служилого приборного человека (пешего казака), как установил В. И. Шунков, «был невелик: и по своим размерам приближался в крестьянской заимке»¹⁵.

Чрезвычайно тяжела была служба «гсодовальщиков», посы-

¹⁴ См. Кудрявцев Ф. А. Восстания крестьян, посадских и казаков Восточной Сибири в конце XVII века. Иркутск, 1939, с. 31—32.

¹⁵ Шунков В. И. Указ. соч., с. 366.

лаемых на время в отдаленные остроги. Как пишет В. А. Александров, «служилые люди Восточной Сибири обязывались не только охранять границы от постоянных набегов кочевых племен, обеспечивать сбор ясака, но и выполнять всевозможные воеводские «посылки», тяжелые повинности по судовому делу, по доставке хлебных запасов в отдаленные города и остроги, искать полезные ископаемые»¹⁶.

Правительство желало сохранить земельные фонды в своем распоряжении, поэтому, как замечает В. И. Шунков, «претензии сибирских служилых людей добиться общего признания за ними права на землю и крепостных встречали настойчивый и постоянный отказ со стороны правящих кругов империи»¹⁷. В этом крылась одна из причин оппозиционных настроений сибирских служилых людей по отношению к центральной власти. В Томске она выявилась в 1645 г., когда был получен приказ о походе на «братских людей» и воевода князь О. И. Щербатый предложил выбрать 200 человек из числа служилых людей. Они ответили, что без получения жалованья на 2 года вперед в поход не пойдут: «...а ныне де им на твою государеву службу подняться нечем», тем более, что краснорязцы с «братскими людьми» «задор учинили для своей бездельной корысти»¹⁸. Думается, что в этом выразилось не только «халатное отношение томских воевод к вопросам защиты подчиненных городов», как считает С. В. Бахрушин.

В 1629—1632 гг. в административном устройстве Сибири произошли некоторые изменения. В западной Сибири образовалось два разряда — тобольский и томский. К России была присоединена Якутия, возник г. Якутск, энергичнее стала осваиваться р. Лена.

В условиях Сибири вся власть была сосредоточена в руках воеводы. От него зависело решение всех военных вопросов, строительство крепостей, организация походов, посылка «годовальщиков». В его ведении находились государева пашня и сбор всех налогов с населения, распределение повинностей. Он был главой административно-полицейской власти. Его власть всеми гранями затрагивала самые чувствительные стороны жизни населения, поэтому недовольство порядками феодального государства выливалось прежде всего в акции

¹⁶ Александров В. А. Народные восстания в Восточной Сибири.— «Исторические записки», т. 59, 1957, с. 261.

¹⁷ Шунков В. И. Указ. соч., с. 362.

¹⁸ Бахрушин С. В. Научные труды, т. IV. М., 1959, с. 153—154.

против воевод. Недовольство выражали не только русские крестьяне, служилые и посадские люди, но и местное ясачное население. В какой-то мере русское население Сибири активизировало борьбу местных людей против властей.

§ 2. Томские восстания в 30-х годах XVII в.

Томск был основан в 1604 г. после обращения князя еуштинцев Тояна о принятии его племени «под высокую государеву руку». За первую половину XVII в., по данным З. Я. Бояршиновой, русское население города увеличилось вдвое¹⁹. Заметен рост слоя служилых и гулящих людей. Служилая вершунка организовала крупные хозяйства с использованием зависимого труда, занималась подрядами, эксплуатировала ясачных людей, участвовала в торговле с Востоком. Однако основная масса служилых людей была материально плохо обеспечена. Как совершенно справедливо отметил В. А. Александров, «социальная рознь в среде гарнизонов определялась не только разницей в окладах», но и разницей в обеспечении землей, рабочими руками, а также доходностью хозяйства.

Конкретным поводом для волнений в 30-х годах в Томске была попытка правительства сократить или отменить выдачу жалованья служилым людям и оставить их на пашне или изменить соотношение между хлебной и денежной частями жалованья. Это вызвало противодействие и недовольство рядовых людей. Несмотря на то, что среда служилых людей была чрезвычайно пестрой по материальному положению, большинство их объединяла ненависть к воеводскому управлению и, так или иначе, задевала политика центральной власти.

Одним из первых проявлений открытого недовольства в Томске было движение при князе Н. И. Егупове-Черкасском в 1634 г. среди ссыльных людей (около 100 чел.), частично поверстанных в служилые люди, а частично — в крестьяне. Настроения среди ссыльных тревожили местную администрацию: «Во многих... в Томском в ссыльных в литовских и русских людех, в донских и волских казаках, и в пашенных крестьянах в побеге шатость»²⁰. В движении 1634 г. участвовали не

¹⁹ См. Бояршинова З. Я. Население Томского уезда в XVII веке. — «Труды Томского университета». Ист.-фил. науки, т. 112. Томск, 1950, с. 117—121.

²⁰ Флеров В. С. Восстания 30—40 гг. XVII в. в Томске. — «Ученые записки Томского пед. ин-та», т. XII, 1954, с. 293.

только казаки, зачисленные «по литовскому списку», но и пашенные крестьяне, поэтому назвать его заговором «томской литвы», как это сделал Н. Оглоблин²¹, нельзя.

Дворяне позже утверждали, что Иван Белиловец «подговорил» дворовых людей воеводы и многих ссыльных ночью зажечь острог, посад, слободы, а затем, «пограбя государеву казну, и жон их, и детей, хотели из Томсково бежать». Интересно, что повстанцы предусматривали устройство своего рода баррикад: они хотели «по улицам вязать веревки и класть бревна с подкаткою» вместо надолб, чтобы преградить путь конным и пешим. Они решили «посечь» воеводу Н. И. Егупова-Черкасского, Федора Шишкина, дьяка Андрея Строева, а по «грацким людям» стрелять из пушек и пищалей. Затем предполагалось пробраться на Яик, а с Яика на Дон.

Один из участников заговора выдал их намерения. Этот замысел настолько встревожил правительство, что оно распорядилось жестоко наказать его участников: 12 человек после попыток были повешены, некоторые посажены в тюрьму, остальные направлены в Москву²².

Но пытки и казни не могли приостановить новые выступления. В следующем, 1635 г., воевода Томска донес в Москву, что он недополучил из Тобольска около 5 тыс. руб. в счет жалованья, поэтому казаки приходили к нему «с великим шумом», требуя выплаты²³. В отправленной позже челобитной томские служилые люди жаловались на несвоевременную раздачу некачественного хлебного жалованья и принудительную скупку воеводами хлеба у служилых людей. Они решительно протестовали против нового закона — служить голько «с пашен», так как в Сибири хлеб был дорог (1 четверть стоила 12—15 руб.), в результате чего «челобитчики» задолжали «великими долги»²⁴.

С целью выяснения состояния служилого населения в Томске воевода И. Ромодановский составил в 1637 г. комиссию. Картина получилась впечатляющая: из 745 служилых людей Томска землей было обеспечено всего 156. Таким образом, действительным поводом к выступлению томских служи-

²¹ См. Оглоблин Н. Н. Заговор «томской литвы» в 1634 г. — «Чтения в историч. о-ве Нестора-летописца», кн. 8, 1894, с. 116.

²² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 196, л. 64.

²³ См. Бояршинова З. Я. Волнения в Томске в XVII веке. — «Вопросы истории», 1956, № 6, с. 110—111 (далее — Волнения в Томске...).

²⁴ Оглоблин Н. Н. Заговор «томской литвы», с. 242.

лых людей был новый порядок службы с пашен, в результате которого 69 человек лишились хлебного жалованья совсем, а 27 человек — частично.

Немаловажную роль в подогревании недовольства сыграло поведение воевод — известных князя И. Ромодановского и Андрея Бунакова — и известного казнокрада дьяка Анисима Трифона, который приходящих к нему «пиками пинает, и по щекам бьет, бороды выдрал и клещами печатными головы многим испробил»²⁵, а также «шишиморов» — советников из числа «лутчих» детей боярских. Подьячий хлебного стола Андрей Глазунов обвинялся в воровстве государева хлеба и присвоении соляного жалованья (по 1 пуду с человека).

Всего в восстании участвовало 700 человек, но наибольшую активность в движении 1637—1638 гг. проявили казаки во главе с пятидесятником Андреем Губой, Аггеем Чижовым, Иваном Володимирцем — будущим участником восстания 1648—1649 гг. Они потребовали, чтобы прибывшие в Томск хлебные запасы были розданы в счет жалованья на 1638 г. Воевода отверг их требование, ударил Ивана Матвеева и приказал схватить его, но он был отбит своими товарищами.

Начался уличный бой, в результате которого подоспевшие сторонники воеводы из числа детей боярских и богатых казаков разогнали собравшихся, а 7 казаков-пятидесятников посадили в тюрьму. В ответ на эти репрессии «своим насильством сели в тюрьме собою» еще 150 человек, из солидарности. Воевода даже не смог произвести допроса семерых колодников, их отбили горожане, начав «заводить круги и советы»²⁶. Воевода с тревогой сообщал, что «те-де казаки в тюрьме учились сильны и имен своих переписать не дали, и князя Ивана с товарищи лаяли и говорили, что де они приговорят войском, тому делу так и быть: государева хлеба им не важнать и с пашен своих без хлебного жалования не служивать».

Оставшиеся на свободе казаки продолжали борьбу. Придя к съезжей избе под руководством десятника Василия Седельникова, они приказных людей «лаяли всякою позорной лаею». Казаков из тюрьмы освободили, и они влились в толпу горожан, осаждавших воеводскую резиденцию. По аналогии с тем, что в 1634 г. в Москве были казнены бояре Шеин и Измайлов за то, что они якобы «многие государевы города с Литвою запустошили», восставшие обвиняли и князя Ромо-

²⁵ Там же, с. 243.

²⁶ Оглоблин Н. Н. Томский бунт 1637—1638 годов. — «Исторический вестник», июль, 1901, с. 230 (далее — Томский бунт...).

дановского в том, что он «запустил» их сибирские города. Думается, что это не просто «сибирский отголосок московских сплетен о знаменитом боярине М. Б. Шеине», как считал Оглобин, а реализация идеи расправы с воеводами и боярами — «изменниками», как их потом называли разинцы. Солидарность восставших проявилась и в том, что даже беспашенные казаки, которые имели право получать хлеб, не явились за ним, так как на кругу постановили не брать жалованья, составили челобитные и избрали челобитчиков в Москву. На р. Томи произошло столкновение казаков, сопровождавших челобитчиков, с рыбопромышленниками. В Шепильской, Чюрюбарской и Картульской волостях казаки подняли на борьбу ясачных людей — остяков, которые также передали свои челобитные.

Новая волна недовольства поднялась весной 1638 г., когда вернулись сопровождавшие челобитчиков казаки во главе с Иваном Матвеевым. Воевода попытался наказать ослушников, но они заявили, что отпущены были «ото всех томских служилых людей», а пришли они «ко всем же», т. е. фактически игнорировали воеводу. На его стороне были лишь немногочисленные дети боярские, таможенные и кабацкие служащие. Есть сведения о том, что воевода И. Ромодановский был смещен постановлением казачьего круга в апреле 1638 г.²⁷ Вместо И. Ромодановского, А. Бунакова и дьяка А. Трофимова в Томск прислали князя С. В. Клубкова-Массальского, И. С. Кобыльского и дьяка Д. Жеребилова. Повальный сыск не дал никаких результатов.

Из сказанного следует, что протест томских казаков был вызван правительственным распоряжением об отмене хлебного жалованья всем имевшим земельные наделы. Следовательно, этим распоряжением были вызваны движения не только конца 40-х годов, как считал П. П. Смирнов; оно имело место еще в 30-х годах XVII в. Томское движение 1637 г. показало, что служилые люди занимали различные позиции по отношению к восстанию: служилые по отечеству — дети боярские — не участвовали в нем, на стороне воеводы оказались также промышленники и приказные люди.

Формой управления во время восстания в Томске был казачий круг. Характерны энергичные попытки повстанцев расширить базу восстания за счет посадских людей и уезд-

²⁷ См. Бояршинова З. Я. Волнения в Томске..., с. 112.

ных жителей — остяков, активизировать их борьбу с царской администрацией.

Таким образом, движения 30-х годов не были чисто городскими, хотя и проходили в основном в городе. Это были народные движения, а не просто бунты против воеводских злоупотреблений, как они трактуются Н. Н. Оглоблиным.

§ 3. Томское восстание 1648 г.

Наиболее значительным движением в сибирских городах 1648 г. было восстание в Томске, не раз освещенное в литературе. Привлечение новых архивных материалов позволило выяснить этапы и характер восстания, уточнить его движущие силы, установить его связь с московским восстанием и движением в других городах Сибири и решить проблему руководства восстанием.

В 40-е годы XVII в. периодические неурожай ухудшили и без того тяжелое положение служилых людей Томска. Служба и необходимость ведения сельского хозяйства создавали большие трудности. Кроме того, занятие хлебопашеством влекло за собой обложение налогом — выделным хлебом (1/20 — 1/10 часть урожая). С соляного жалованья взималась пошлина по 2 гривны с пуда²⁸. Жалованье, которое полагалось служилым людям, систематически не досылалось. Служилые же люди требовали жалованье «безотступно, с великою доукою», говоря, «што де без твоего государева жалованья от денежныи скудости бресть им розно...»²⁹.

Типичной фигурой сибирского администратора был О. И. Щербатый, приехавший на воеводство в Томск в 1646 г. В челобитье, поданном от всего населения города, его обвиняли во взимании дополнительных налогов, обидах и «изгони», в «позоре» жен и дочерей, в пьяных оргиях, в том, что он монополизировал торговлю с калмыками, отправлял на Русь лошадей на государевых дощаниках, отбирал у служилых людей рыбные ловли, звериные промыслы и «бобровые речки». Позже его противник Бунаков говорил: «Приехал де он, князь Осип, в Томской на одном дощенике, а из Томского де поехал на девяти дощениках».

Служилые люди жаловались, что они «от ево насильства вконец погibli, от торгов и от промыслов ото всяких, чем

²⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 289, л. 61.

²⁹ Там же, лл. 40—41, 50—51.

они преж сего сыты были». Недовольство служилых людей вызывало и то, что Осип Щербатый «многих гулящих людей ставил в государеву службу в конные и в пешие казаки, которые бегают с Руси от дани и от оброку. А те гулящие люди служат без государева денежного и хлебного жалованья года по два и по три»³⁰.

В 1646 г. в Томск была прислана грамота, в которой говорилось, что тот, кто брал у ясачных людей детей (покупал или взаклад), должен был их крестить. Впредь покупать и брать их запрещалось³¹. Вопреки этому указу воевода отобрал «ясырь» у служилых людей и вывез в свое поместье. Служилые люди были недовольны и тем, что вместо городской повинности воевода потребовал с них деньги, так как подрядил плотников за 2500 руб. и дал им задаток, вычтя его из жалованья служилых людей на 1648 г.

Ссылаясь на насилия и ухищрения воеводы Щербатого и его приближенных, служилые люди требовали, чтоб сторонников Щербатого — «воров и городских смутников посадить в тюрьму»³². Они пугали правительство повторением восстания 1634 г., просили «оборонить» их от Щербатого, выдать им денежное жалованье на 1648 г., вернуть имущество и детей, отобранных у них воёводой.

Таким образом, претензии служилых людей не имели антифеодального характера. Они требовали, чтобы правительство регулярно выплачивало им жалованье, не стесняло их предпринимательскую деятельность, не мешало им эксплуатировать подвластное ясачное население, т. е. не лишало бы их доли «совокупной феодальной ренты».

Сходные требования предъявляли Щербатому так называемые служилые иноземцы (татары). Чукотские и низовские остяки жаловались, что он отобрал у них промыслы, позорил их жен, отнимал детей и крестил их, отбирал откормленных для ясака зверей, заставлял давать подводы, «изделия делать» в свою пользу и т. д. Особое недовольство вызывало

³⁰ Там же, стб. 196, лл. 224—225.

³¹ См. там же, стб. 469, л. 195. Зная, что этот указ вызвал недовольство служилых людей, во время восстания Бунаков своей властью отменил его.

³² Там же, л. 228. Подобная ситуация создавалась порой и в других городах Сибири — в Мангазее в 1630 г. и в Якутске в 1640-х гг. См. Бахрушин С. В. Московское восстание., с. 180—181; «История Сибири», т. II, М., 1968, с. 144.

требование платить ясак даже за умерших, старых и увечных³³.

Жалобы представителей местной феодальной верхушки не шли дальше изобличения вотчинных приемов правления самого воеводы, его стремления закабалить их и брать то, что должно принадлежать государству.

Недовольство проявляли не только верхи, но и низы города. Воевода заставил посадских и крестьян поставить для себя двор, делать на реке мельницу в страдную пору (от чего они откупились за 60 руб.). Вместо городской повинности стал собирать с посадских людей второй годовой оброк. В крещенские морозы, в виде наказания, посадских людей босыми ставили на правеж и «многих поувечили». Воевода брал к себе «на зделье» тех «гулящих и промышленных людей», которых издавна «наимовали в работу на урочные годы», т. е. на определенный срок, посадские люди. Из-за приговора воеводы гулящие люди были не в состоянии внести оброк и десятую пошлину³⁴.

Челобитная пашенных крестьян на воеводу и приказчика В. Старкова была подана от имени Федора Вязметина, Максима Зеркальцева и других. Их основные претензии сводились к тому, что Щербатый удвоил размеры десятинной пашни и разверстал десятинную пашню (по 1—1,5 десятины) на детей мужского пола пашенных крестьян³⁵. Но особенно крестьяне тяготили различные «изделья». В морозы они ставили воеводе двор, а в страду — мельницу, для которой ломали камень, прудили пруды, возили лес, т. е. фактически работали у него на барщине. Воевода заставлял возить дрова, глину, лед, закапывать навоз и т. д. Тех, кто не являлся на эти работы, он «сажал в тюрьму, и батоги, кнутъем бил и всякие обиды, и налоги чинил, и посулы имал»³⁶.

На том основании, что ссыльные в Сибири оставались, как правило, в зависимости от вины в том же сословии, Щербатый решил сосланных крестьян, поверстанных в Томске в казаки, вернуть на пашню, а вместо них поверстать в службу детей казаков. Под предлогом заботы о государевой казне он запрещал им отдавать дочерей замуж за посадских людей, чтобы у оставшихся холостыми крестьян «жеребьи не запустошить»³⁷.

³³ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 196, лл. 241—243.

³⁴ См. там же, л. 254—257.

³⁵ См. там же, лл. 260—262; стб. 307, л. 494.

³⁶ Там же, лл. 263—264.

³⁷ Там же, стб. 196, лл. 199—202, 264.

Крестьяне жаловались, что Щербатый отбирал у них все, что присылалось для обслуживания государевой десятиной пашни, на тяжесть городской повинности: воевода собирал по 30 ал. 4 д. с обрабатываемой десятины. За неуплату следовал правед. Из-за этого некоторые из них «дворишка свои испродав, и жен и детей заложя, а иные ходят по миру з блюдом». 12 февраля 1648 г. крестьяне подали Щербатому челобитную с просьбой отменить сбор и разрешить им самим отбывать городскую повинность, как это предусматривалось царским указом³⁸. Но поданную челобитную воевода рвал и топтал ногами, а в ответ на просьбу отпустить челобитчиков в столицу заявил: «Я и сам — не Москва ли?!»³⁹.

Подстать воеводе действовал и приказчик В. Старков: он заставил крестьян поставить для себя двор из казенного леса, а за них отправил других крестьян пахать десятину и «изделья работать».

Жалобы крестьян отражали их общее недовольство растущим феодальным угнетением со стороны государства и его представителей в Сибири, ущемлением личных прав, закабалением со стороны воеводы и приказчика, широко использовавших их труд в собственных хозяйствах.

Таким образом, в челобитных жителей города и уезда были не только общие жалобы, но и специфические для каждого сословия. Со служилой верхушкой города воевода конкурировал как феодал, с посадскими — как предприниматель, а в отношении крестьян и рядовых служилых людей вел себя как феодал-вотчинник.

Недовольством крестьян и приборных людей попыталась воспользоваться оппозиционно настроенная группа детей боярских и местной администрации, объединившаяся вокруг второго воеводы — И. Н. Бунакова и дьяка Б. И. Петрекеева.

Еще в 1647 г. из Томска в Москву были отправлены две челобитные, содержавшие жалобы на Щербатого. Одна челобитная была написана группой Бунакова — Петрекеева, другая исходила от служилых и «всяких чинов людей», возглавляемых Иваном Володимирцем. Столкновения этих групп со сторонниками воеводы приняли открытый характер с начала 1648 г. в связи со сбором денег на строительные работы. 20 февраля 1648 г. недовольные собрались в доме ссыльного служилого человека Плещеева-Подреза. Среди присутствовавших здесь крестьян возникла мысль бежать из Томска

³⁸ См. там же, стб. 307, лл. 354—355.

³⁹ Оглоблин Н. Н. Томский бунт..., с. 19.

весной 1648 г. («И они б на плотах поплыли, а на берегу де на Оби лоток много добудут»⁴⁰.) Максим Зеркальцев заявил, что им надо добраться до Нарыма, а дальше «они сыты будут», так как он знает остяцкий язык. Цели крестьян были расплывчаты и сводились к мечтам о новых землях, свободных от феодального угнетения, где не будет воевод и бояр, где можно создать свою казацкую республику, «свой Дон». Это было свойственно идеологии народных масс в XVII в. Плещеев-Подрез поддержал их⁴¹. Узнав об этом и, очевидно, боясь назревающего восстания, «лутчие» люди города (дети боярские, голова, атаман, подьячие, казаки и др.) 9 апреля 1648 г. потребовали ареста Плещеева-Подреза⁴². В лагере воеводы насчитывалось примерно 23 человека (10 детей боярских, Петр Сабанский с товарищами, подьячий, десятник, 8 казаков и ссыльный крестьянин Василий Сергеев).

Хотя основные требования восставших и приборных людей были направлены против феодального гнета, на поверхность всплыли противоречия внутри служилых по отечеству. В условиях всеобщего недовольства служилые люди — воевода Илья Бунаков, дьяк Борис Петрекеев, дети боярские, Г. О. Плещеев-Подрез, Федор Пущин и другие — попытались захватить власть в свои руки.

Илья Бунаков ничем не отличался от других воевод. В Томске он прославился своей жестокостью не меньше Щербатого. Он усиленно искал протекции в Москве у бояр Пушкиных, князя М. И. Вяземского, просил их освободить его «изо dna адава», как он называл Сибирь. Об этом свидетельствуют его письма к жене и братьям. Насильственные меры, применяемые Бунаковым к сторонникам Щербатого, доказывали, что он сам «учал быть самовластен!»

Не менее колоритна фигура другого лица из среды служилой оппозиции — Г. О. Плещеева-Подреза. Он одно время служил в Литве, а попав в Москву (судя по боярским книгам 1629 г.), стал стольником патриарха. Затем он был уличен в каком-то деле против церкви и «за многое воровство» в 1642 г. сослан в Сибирь⁴³. Его держали за приставом с окладом

⁴⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 196, лл. 62—63.

⁴¹ Оглоблин Н. Н. Томский бунт., с. 8.

⁴² ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 196, л. 8. По другим данным — 4 апреля (там же, л. 114).

⁴³ Есть основание думать, что Плещеев-Подрез поссорился с патриархом из-за того, что не верил в бога. Впоследствии из Сибири сообщали, что под его влиянием люди «почали от церкви божие отлучатца». См. ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 196, л. 58.

4 деньги в день. Плещеев-Подрез побывал во многих городах и острогах: из Томска по просьбе служилых людей он был переведен в Нарым, затем, поссорившись с воеводой, в 1645 г. попал в Кузнецк, где обвинил воеводу Афанасия Зубова «вслух, во весь мир» во взяточничестве, пьянстве, утайке ясачного меха и т. д.⁴⁴ Подговорив ссыльных людей, он собирался «через степь бежать на Яик», но вновь был возвращен в Томск, где за ним велено было смотреть «накрепко». В июле 1647 г. Подрез был зачислен в дети боярские с хлебным окладом (по 20 четей ржи и овса) и денежным (20 руб.) и получил возможность иметь своих кабальных людей. В Кузнецке и Томске Подрез занимался мелким предпринимательством. О неприязненном отношении к нему свидетельствует челобитная казаков с просьбой выслать его из Томска за разгульное житье⁴⁵.

Сведения из «Летописи, Сибирской истории служащей» об отправке Плещеева из Томска в Енисейск и его убийстве там, приведенные в статье В. С. Флерова, не подтверждаются актовыми источниками⁴⁶. В делах Якутской приказной избы имеется дело Г. О. Плещеева-Подреза, из которого следует, что после очной ставки со Щербатым его должны были отправить в Якутский острог. Указ был подписан в марте 1649 г., а до Якутска он дошел лишь в июле 1650 г. Судя по этим же материалам, Плещеев-Подрез недолго пробыл на воле. Взяв у лавочного сидельца гостя Шорина под залог оружие, 5 пудов муки и 40 сажень невода, осенью 1650 г. он вновь попал в Якутске в тюрьму, где грозил устроить «сором» воеводе Францбекову⁴⁷.

В связи с этими фактами думается, что называть Г. О. Плещеева-Подреза «одним из руководителей недовольных», «незаурядным человеком», «долгие годы протестовавшим и боровшимся с феодальным гнетом»⁴⁸, нет оснований. Очевидно, Плещеев-Подрез был не более чем представителем дворянской оппозиции, к тому же имел далеко не привлекательные личные качества.

Деятельным сторонником Бунакова был дьяк Б. И. Петрекеев, происходивший из семьи московского дьячка⁴⁹. В Томс-

⁴⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 307, лл. 350—352.

⁴⁵ См. там же, стб. 289, лл. 50—57, 138.

⁴⁶ См. Флеров В. С. Указ. соч., с. 302—303.

⁴⁷ ЛОИИ СССР, ф. 160, Якутская воеводская изба, карт. 5, д. 39, сст. 3—4; там же, карт. 12, д. 9, сст. 29—32.

⁴⁸ Флеров В. С. Указ. соч., с. 302—303.

⁴⁹ Богоявленский С. К. Приказные судьи XVII в. М.—Л., 1946, с. 283.

ке он служил с сентября 1647 г. Пользуясь своими обширными связями в Москве, он неряшливо вел документацию, присваивал государственные запасы («деньги и хлеб к себе имал») и т. д. Видимо, Петрекеев и его шурин князь М. И. Вяземский были предприимчивыми людьми: люди Петрекеева привозили с Руси вино, которое Вяземский сбывал в ясачных волостях Томского уезда; кроме того, они торговали пивом, медом и табаком, гоняли скот в Красноярск и Енисейск⁵⁰. Петрекеев неожиданно скончался в конце мая 1648 г.

Предприимчив был и другой сторонник Бунакова — сын боярский Федор Пушин. Будучи годовальщиком в Ачинском остроге, он продавал вино и скот, менял на мех и вкупе с Б. Петрекеевым занимался торговлей. Под Томском у него было «имение» (деревня), в котором его жена гнала вино на продажу. В страсти к наживе Пушин не брезговал и прямым разбоем. Будучи годовальщиком, он незаконно «писал» в ясачные книги малых детей, а за мзду их «вычернил». Приехавший в Томск летом 1648 г. дьяк М. Ключарев писал, что сторонниками воеводы О. И. Щербатого были «Томского города дети боярские... и служилые казаки, и подьячие, и лутчие люди, оприч Григория Плещеева и советников Федьки Пушина с товарищи». Следовательно, упомянутые лица принадлежали к верхушке служилых людей.

Непосредственным поводом к брожению в томском гарнизоне был приказ Щербатого об отправке из Томска в Красноярск 200 служилых людей (по просьбе воеводы Михаила Дурново).

Последующие события разворачивались стремительно. В начале апреля, боясь зреющего недовольства населения, 23 сторонника Щербатого подали челобитную о необходимости арестовать Плещеева-Подреза, который, узнав об этом, прискакал к съезжей избе и даже кинулся на Щербатого. Он был препровожден в тюрьму, но 12 апреля объявил за собой государственное дело на воеводу Щербатого, что требовало немедленного расследования. Воевода колебался, вызывать ли его из тюрьмы, опасаясь, «не будет ли какова дурного умыслу и промез грацкими людьми убойства?». Семен Паламошный и Федор Батрагин поручились за Плещеева-Подреза. Однако развернувшиеся события подтвердили опасения Щербатого.

Вскоре между сторонниками Щербатого и его противниками началось настоящее сражение. Одновременно восставшие

⁵⁰ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 196, лл. 73, 158, 190.

«почели детей боярских и служивых лутчих людей побивать». Начался разгром дворов богатых людей: у дворянина Петра Сабанского, конного казака Василия Балахина отобрали 300 руб., а запасы разбросали по двору⁵¹. То, что громили имущество дворян и «лучших» людей, независимо от их служебной принадлежности, доказывает челобитная казака Родиона Качалова. Он сообщал, что 13 апреля «многих казаков били насмерть ослопы и дома их грабили». В частности, в разгроме его двора принимали участие казаки Логин Сургуцкнй, на которого Качалов имел долговые кабалы, Григорий Сеченов и другие (до 30 чел.)⁵².

В «воровских кругах» участвовало свыше трехсот человек. Соборания происходили в Томске в различных местах: сначала во дворах Ильи Бунакова и Плещеева-Подреза, затем «многие круги были в остроге на площади», за острогом у пруда, где стояла мельница Б. Петрекеева, у церкви Богоявления и т. д.

В литературе существует разнобой в датировке восстания: В. К. Андриевич датирует его 1647 г., В. С. Флеров считает началом восстания 9 апреля 1648 г. — день ареста Плещеева-Подреза, З. Я. Бояршинова относит это событие к 21 мая⁵³, 12 апреля воевода О. И. Щербатый был отстранен от дел. Дату 12 апреля и следует, по нашему мнению, считать началом восстания: в этот день томичи «от государева дела воеводе... отказали и в съезжей избе сидеть не велели». Однако в тот же день воевода еще раз пришел в свою резиденцию в сопровождении 3 человек, взял печать и 2 ящика с наиболее важными документами. В ответ на это восставшие «меж себя целовали крест» и составили «заповедь»: кто к воеводе Щербатому пойдет, «тех людей бить кнутьем и батоги, и в воровских кругах ослопьем»⁵⁴.

Ко двору князя Щербатого «приставили 20 человек караульщиков и не велели к нему никакова чину Томского города и иногородным людем и попом ходить»⁵⁵. Город несколько дней находился в волнении. Сторонники Щербатого были посажены в тюрьму. Восставшие расставили заставы, решили

⁵¹ См. там же, лл. 10, 132, 168, 189.

⁵² См. там же, стб. 469, л. 80.

⁵³ См. Андриевич В. К. История Сибири, ч. 1. СПб., 1889, с. 155; Флеров В. С. Указ. соч., с. 302; Бояршинова З. Я. Волнения в Томске..., с. 113.

⁵⁴ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 196, лл. 12, 119, 166.

⁵⁵ Там же, л. 119.

опустить решетки и укрепить ворота. Этим достигалась двойная цель: предотвратить отправку отписок Щербатого в Москву и контролировать бегство крестьян и приборных людей из Томска⁵⁶.

Съезжая изба и сарай, где хранились порох и свинец, были запечатаны, и дела текущего производства («подьяческие ящики») перенесены во двор казака Девята Халдея, «а старых де дел, сундуков, и коробей, и столпов не перенашивали»⁵⁷. Осип Щербатый утверждал впоследствии, что дела носили казаки в течение нескольких дней, а государевы дела Бунаков держал у себя на дворе⁵⁸. Печать взяли на таможенном дворе. Закладчиков с аманатного двора из острога велено было перевести на посад во двор к казаку Мине Глухому.

Служилые люди составили новую челобитную, в которой просили облегчить денежные и натуральные сборы и повинности, сменить Щербатого и т. д. Взяти челобитную в Москву поручили 40 казакам во главе с Иваном Володимирцем. В числе посланных были ссыльные люди, например конный казак Павел Сидоров (бывший крепостной князя Б. М. Лыкова), и другие⁵⁹.

Новые правители Томска поспешили удовлетворить материальные нужды местных служилых людей (в первую очередь детей боярских). Для покрытия различных выплат и расходов Бунаков стал изыскивать средства: 170 рублей было взято им у духовенства, затем он послал запрос в Тобольск на 16 тыс. рублей. Бунаков разрешил служилым людям бесплатно пользоваться мельницей, отменил посылку людей на службу в Красноярск и т. д.

Бунаков и его сторонники не признавали грамот о восстановлении Щербатого в звании воеводы и называли их «воровскими». Подозреваемых в сношениях с Щербатым задерживали⁶⁰. Родиона Качалова держали за это больше года в тюрьме. Сторонников воеводы (П. Сабанского с товарищами) восстановленные держали в тюрьме и не допускали к ним родных, не принимали передач.

Однако блок противников Щербатого не мог просуществовать долго. Приемы управления ставшего воеводой И. Бунакова и поддерживавшей его группы детей боярских и дьяков

⁵⁶ См. там же, стб. 469, лл. 41—42.

⁵⁷ Там же, стб. 196, л. 125.

⁵⁸ См. там же, стб. 469, лл. 169—170.

⁵⁹ См. там же, стб. 196, л. 130.

⁶⁰ См. там же, стб. 469, лл. 1, 215.

не отличались от прежних. Бунаков распоряжался государевым кружечным двором и хлебом, как своим собственным. Хлеб ему возили во двор по 5—7 мешков. Он верстал гулящих людей и казачьих детей в казаки и затинщики за взятку: давал им полный оклад, а себе брал 15—20 руб. При раздаче государева жалованья, присланного в Томск 28 августа, Бунаков высчитал со служилых людей по 5 алтын (на челобитчиков) и по 2 д. — Тихону Хромову, писавшему на бывшего воеводу челобитные. Как и свергнутый О. Щербатый, И. Бунаков возил лес, приготовленный для починки острожной стены, к себе на двор и на поварню⁶¹. Он припимал послов от Алтынхана из Монголии, отсылал в Москву отчеты о розыске руды, переправлял ссыльных людей и т. д., т. е. выполнял обычные функции воеводы. Таким образом, попытки некоторых историков представить правление Бунакова иным, чем правление Щербатого, не подтверждаются источниками.

Неудивительно, что уже в мае новый правитель вызвал недовольство части горожан. По-видимому, поводом послужил случай с енисейским казаком Еремой Толстым. Еще в сентябре 1647 г. в Томск пришло предписание из Москвы арестовать в Енисейске этого казака, обвиненного в «воровском похвальном слове». Для выполнения приказа 2 февраля 1648 г. были посланы за Е. Толстым дети боярские. В Томск его привезли в мае 1648 г. и после допросов он был бит кнутом нещадно.⁶² 16 мая к Бунакову пришел казак Дмитрий Паламошный требовать ответа за невинно побитого ослопьями брата, за что 17 мая по приказу Бунакова он был также наказан кнутом. Все эти события вызывали недовольство горожан.

К этому времени относится первая попытка части приборных и посадских людей отмежеваться от бунаковцев. Это были группы плотников-градодельцев (Иван Нос, Корнила Логинов и др.) во главе с мастером Петром Терентьевым⁶³, казаки во главе с Лукой Пичугиным, холопы дьяка Петрекеева во главе с Григорием Артамоновым и другие. Они составляли против бунаковцев «челобитные и явки многие втай» и разда-

⁶¹ См. там же, стб. 196, л. 96.

⁶² См. там же, стб. 307, лл. 357—359.

⁶³ Конный казак Петр Терентьев подрядился с 20 плотниками из Кузнецка (всего было 134 чел.) «строить город». Когда началось движение против О. Щербатого, его заставили «по большой неволе» прикладывать к расспросу Подреза руки, и вместо к «расспросным» речам Терентьев написал к «воровским» речам. Этого было достаточно, чтобы Бунаков посадил П. Терентьева в тюрьму, пытал его, вымучивал мех, деньги, не допускал до работы и т. д.

вали их людям по церквям. В этих документах, по-видимому, оспаривалось содержание посланной в Москву челобитной. Прямую связь этих групп с прежним воеводой Щербатым установить не удалось, хотя она и не исключена. Во всяком случае, на следствии плотники сказали, что их челобитная стала известна Щербатому, который собирался ее использовать «для прибавочной присылки» в Москву⁶⁴. Это выражение, на наш взгляд, свидетельствует о том, что часть томичей действовала против Бунакова независимо от сторонников Щербатого и Сабанского. Ближайшие же их цели совпадали лишь на время и заключались в свержении группы Бунакова — Петрекеева.

Группе Терентьева не удалось полностью осуществить свои замыслы. 20 мая дети боярские, узнав о готовившемся «заговоре», донесли об этом Бунакову. Одновременно была осуществлена расправа над группой Луки Пичугина. «Илья того Луку пытал жестокими пытками — было ему семь стрясок»⁶⁵ в тюрьме.

21 мая вновь произошло столкновение бунаковцев со сторонниками Щербатого. Бунаков позволил Щербатому пойти в церковь. Последний решил использовать этот момент для того, чтобы собрать своих сторонников, и пригласил 30 человек на пир в честь именин сына. Спросив разрешения Бунакова, дети боярские, подьячие, казаки явились в дом Щербатого⁶⁶. На обратном пути на них напали бунаковцы. Некоторые были избиты и закованы на съезжем дворе, затем их подвергли пыткам и даже надевали на них петли⁶⁷.

В конце мая в Томске произошло еще одно событие. В одной из отписок в Москву сообщалось, что ближайший помощник Бунакова дьяк Петрекеев был «изведен людьми своими» (т. е. холопами), в результате чего дьяк «сбрел с ума» и 28 мая 1648 г. умер «злою смертию»⁶⁸.

По-видимому, недовольство правлением Бунакова и Петрекеева проявляли различные группы населения. Трудно связать все эти факты, но именно в день смерти Петрекеева 28 мая арестованный казак Лука Пичугин «из железа ушел безвестно». К этому времени некоторым горожанам также пришлось

64 ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 196, лл. 149—150.

65 Там же, лл. 211, 214.

66 См. там же, лл. 207—214.

67 См. там же, стб. 418, лл. 19, 20.

68 Оглоблин Н. Н. Томский бунт., с. 17.

покинуть Томск и скрываться «в бегах» от Бунакова⁶⁹. О каких-то «воровских кругах» говорил на розыске и поп Ипат. Он называл казака Остафия Ляпу «з братьею»⁷⁰. Городовой плотник Петр Терентьев был на съезде дворян.

Борьба бунаковцев со щербатовцами шла с переменным успехом. Бунаковцы пытались локализовать восстание и взять инициативу в свои руки. Щербатовцы стремились вернуть упущенную власть. Обе группы пытались привлечь на свою сторону не только жителей Томска, но и остяцких и татарских князцов. Бунаков отправил сына боярского Романа Старкова с конными казаками к князю белых калмыков Коке Абакову с просьбой посылать под Томск подвластных ему людей со своими товарами, но Кока не принял это предложение⁷¹. Впрочем, единого мнения и отношения к Щербатому и Бунакову у местных мурз и князцов не было.

14 июня 1648 г. О. И. Щербатому удалось отправить с холопом Федором Ворониным «советные грамотки и отписки» боярам, детям боярским, своему сыну Константину, друзьям и «родимцам» в Москву, в Тобольск архиепископу Герасиму и воеводе И. И. Салтыкову о том, чтобы последний прислал в Томск 200 тобольских служилых людей для подавления «измены». Сургутского воеводу Смирнова-Демского он просил не пропускать к Руси людей Петрекеева. Документы были вделаны в доску, туда же было спрятано драгоценное ожерелье. Кроме того, воевода дал Воронину 50 руб., шапку жемчуга и велел все это передать мурзе. В следующий раз О. Щербатый отправил свои отписки со служилым человеком Семеном Шатчениным, но он, как и предыдущий гонец, был задержан у остяцкого мурзы.

Предлогом для новой расправы бунаковцев с противниками 6 июля 1648 г. послужило сообщение тюремных караульщиков о том, что «сидельцы», дети боярские, держат в тюрьме топоры, ножи и веревки, намереваясь бежать. 12 июля, в день памяти царя Михаила Федоровича, князь Щербатый отправился в церковь и пригласил к себе во двор попов и нескольких казаков. На обратном пути последние были схвачены бунаковцами и подвергнуты наказанию кнутом.

4 августа все дощаники с имуществом Осипа Щербатого, приготовленные для отправки с его семьей, были отняты детьми боярскими и казаками и разгружены прямо в воду. В сво-

⁶⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 418, лл. 29, 65, 81.

⁷⁰ Там же, лл. 82—83.

⁷¹ См. там же, стб. 196, лл. 44, 45, 77, 90—93, 137—139, 176.

ей жалобе Щербатый сообщал, что Бунаков первоначально сам предоставил ему эти струги. Стремясь привлечь на свою сторону ясачных людей, Бунаков приказал взятое у Щербатого имущество послать со Степаном Гречаниным сначала в Ачинский, а затем в Мелесский острог и раздать там ясачным людям для их «придабривания».

Однако среди восставших время от времени вновь возникали противоречия. Они проявлялись во время попыток части казаков выйти за стены томского острога. Томские казаки отправили две грамоты в Кузнецк, адресованные казакам и пашенным крестьянам. В грамотах содержался прямой призыв к восстанию («побить лутчих людей шти человек»), к единству действий с томичами.

То, что томичи, пославшие грамоты в Кузнецк, действовали независимо от сторонников Бунакова, круг интересов которых ограничился борьбой с Щербатым и некоторыми правительственными агентами, показал последующий ход событий.

В Томск 15 июля 1648 г. от воеводы Кузнецка Афанасия Сытина приехали пятидесятник Федор Мосальский и Петр Нарбутов и рассказали о получении этих грамот. Характерная реакция детей боярских, сторонников Бунакова и Плещеева-Подреза — «те молчали». На сходе казак Андрей Батонев (а грамоты из Кузнецка привез его племянник Богдан) в ответ на обвинения в «воровстве» предложил: если «государь прикажет прислать про их воровство сыскивать, и им де сыщика от берега отбить прочь, а велят ему ехать назад, а коих де они посылали в тюрьму: Петра Сабанского с товарищи — и тех побьем до смерти!»

Таким образом, народное движение развивалось более решительно, чем того хотела группа детей боярских, захватившая власть в городе. Устанавливается и логика процесса расчленения восставших томичей: чем более «левели» низы, тем более становились осторожными и «правели» бунтари из среды детей боярских.

Особенно ярко это проявилось в конце июля 1648 г. в связи с приездом из Москвы в Томск дьяка Михаила Ключарева. Как говорится в его подробном донесении в Москву, приехав в Томск 31 июля, Ключарев убедился в том, что съезжая изба заперта, основная документация перенесена на казачий двор. Он сделал попытку примирить Щербатого с Бунаковым, уговаривая последнего: «... и сидел бы у твоего государева дела со князем Осипом, а я с ними ж вместе, и делали б твои государевы дела все вместе заодин, а розни меж себя не чини-

ли»⁷². Но Бунаков упорствовал, ссылаясь на то, что на Щербатого били челом «всем городом».

Ключарев вручил ему грамоту о своем назначении. Вслед за тем «с большим шумом» появились 60 человек детей боярских и казаков, которые потребовали Ключарева и Бунакова на казачий двор. Ключарев предпринял попытку расколоть пришедших. Он спросил детей боярских, отказывают ли они Ключареву от дел? Те ответили, что «ни в чем не отказывают и с воеводами со князем Осипом, и с Ильею... быть готовы и ни в чем не ослушны».

31 июля и 1 августа бунаковцы неоднократно приходили к дьяку Ключареву и внушали ему, что в случае восстановления на воеводстве Щербатого «у них меж себя учнут быть многие убивства смертные, и в Томском де городе учинитца смута большая».

Раскол томичей углублялся. В отписке Ключарева царю говорилось: «Ведомо мне, холопу твоему, учинилось ото многих томских детей боярских и от служилых казаков, от лутчих людей, что де те казаки Стенька Бурундук с товарищи в Томском городе ходят скопами и заговорами человек по десяти, и по пятнадцати, и по двадцати с ослопы и их де, многих лутчих людей, побивают мало не до смерти. И они, де, лутчие люди, живут от всех заговорщиков, укрываясь в домах своих, и у родимцев, и у друзей с великим страхом»⁷³. Движение углублялось, принимало формы борьбы о административной верхушкой и с богатыми людьми.

Трудно точно определить, когда в Томске стало известно о восстании в Москве. Но некоторые признаки в поведении Бунакова заставляют предположить, что слухи об этом какими-то путями доходили и до этой далекой периферии.

4 октября по звону всполошного колокола Бунаков собрал круг, вызвал из тюрьмы Степана Солдата и Григория Жданина, заявивших, что «Илья с своими советниками хотят Дон заводить ввсрх по Оби-реки и вверх Бии и Катуня». Виновных хотели пытать, но затем заменили наказание: их публично били кнутом на козле. Этим актом Бунаков отрекся от идеи «Дон заводить» в Сибири⁷⁴.

30 октября он заставил томичей поклясться в верности себе. По улицам были разсланы люди с барабанами. При этом «которые добрые люди к ево Ильинну воровству не пристали и

⁷² Там же, стб. 307, лл. 122, 126, 127.

⁷³ Там же, стб. 469, л. 208.

⁷⁴ Там же, л. 136—137.

тех бил батогами насмерть»⁷⁵. На смотре производили дознание — опознавали почерк чьей-то отписки тобольскому архиепископу.

Бунаков, пытаясь оправдать себя в глазах царя, отправлял (без ведома «войска») верноподданические отписки в Москву. В них он обвинял Щербатого в самовольном устранении от воеводства. События 21 мая Бунаков изображал как нападение на него группы сторонников Щербатого, которые его драли за бороду, грозили ножами, хотели убить и т. д. В грамоте, доставленной в столицу 7 декабря 1648 г., Бунаков жаловался, что Щербатый его «покинул», отказывался решать дела самостоятельно и высказывал беспокойство, чтобы «в том моем малоуменье в опале не быть»⁷⁶.

В Москве о событиях в Томске узнали, по-видимому, в июле; челобитчики из Томска во главе с Иваном Володимирицем прибыли в Москву «в самое смятение, как всколыбалася чернь на бояр, и их де Федьку Пушина с товарищи распрашивал государь сам, и жаловал де их сукнами и дорогами, и дано де им государево жалованье, корм большою и выход». Естественно, что в разгар волнений в столице царь стремился задобрить челобитчиков, прибывших из Томска, и оказал им хороший прием.

Интересна реакция томичей на известие о восстании в столице. Когда казак Иван Лаврентьев, посланный в Нарым, вернулся в Томск, то явился к Бунакову и рассказал о событиях в столице, о которых случайно узнал от сургутских казаков. На своем дворе Бунаков собрал представителей служилых людей и сообщил им: «На Москве чернь стала в скопе и бояр побила и хотела де боярина Бориса Морозова убить.., а дома де многих грабили.., а на Москве де государь сам выходил на Лобное место — упрасивал де его у черни — Бориса Морозова, чтоб де его не убили; и для того его, Бориса Морозова, велел сослать на Белоозеро...»⁷⁷. Но, как ни узок был круг слушавших это людей, как ни обеднена Бунаковым картина восстания в столице, весть о нем быстро облетела город. Главными распространителями ее были казаки Карп Сухорук, Медвед Пешник, на базаре рассказавшие об этом «многим людям», и другие.

Однако линия руководителей на ликвидацию движения возобладала. Начавшись по инициативе пашенных крестьян и

⁷⁵ Там же, стб. 469, л. 205.

⁷⁶ Там же, стб. 307, лл. 160, об., 421.

⁷⁷ Городские восстания.., с. 83.

приборных людей, томское восстание оказалось под руководством людей, не имевших ничего общего с повстанцами. Вскоре после принятия Уложения, удовлетворившего требования дворян, весной 1649 г. оно погасло. В город прибыли новые воеводы из Москвы — М. П. Волынский и Б. А. Коковинский. К ним и присоединился приехавший ранее дьяк Михаил Ключарев⁷⁸.

История томского восстания показала, что решающую роль в нем играла проблема руководства, инициативы. Чем решительнее становился крестьянско-казацкий лагерь, тем быстрее спадал непримиримый сначала тон дворянских «бунтарей». Их оппозиционность и фрондерство гасли по мере углубления и расширения народного движения.

§ 4. Движения в городах Сибири в 1648 г.

Как бы то ни было, томское восстание явилось примером для других городов-крепостей Сибири. Архивные материалы показывают, что в томском восстании участвовали приезжие люди. О гулящем человеке Енисейского острога Лаврентии Хомякове, оказавшемся весной 1648 г. в Томске, говорится, что он «многое свое воровство показал в воровских кругах», принимал участие в избииении сторонников Щербатого и «похвалялся, приехав в Енисейский острог, завести многия воровския круги»⁷⁹. Составленные там грамоты распространялись в других острогах. Они рассылались тайно, с верными людьми. Так, в Енисейск возил грамоту «мужик» И. Бунакова, в Красноярск — казачий чин Зиновий Литосов «с товарищи».

В ближайшем к Томску Кузнецке грамоты распространял уже упоминавшийся Богдан Батоног. Из полного тревоги сообщения кузнецкого воеводы Афанасия Сытина мы узнаем о содержании отправляемых грамот: «...посылал Илья Бунаков с своими советники в Кузнецкий острог и в иные остроги тайным обычаем воровские грамотки... А в тех де воровских грамотках написано, чтоб смута и воровство завести в тех острогах также, какое он, Илья, завел в Томском городе с своими советники, что послали они ис Томского к Москве сорок человек бить челом государю на него, князя Осипа, и на Петра Сабанского с товарищи. Да изо всех де сибирских городов на воевод поехали бить челом государю.., и они де кузнецких изо

⁷⁸ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 307, л. 128.

⁷⁹ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 469, л. 174.

всех чинов людей к себе в Томской с собою государю бить челом ждали, и их де не дождались. И они б де спешили и за ними. А только де они ныне не поедут бить челом государю к Москве, и им де и детям их такова времени не дождатца»⁸⁰.

Из «сказки» томского сына боярского И. Кулаковского, оказавшегося во время восстания в Кузнецке, известно, что эти грамоты были адресованы служилым людям — казакам и пашенным крестьянам⁸¹. В них рекомендовалось побить шестерых «лутчих» людей города: атамана Петра Дорофеева, подьячего Дмитрия Семенова, пятидесятника Поспела Лаврова, Анисима Васильева, Шестака Яковлева, Григория Серебренника⁸². И «в Кузнецком остроге учинилась смута большая, и хотели воры побить многих добрых людей»⁸³. Как видим, движение шло по линии борьбы с богатыми и влиятельными людьми.

Воевода Афанасий Сытин сумел подавить выступление. Для выяснения обстановки он летом 1648 г. отправил в Томск пятидесятника Федора Мосальского и Петра Нарбутова, которые прибыли в город, когда уже обозначилось размежевание между руководителями движения и массой горожан. О реакции томичей на выступления приехавших мы упоминали в предыдущем параграфе. Эта реакция позволяет предположить, что авторами грамот, отправленных в Кузнецк, были не бунаковцы, а рядовой казак Андрей Батоног и другие.

Своеобразным путем вести о томском восстании распространились в Нарыме. Сторонники Щербатого, дети боярские Роман Гражевский и Макар Дементьев, привезли из Томска весть в мае 1648 г. Во время встречи с ними Щербатый высказал пожелание повсюду «словесно» извещать воевод «про таковой воровской завод, и скоп, и заговор»⁸⁴. Приехав в Нарым, они доложили о случившемся воеводе А. С. Нарбекову. Однако широко о томском восстании в Нарыме стало известно позже. В августе-сентябре бунаковцы решили оказать на Нарбекова давление. Узнав, что он закупает в Томске большие партии хлеба «на продажу ис корысти» и тем самым завывает на него цену на рынке, Бунаков запретил сдавать хлеб и ово-

⁸⁰ Там же, лл. 171—172.

⁸¹ См. там же, стб. 418, л. 2.

⁸² См. там же, стб. 196, лл. 44, 44а.

⁸³ Там же, стб. 469, л. 172.

⁸⁴ Там же, л. 229.

щи Нарбекову и служилым людям Нарыма сверх положенной нормы (по 3—7 четей на семью)⁸⁵.

У воеводы Нарбекова были серьезные опасения по поводу волнений в Нарыме. Еще в 1647 г. по извету попа Якова и казака Федора Костарева в Нарыме производился сыск по делу воеводы Ивана Скобельцына и сосланного из Москвы дворянина Леонтия Плещеева⁸⁶. В свою очередь пашенные крестьяне и часть казаков подали в 1648 г. челобитную на попа Якова и его брата Нехорошика о том, что они до окончания сбора ясака скупают и отбирают за долги у инородцев лучших зреей, ставят ясачных людей на правеж у себя на дворах и чинят над ними всякое насилие.

Стремясь пополнить государственные доходы за счет ясачных людей, Нарбеков запретил до окончания ясачного сбора в казну «со всеми людьми мяхкою рухледью торговати», отдавать мех в долг, а русским людям продавать в волостях пиво и брагу. Этот указ вызвал большое недовольство служилых людей, которые заявили, что воевода «всех их учинил без хлебов» и впредь ему «от них самому из Нарыму живу не выехать»⁸⁷.

Волнения в гарнизоне усилились с получением известий о московском восстании. Федор Костарев, Иван Новосильцов в избе у казака Ивана Федорова сговорились «что им друг за друга стоять и друг друга не выдавать» и «до кого дойдет государево дело, тово им не выдать и государю про то не извещать!», т. е. была попытка составить «одиначную запись».

Группа служилых людей (десятник Е. Кузнец, палач Ф. Ермолин, пушкарь М. Вилской и др.) 12 ноября 1648 г. донесла воеводе, что казак Иван Гаврилов не выполняет служебных обязанностей. Когда воевода вызвал его на допрос, он заявил: «Не старая де пора вам воровать и над нами наругатца, и на Москве де, которые над их братьею наругались — и оне и сами, и жены их, и дети от их братьи побиты до смерти и дома их пограблены, и всем де им то ж будет!» К воеводе Нарбекову явилась группа казаков, которые стали заступаться за Гаврилова и «от съезжей избы, от государевых дел ему, Афанасию, воровским заводом отказывали». Улышав об этом, воевода ударил стоявшего рядом казака Новосильцова, но у него из рук выхватили батог, стали ругать его и хотели убить. Воево-

⁸⁵ См. там же, стб. 307, л. 312; стб. 196, лл. 79—80.

⁸⁶ По утверждению А. Н. Зерцалова, этот Леонтий Плещеев был братом московского Леонтия Плещеева, сподвижника Б. И. Морозова.

⁸⁷ ЦГАДА, Сибирский приказ, стб. 370, лл. 174—197, 214, 234—233.

да приказал посадить в тюрьму Новосильцова и Голещихина. В знак протеста и солидарности остальные казаки также отправились в тюрьму «своею волею» и ночевали в караульной вместе с арестованными. Повторился томский вариант отстранения воеводы. Появились слухи, что на архиепископском дворе объявилась «воровская» челобитная служилых людей на воеводу.

Услышав весть о восстании в Москве, привезенную в Нарым в декабре 1648 г. сургутскими казаками, Нарбеков вновь зачислил в служилые люди двух уволенных ранее казаков и выдал им жалованье за 2 года. Насколько тревожной становилась обстановка в городе, говорит тот факт, что служилые люди отказались сажать в тюрьму «завотчиков». Но во время сыска 25 апреля 1650 г. обвиняемые были вызваны из Тогурской волости, где в это время находились; 10 человек были «биты кнутом по торгам и по улицам все нещадно».

Таким образом, казаки Нарыма воспользовались известием о московском восстании, чтобы решить в свою пользу вопрос о доходах от торговли с местным ясачным населением, в которых было заинтересовано и правительство.

В архивных документах имеются некоторые данные о движении в главном пункте транзитных товаров на пути в Сибирь — в Верхотурье. В апреле 1648 г. дворник гостиного двора Иван Онофриев сообщил Борису Дворянину, воеводе Верхотурья, что русские торговые люди, для того чтобы не платить пошлинные сборы со всех товаров, большую часть их прятали на дороге, а затем частями тайно привозили в город. Воевода и подьячий отправили на гостиный двор двух соборных попов, подьячего съезжей избы и служилых людей с заданием опечатать привезенные товары. Однако приезжие торговые люди не допустили опечатывания лавки. Они явились в съезжую избу и, ссылаясь на указ 1646 г. об отстранении сибирских воевод от вмешательства в дела проезда торговых людей и провоза товаров, заявили с «большим шумом, что де им, воеводе и подьячему, по нашему указу в таможенные ни в какие дела вступатца не велено»⁸⁸.

Есть основания полагать, что в городе проявляли недовольство и местные жители. Так, известно, что в 1647 г. в Москву приезжали от верхотурских служилых людей, посадских, пашенных крестьян, ямских охотников Мелентий Фомин

⁸⁸ ЛОИИ СССР, ф. 28, Верхотурская воеводская изба, карт. 3, д. 18, сст. 16.

с товарищами бить челом на детей боярских. Суть их жалоб осталась неизвестной. Но когда осенью 1648 г. к воеводе поступили сведения о злоупотреблениях таможенного головы Федора Дрягина, он сообщил в Москву, что вести розыск о Дрягине не мог «потому, что он от верхотурских ото всяких людей сидел, запершись на дворе у себя в осаде»⁸⁹. Что в Верхотурье «всякие дела стали», подтвердил и приказчик Тагильской слободы Панкратий Перхуров, который сообщал, что в 1649 г. «с Верхотурья на Тагил ни о каких государевых делах указывать некому, потому что в съезжую избу воевода Борис Дворянинов и ты, Игнатей, не ходили»⁹⁰. В связи с этим тагильские пашенные крестьяне до декабря не молотили хлеб с десятинной пашни, чинили всякое «непослушанье», не признавали полномочий приехавшего приказчика и т. д.

Итак, Сибирь постепенно осваивалась как русским земледельческим и торгово-промысловым населением, так и государством. В первой половине XVII в. в Сибири появились хлебпроизводящие районы, ряд городов-крепостей приобрели важное торгово-ремесленное значение. Основную часть постоянного русского населения Сибири составляли пашенные крепостного государства, царской администрации, требовали облегчения повинностей, изменения системы разверстки податей, форм управления, пресечения непрерывных злоупотреблений должностными лицами.

Оппозиционные настроения среди детей боярских и части казаков Сибири отражали оппозицию мелких феодалов крупным, спор за свою долю в общей феодальной ренте. Немногочисленные дети боярские использовали борьбу народных масс стьяне и служилые люди по прибору. Вместе с немногочисленными посадскими людьми они вели борьбу против феодальной в своих узких интересах.

Уже первые движения 30-х годов выявили противоборствующие силы на местах. Были попытки привлечь нерусское население Сибири и активизировать его борьбу с царской администрацией.

Волна классовой борьбы в конце 40-х годов прокатилась

⁸⁹ «История СССР с древнейших времен до наших дней», т. 3.

⁹⁰ ЛОИИ СССР, ф. 28, Верхотурская воеводская изба, карт. 4, д. 70, сст. 41—42. За указание документа благодарю А. А. Преображенского.

по Сибири. Восстание в Томске началось за полтора месяца до московского и длилось свыше года. Хотя в основе восстания лежали противоречия крестьян и большей части приборных людей с феодальной администрацией и частью детей боярских, руководство движением захватила группа оппозиционно настроенных детей боярских, которые на место прежнего воеводы О. Щербатого посадили И. Бунакова. Однако воевода Бунаков и его окружение преследовали лишь корыстные цели. По своим действиям и целям они практически не отличались от воеводы Щербатого. Бунаковцы расправились с группами плотников, казаков и холопов, выразивших недовольство их действиями и стремившихся к углублению восстания.

В середине июля томичи (казаки) сделали попытку привлечь на свою сторону жителей других крепостей (крестьян и казаков).

В Кузнецке, Нарыме, Верхотурье, Енисейске пытались повторить томский вариант отстранения воеводы от власти. Это создавало серьезную угрозу правительству. Однако отсутствие четких целей у основной силы — крестьян и приборных людей, захват инициативы детьми боярскими, несинхронность выступлений помешали их сколько-нибудь прочному успеху. Томское восстание показало, какими временными и ненадежными попутчиками народных масс были отдельные группы «бунтарей» из среды детей боярских.

В 30—40-е годы XVII в. после первой крестьянской войны и борьбы с интервенцией хозяйство страны несколько восстановилось. Феодално-крепостнический строй развивался неравномерно. В ряде областей еще сохранялись архаичные формы землевладения, живучим оказалось общинное устройство. В связи с численным увеличением дворян и трудностями их обеспечения появилась необходимость в освоении новых земель и прикреплении к ним крестьян. В сферу феодално-крепостного хозяйства попадали слабоосвоенные территории, закабалению подвергались новые категории населения.

Развитие государственной системы феодализма влекло за собой введение новых налогов и иной системы их исчисления, реорганизацию армии, распространение воеводского управления и т. д. Многочисленные примеры свидетельствуют о развитии ремесленного производства, а также о начальном этапе складывания всероссийского рынка.

В условиях развитого феодализма в централизованном государстве происходил процесс формирования феодальных сословий, складывались их отношения с центральным правительством, которое, используя сословно-представительные учреждения, осуществляло диктатуру отдельных групп феодалов. Феодалное государство грабило горожан путем взимания налогов. Феодалная эксплуатация горожан осуществлялась с помощью бюрократического аппарата; отсюда, естественно, их стремление сохранить представительные учреждения. Во время общесословных выступлений горожане боролись против феодалного угнетения. Они не требовали смены способа про-

изводства, поскольку в этот период еще не было заметных признаков возникновения новых отношений.

Участившееся с середины 30-х годов проявление недовольства в городах особенно усилилось с 1646 г. в связи с рассылкой указа о составлении переписных книг и налоговыми нововведениями.

Исследование движений показало, что «средневековое сословие горожан» играло важную роль в классовой борьбе, но надо учитывать, что к выступлениям горожан примыкали крестьяне, главным образом чернососные и служилые приборные люди. Поэтому движения этого времени, получившие название городских восстаний, были не узко городскими, а народными. В оппозиции к боярскому правительству находились отдельные группы мелкого, численно разросшегося дворянства. Эти группы, особенно на юге и в Сибири, стремились отмежеваться от тяглых сословий и консолидироваться в составе феодального класса. Широкие круги дворянства добивались превращения поместной системы в вотчинную.

Противоречия внутри классов-сословий не вели в тот период к образованию новых классовых групп и лишь сопутствовали генеральному направлению борьбы.

Несмотря на всю свою разноликость, городские восстания имели общероссийское значение. Главной их пружиной была борьба тяглых слоев города, а иногда и уезда — посадских, приборных людей, крестьян. Основной удар был направлен против представителей власти, феодальных кругов и верхушки посада. Движения в городах были бурными, но, как правило, непродолжительными.

Народные движения 30—40-х годов имели специфические региональные особенности, обусловленные составом населения отдельных областей. В ходе московского восстания проявилось сложное переплетение классовых противоречий и острой внутрисословной борьбы как на посаде, так и в среде феодалов. Значение этого восстания состоит в том, что известие о нем придавало уверенность восставшим в правоте своего дела, наполняло разрозненные выступления на местах общим политическим смыслом.

В движениях на юге выявилось промежуточное положение служилых людей, испытывавших на себе и силу феодального гнета со стороны государства, и тяготы службы. Многочисленными были столкновения в гарнизонах крепостей, часто направленные против служилой верхушки.

На севере основные противоречия проявились в борьбе

крестьян посады не только против феодальных налогов и администрации, но и против крупных торговых людей. В силу отсутствия поместного землевладения дворянская оппозиция здесь не имела места.

В Сибири, где служилый элемент в городах превалировал, посады были слабы, а крестьянство разобщено, инициативу в восстаниях легко захватывали служилые по отечеству (городовые). Как показала история томского восстания, их действия не были последовательными и не могли привести к успеху: собственно народного дела.

В литературе много раз подчеркивалась связь документов периода восстаний с Уложением. Важно не только и не столько наличие связи, а то обстоятельство, что эта связь имела определенную социальную направленность. В Уложении нашли реальное, а иногда декларативное воплощение требования дворян и верхушки посада.

В данной работе мы бы хотели подчеркнуть, что народные движения оказали влияние на принятие некоторых норм Уложения в отношении крестьян, посадских людей и дворян. Стремление подавлять всякие «скопы и заговоры», выступления против царя, бояр, лиц приказного управления выражены в первых же двух главах. В первых статьях I главы «О богохульниках и церковных мятежниках» говорится, что за протест против церкви назначается смерть путем сжигания, смертная казнь, торговая казнь, тюрьма. В статье 4-й главы II содержится отклик на события 3 июня: «А будет кто умышленем и изменою город зазжет или двory и сыщета про то его воровство допряма, и его самого зжечь безо всякого милосердия». И уже прямо ответом на действия восставших в 1648 г. была статья 21-я: «А кто учнет к царскому величеству или на его государевых бояр и околничих и думных и ближних людей, и в городах и в полках на воевод, и на приказных людей, или на кого ни буди, приходити скопом и заговором, и учнут кого грабити или побивати, и тех людей, кто так учинит, за то по тому же казнити смертию безо всякие пощады». Статьи главы III направлены на защиту царского двора от нападений и от материального ущерба.

Желанием оградить российские границы от влияния событий, имевших место в других странах и прежде всего на Украине, проникнута статья 6-я главы VI: «А будет кто по рубежных городов помещики и вотчинники почают в людех своих и во крестьянех какое дурно или измену, и им про то

извещати государю, и в городех, и о том воеводам подавати изветныя челобитныя и людей своих и крестьян приводити».

Помещики и вотчинники оставались основной социальной опорой монархии. В этом отношении большой интерес представляет документ, обнаруженный нами в коллекции Артемьева (ЛОИИ СССР), — наказ владимирских дворян своему представителю, избранному 28 июня 1648 г. на предстоящий Земский собор. Этот наказ перекликается с требованиями, изложенными в русском тексте челобитной от 10 июня 1648 г., и аналогичен отдельным статьям Уложения. То, что документ вышел из среды дворян, не подлежит никакому сомнению; в нем прямо говорится, что «володимерцы дворяня и дети боярские выбрали в выборные добра дворянина» (имя зачеркнуто. — Е. Ч.) для участия «на соборе»¹.

Центральным пунктом в наказе владимирцев был вопрос о прикреплении крестьян. Ни в общей челобитной 10 июня, ни в других документах периода восстания мы не встретили такой определенной формулировки этого пункта: «...а об летах крестьянских говорить и стоять накрепко, чтоб государь указал с оддельных книгах безлетно». Дворяне стремились полностью закрепить крестьян. Этот пункт нашел детальное воплощение в XI главе Уложения².

Далее в наказе владимирцев вновь ставится вопрос об ущемлении дворян боярами и идут расплывчатые рассуждения о неправдах, обидах и праведном суде. «Равенство» и «правду» дворяне понимали как уравнивание своих прав с боярством.

Мотив о праведном суде в декларативной форме нашел воплощение в статье 1-й главы X Уложения, где боярам и приказным людям предлагалось «всякая расправа делати всем людем Московского государства, от большего и до меньшого чину, вправду». Статья 2-я этой главы почти дословно повторяет содержание наказа и челобитной о том, чтобы «палату устроил бы государь крепку бояры... и править им всякие дела палатою» («всем вместе» — добавляет Уложение³). В нем опущено требование совсем отстранить от

¹ ЛОИИ СССР. Коллекция Артемьева, д. 2, сст. 1.

² Последний по времени разбор главы сделан А. Г. Маньковым в работе «Развитие крепостного права в России во второй половине XVII в.» М.—Л., 1962.

³ Расправная палата существовала в России с 1681 по 1694 г. — См. Ерошкин Н. П. Очерки истории государственных учреждений до-революционной России. М., 1960, с. 50.

управления боярскую знать («чтоб по приказам им не сидеть!»). Но мысль о палате оставлена. Стремлением дворянства уничтожить прерогативы бояр-беломестцев объясняется включение в их программу требования посяда о ликвидации закладничества.

Таким образом, уже в ходе московского восстания городские дворяне отчетливо формулировали свои требования, которые свидетельствовали об их крепостнической программе, об их стремлении сравняться с сильными и богатыми из «своей братьи».

Положение поместного дворянства было упрочено по Уложению. Правительство проявляло заботу об укреплении материального положения дворян как ведущего феодального сословия. В 69 статьях главы XVI и 55 статьях главы XVII трактовался вопрос о поместьях и вотчинах. В них отражено привилегированное положение дворян, которое со временем еще более упрочилось. Это отметил В. И. Ленин: «Они пользуются своей близостью к правительству, чтобы грабить государственную казну и получать из народных денег подарки и подачки в миллионах рублей, то в виде крупных поместий, раздаваемых за службу, то в виде «уступок»⁴. Земельные пожалования составляли основное богатство дворян. В статьях 1, 3, 5, 7, 29, 35, 36, 38, 40, 47-й главы XVI определена шкала поместных дач в зависимости от чиновной ступеньки, занимаемой помещиком. Новый шаг был сделан в направлении сближения поместья с вотчиной. По статье 2-й дворяне получили право менять поместья на поместья, а согласно статье 5-й — на вотчины («полюбовно»). Они могли требовать землю «диких полей» (ст. 40) и по своему произволу переселять туда крестьян из других мест (ст. 7). Широкою практикою получало так называемое «одабривание» земли, т. е. уравнивание окладов, исходя из ее качества (ст. 46—48). В направлении сближения поместья с вотчиной составлены статьи 10—13-я о различных вариантах их передачи по наследству. В этом отношении интересна статья 37-я, которая предписывает возвращать поместья умерших, ложно объявленные выморочными, «женам и детям и родственником» даже в том случае, если они уже были отданы челобитчикам.

Дворяне получали ряд судебных и податных привилегий: конфликты в период военных действий разрешались на месте, в служебное время они получали отсрочку (глава X).

⁴ Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 2, с. 110.

Дворяне могли не сами являться на суд и на службу, а отправлять за себя близких родственников и даже «людей», которые отвечали таким путем за господина (глава X, ст. 151, 152, 156). Служилые по отчеству не платили отныне печатных пошлин (глава XVIII, с. 47), а также таких торговых пошлин, как мыт, перевоз и мостовщина (глава IX, ст. 1, 3).

Но самым главным преимуществом и привилегией дворян всех рангов было, конечно, монопольное право на крестьянский труд, закрепленный законодательно в общерусских масштабах в главе XI Уложения, согласно которой крестьян следовало отдавать «из бегов по писцовым книгам всяких чинов людям без урочных лет» (ст. 2). Крепостное состояние становилось наследственным: «... тех крестьян отдавати з женами и з детьми и со всеми их животы; и с хлебом стоячим и молочным» (ст. 3). Таким образом, помещики получали безраздельную власть над личностью, имуществом и потомством крестьянина. Не случайно новая волна восстаний поднялась именно со времени составления переписных книг 1646—1647 гг. Статьи 9, 11-я объявляли их хронологическим рубежом во всех спорах о крестьянах. В отношении возвращения беглых крестьян права помещиков и вотчинников стали равными (ст. 10).

Помещик мог бесцеремонно вмешиваться в личную жизнь крестьян, регулировать их браки в своих интересах (ст. 12—19). Крестьяне и холопы признавались свидетелями только в вопросах государственной измены, во всех других случаях они не могли выступать ответчиками (глава II, ст. 13). Даже возвращение из плена отныне не давало крестьянам воли (глава XI, ст. 33).

Таким образом, крестьяне попали в полную власть феодалов и феодального государства. В общегосударственных масштабах они были превращены в бесправное сословие. Крепостничество получало законодательное оформление. Воспользовавшись городскими движениями, дворяне добились основного — полного отмежевания от тяглых сословий, упрочили свое материальное положение и получили монопольное право на личность, труд и имущество холопов и крестьян.

Холопское состояние юридически резко ограничивалось от дворянского сословия. В статье 2-й главы XX говорится: «...а впредь детей боярских верстаных и неверстаных никому в холопи не принимать».

В период городских восстаний наблюдались случаи разбоя со стороны холопов. Теперь за них отвечал принявший

их феодал: «...и приходя к тем людям, из-за кого они вышли, и иных их людей и крестьян подговаривают, и дома их разоряют, и грабят, и пожигают...» (гл. XX, ст. 4).

В Уложении нашло отражение положение различных групп посадского населения. П. П. Смирнов и другие исследователи считают Уложение победой посада в целом. Действительно, белые слободы были отписаны к посадам, а институт закладничества ликвидирован (гл. XIX, ст. 1). Но в увеличении числа тягловцев (ст. 3) государственная казна была заинтересована не меньше посадов, а ликвидации этого преимущества беломестцев требовали и дворяне. Посад получал монопольное право торговли за счет ущемления прав глазным образом торговых крестьян. Свои лавки, погреба и варницы они должны были продать посадским людям (ст. 5, 9). О направлении правительственной политики наглядно свидетельствует то, что 26 августа 1648 г., накануне заседания Земского собора, царь подтвердил жалованную грамоту, данную гостям и гостиной сотни торговым людям⁵. По этой грамоте они пользовались следующими привилегиями по сравнению с черными слободами: освобождались от тягла, от посадских служб и от всевозможных сборов, от мостовых и проезжих пошлин, платы за наем ярыжек, установку изб и ремонт мостов. В судебных делах они сами, их дети и люди освобождались из-под ведомства воевод и приказных людей и подлежали суду казначея или самого царя. Они могли готовить и держать питье, т. е. ставились вне царской винной монополии, освобождались от всяких постоев, подводной и ямской повинностей. Хотя количество гостей, гостиной и сукошной сотен торговых людей было немногочисленным, все же это имело немаловажное значение для характеристики отношения к ним правительства.

Пресечение крестьянской торговли и стремление сохранить пригородные земли за посадом не способствовали отделению посадских от сельского хозяйства и объективно не стимулировали дальнейшее развитие города как торгово-ремесленного центра.

При отписании слобод к посадам потерпели убытки церковь и крупные беломестцы; потери помещиков и вотчинников компенсировались за счет дворцового хозяйства (ст. 8). Стремясь расширить контингент налогоплательщиков, государство сделало женитьбу на тяглых женщинах способом во-

⁵ ДАИ, т. III, № 44.

влечений людей в тягло (ст. 22). Но в то же время размежевание интересов посадов с интересами феодалов велось в пользу последних: если беглый крепостной женился на тяглой женщине, он вместе с семьей подлежал возвращению феодалу (ст. 37), хотя в этом случае государство теряло тяглеца. Уложение запрещало переезд горожан с места на место (в другой город — ст. 19). Это было фактически прикреплением к тяглу.

Таким образом, отписание белых слобод, проводимое прежде всего в интересах казны, прирезка земли к городам (для выгонов) и ограничение торговли крестьян в конечном счете сохраняли за посадом положение сословия феодального общества и отнюдь не способствовали его эволюции в буржуазном направлении.

Мы согласны с мнением тех историков, которые предлагают трактовать вопрос о результативности народных восстаний в перспективном плане⁶.

Огромное значение классовой борьбы и ее высшего выражения — народных движений — несомненно. В ходе городских восстаний происходило размежевание сил позднефеодального общества: выявился тот факт, что наиболее последовательно классовую борьбу вели крестьяне, холопы и их союзники из среды посада и отчасти приборных людей. Оппозиционные выступления городских детей боярских преследовали узкосословные цели. Удовлетворение их требований укрепило социальную базу самодержавия — политическую форму крепостнического государства. Повышение социально-экономической значимости и политической активности горожан несомненно способствовало становлению российского самодержавия на рельсы абсолютизма.

Хотя в народных движениях 30—40-х годов сказался «наивный монархизм» народа, его вера в царские указы, апеллирование к царю в челобитных и приговорных записях, в период городских восстаний не было случаев самозванства (Тимофей Анкидинов не был связан с восставшими). С другой стороны, в момент восстаний иногда возрождалось мирское управление, а среди служилых людей (особенно на юге) стихийно возникла форма управления по образцу казачьего донского круга (порядки, имевшие место у донского казачества, идеализировались). Там, где инициативу захватывали

⁶ См. изложение тезисов доклада Шапиро А. Л. — «Вопросы истории», 1964, № 9, с. 140—141.

дети боярские (например, в Томске), восставшие копировали феодальное устройство общества — с воеводой, дьяками и т. д.

Репрессии против восставших велись дифференцированно: там, где движением руководили крестьяне или представители городских низов, они очень жестоко подавлялись (в Москве, Курске, Козлове, Устюге Великом); там, где инициативу захватывали представители оппозиционных кругов дворянства, наказание было несколько мягче (Елец, Томск и др.).

Городские восстания в России происходили во время завершения Тридцатилетней войны — общеевропейского конфликта, вызвавшего повсеместное экономическое напряжение и вылившегося в целую цепь движений разной силы и значимости. Но дело было не только в экономическом напряжении, вызванном общеевропейской войной. Феодализм вступал в свою позднюю стадию под зарево пожаров, лязг оружия. И в Англии, где созрели условия для буржуазной революции, и во Франции, где лишь складывался капиталистический уклад, и в других странах Европы (к востоку от Эльбы), где феодализм еще был в силе, — повсюду обострилась классовая борьба.

Городские восстания в России были важным звеном в этой цепи мировых событий⁷. Характерно, что вести о восстаниях вызвали сочувствие феодальных кругов даже соперничающих стран. Особенно ярко это выразилось в так называемом «Протесте... по поводу казни короля Карла I», текст которого приписывается царю Алексею Михайловичу, а в действительности, как считает исследователь документа З. И. Рогинский, оставлен, видимо, роялистами. В этом документе предаются анафеме организаторы казни короля Карла I, высказывается беспокойство по поводу влияния английской революции на другие страны⁸. Во многих русских хронографах (второй редакции) говорится, что царь послал в Копенгаген к сыну казненного короля своего представителя с выражением сочувствия и предложением денег⁹.

Боязнь, что движение за рубежом сольется с русским, видимо, руководила правительством на первых этапах перегово-

⁷ См. Поршнев Б. В. Франция, Английская революция., гл. 4, § 2.

⁸ См. Рогинский З. И. Так называемый «Протест царя Алексея Михайловича по поводу казни короля Карла I». — «Ученые записки Ярослав. пед. ин-та». Всеобщая история. Ярославль, 1957, с. 302, 307.

⁹ ГБЛ, ф. 37. кн. 415, лл. 348—349 об.

воров с представителями Б. Хмельницкого. Об этом свидетельствуют предпринятые меры по установлению «застав и сторожей». В «Истории войны казаков против Польши», написанной французским офицером П. Шевалье, медлительность русского правительства в решении вопроса об Украине объясняется тем, что царь опасался «как бы восстание казаков и русских крестьян не распространилось на его страну, где уже проявились некоторые вспышки того пламени, которое охватило Польшу»¹⁰.

О городских восстаниях знали за границей, на них реагировало зарубежное общественное мнение. В свою очередь, и в Россию проникали сведения о движении за рубежом. Это находило отражение в хронографах, «речах» во время восстаний.

Городские восстания оставили глубокий след в памяти русского народа. Это проявилось в фольклоре. К эпохе городских восстаний В. П. Адрианова-Перетц относит возникновение следующих пословиц: «Пошло было на хлеба, да соль своротила», «Две головни курятся, а одна — николи», «Мир — дело велико: как всем миром вздохнут, так и временщик издохнет», «Временщики родом велики, да недолговеки», «С людьми и смерть красна», «Обещать-то дворянски, а слово держать-то крестьянски»¹¹. В этих пословицах сконцентрированы опыт и мудрость, приобретенные в ходе борьбы: здесь и насмешка над поведением дворян, и презрение к временщикам типа Морозова, и вера в силу «мира» и его объединяющие действия, и ирония в отношении соляного налога. Фольклор, как зеркало, отражал душу борющегося народа.

В народных движениях, развернувшихся после принятия Уложения в 1649 г., происходило дальнейшее размежевание борющихся сил: оппозиционность дворянства в значительной мере угасла, а фронт классовой борьбы усилился, что нашло яркое воплощение во время крестьянской войны под предводительством Степана Разина.

¹⁰ Поршнев Б. Ф. К характеристике международной обстановки освободительной войны украинского народа 1648—1654 гг. — «Вопросы истории», 1954, № 5.

¹¹ «Русское народное поэтическое творчество», т. I. М.—Л., 1953, с. 434—435.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

ААЭ — Акты, собранные в библиотеках и архивах Российской империи Археографической экспедицией имп. Академии наук.

АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографической комиссией.

АМГ — Акты Московского государства.

БАН — Библиотека Академии наук в Ленинграде.

ГБЛ — Государственная библиотека СССР им. В. И. Ленина (отдел рукописей).

ГИМ — Государственный исторический музей (в Москве).

ДАИ — Дополнения к Актам историческим.

ДРВ — Древняя Российская Вифлиофика (ч. III, М., 1788).

ЖМНП — Журнал Министерства народного просвещения.

ЛОИИ СССР — Ленинградское отделение Института истории СССР Академии наук СССР.

Описание МАМЮ — Описание документов и бумаг Московского архива министерства юстиции.

ПДНР — Приказные дела новой разборки (фонд № в ЦГАДА).

ПДСЛ — Приказные дела старых лет (фонд № 141 в ЦГАДА).

СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в государственной Коллегии иностранных дел.

ЦГАДА — Центральный государственный архив древних актов (в Москве).

Чтения ОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских при Московском университете.

| | |
|--|-----|
| Введение | 3 |
| Историкография проблемы | 6 |
| Источники | 10 |
| Глава I. Положение классов-сословий в России. Причины городских восстаний | 14 |
| Глава II. Московские восстания 1636 и 1648 гг. | 51 |
| § 1. Москва накануне восстаний | 51 |
| § 2. Московские волнения в 30-х годах XVII в. | 57 |
| § 3. Московское восстание 1648 г. | 62 |
| Глава III. Городские восстания на юге России в середине XVII в. | 107 |
| § 1. Города юга накануне восстаний | 107 |
| § 2. Борьба крестьян юга в середине XVII в. | 113 |
| § 3. Движение приборных служилых людей | 126 |
| § 4. Волнения среди детей боярских и бедоместных казаков | 146 |
| § 5. Связь волнений в южных крепостях с восстанием украинского народа под руководством Б. Хмельницкого | 156 |
| Глава IV. Движения крестьян и посадских людей в Поморье в 30—40-х годах XVII в. | 166 |
| § 1. Поморье в середине XVII в. | 166 |
| § 2. Движения в Соли Вычегодской | 179 |
| § 3. Июльское восстание 1648 г. в Устюге Великом | 190 |
| Глава V. Народные движения в городах Сибири в 30—40-х годах XVII в. | 203 |
| § 1. Русское население Сибири во второй четверти XVII в. | 203 |
| § 2. Томские восстания в 30-х годах XVII в. | 210 |
| § 3. Томское восстание 1648 г. | 214 |
| § 4. Движения в городах Сибири в 1648 г. | 229 |
| Заключение | 235 |
| Список сокращений | 245 |

Елена Викторовна Чистякова

ГОРОДСКИЕ ВОССТАНИЯ В РОССИИ
В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVII ВЕКА
(30—40-е годы)

Редактор издательства Г. Н. Рахманина

Обложка А. В. Тарабрина

Технический редактор Ю. А. Фосс

Корректор Е. В. Эйтингон

ЛЕ03043. Сдано в набор 1.XI 1974 г. Подп. в печ. 16. I 1975 г. Форм.
бум. 60×84¹/₁₆. Печ. л. 15,5. Уч.-изд. л. 15. Тираж 3000. Заказ 12069.
Цена 90 коп.

Издательство Воронежского университета
Воронеж, ул. Пушкинская, 3

Типография издательства «Коммуна»
Воронеж, пр. Революции, 39